

А. С. ПАНКРАТОВЪ

БЕЗЪ
ХЛѢБА

ИЗДАНИЕ В. П. ПОРТУГАЛОВА

А. С. ПАНКРАТОВЪ

Б Е З Ъ Х Л Ъ Б А

ОЧЕРКИ РУССКАГО БѢДСТВІЯ

(Голодъ 1898 и 1911—12 гг.).

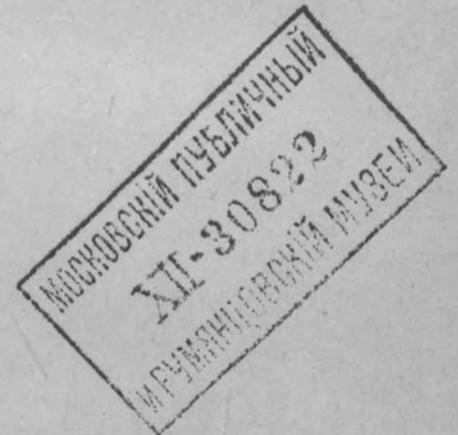
КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религиозныхъ исканій, т. I. Москва, 1910.

Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религиозныхъ исканій, т. II. Москва, 1911.

Милліоны въ землѣ. Очерки русской жизни. Изданіе В. П. Португалова (печатается).

Потомки Ивана Сусанина (готовится).

**ИЗДАНИЕ В. П. ПОРТУГАЛОВА,
Москва 1913.**

ГОЛОДЪ 1898 ГОДА.

I.

Первыя вѣсти.—„Голода нѣтъ“.—Запрещенія.—Благодѣтельная „ошибка“.

Сижу надъ старыми, пожелтѣвшими отъ времени записными книжками. Изъ далекаго прошлаго встають тяжелыя картины. Какъ давно это было. Да и было ли? Не кошмарный ли это сонъ? Какъ будто среди сытой, довольной жизни попалась мнѣ книжка, написанная кровью, объ иной чудовищной жизни и тяжесть страданій заставила вздрогнуть меня.

Встають далекіе образы: худые, темные, стонущіе. Идутъ тѣнями. Какъ много ихъ!.. Какъ тяжело беречь старую рану.

Стояла ранняя весна. Она застала меня за сухими университетскими лекціями среди каменныхъ громадъ домовъ, гдѣ солнце и радость весенней ласки кажутся несбыточной, далекой мечтой. Въ душѣ лежало тяжелое чувство пустоты и неудовлетворенности... Университетская жизнь была въ разбродѣ, рвалась на части, билась лбомъ о крѣпкую стѣну. Какъ-то кисло, безъ подъема проходила студенческая забастовка. Гордое, сильное эхо другихъ городовъ къ намъ долетало ма-

ленькимъ, неслышимъ. Такъ тогда казалось. Нервы взвинчивались, поднимались. Душа хотѣла вырваться куда-то и улетѣть въ иной, полный свободы, прекрасный міръ.

Въ мою маленькую комнату безъ зова, безъ предупрежденій ворвались первые лучи весенняго солнца: они тепло и ласково скользнули по стѣнамъ, нескромно заглядывая въ темные уголки, стали играть въ зеркалѣ и манить на просторъ полей, обѣщая показать всё прелести весны въ деревнѣ. Для меня было ясно—они ошупывали мою душу, разогрѣвали ее, замерзшую въ однообразіи и холодѣ городской жизни.

И разогрѣли...

Въ это время газеты были полны описаніями ужасовъ цынги и тифа, разыгравшихся въ Поволжѣ, на почвѣ недоѣданія. Тамъ совершалась великая драма борьбы человѣка за кусокъ хлѣба.

Началось все просто, обычно. Какъ всегда у насъ. Сначала статистическія данныя. „Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской, Уфимской и Казанской губерній урожай ниже средняго, а по мѣстамъ неудовлетворительный“. Обыватель прочелъ и подумалъ:

— Жить еще можно...

Потомъ, какъ первыя, одинокія капли лѣтнаго дождя, появились двѣ, три осторожныхъ корреспонденціи съ театра ужасовъ. Жилось тогда труднѣе, чѣмъ сейчасъ, дышалось тяжело. Нужно было, взывая, оглядываться:

„Въ д. Карабулакъ, Кармальской волости, у мѣстныхъ крестьянъ погибли озимыя. На яровыя также мало надежды. Продаются за безцѣнокъ лошади. Весьма возможно, что нужна будетъ сторонняя помощь“.

Теперь время другое, къ голоду въ деревнѣ „привыкли“, да и способовъ борьбы со старымъ строемъ стало больше, поэтому такія корреспонденціи теперь

напечатаетъ не всякая столичная газета. Редакторъ просто скажетъ:

— Не интересно. Нужно мѣсто для описанія послѣдняго скандала въ Думѣ...

Но тогда общество еще не было отравлено ядомъ конституціоннаго политиканства. Оно напряженно ждало и пользовалось каждымъ самымъ незначительнымъ случаемъ, какъ средствомъ борьбы. Голодъ поэтому былъ одинъ изъ крупныхъ козырей общества противъ надѣвшеи опеки. Вверху это знали и принимали свои мѣры. Газетамъ „не дозволялось сгруппировывать подъ общей рубрикой извѣстія о неурожаѣ и явленіяхъ, происходящихъ отъ онаго“, „воспрещалось печатать какія-либо воззванія въ пользу голодающихъ“. А въ 1892 году даже было предписано „воздерживаться относительно необходимости устроить пышную встрѣчу американскимъ судамъ, везущимъ хлѣбъ для голодающихъ“.

Но въ описываемый 1899 годъ волна прорвала плотину запрещеній. Капли забарабанили по крышѣ. Петербургскія газеты, какъ болѣе смѣлыя, поставили точку надъ і.

— Голодъ.

Ужасный, зловѣщій голодъ. Со всеми признаками разложенія: тифомъ, цынгой. Цѣлыхъ три огромныхъ губерніи объаты его пламенемъ.

Наконецъ, загремѣлъ громъ. И въ раскатахъ его Россія услышала отчаянный крикъ:

— Голодъ! Голодъ! Голодъ!

На Страстномъ бульварѣ зашипили:

— Голода нѣтъ. Раздуваютъ крамольники.

Изъ Петербурга было нажали кнопку. „Голода“ не стало. Онъ замѣнился „недородомъ“. Но Россію обмануть было уже нельзя. Она знала, что тамъ гдѣ-то, за Волгой, пластами лежатъ чуваша, мордва, татары. Пухнуть отъ голода. Шевельнуться не могутъ отъ боли.

Конечно, „они привыкли“,—но все же... Ужасно было думать, что у них нѣтъ простого, черного хлѣба, *которымъ мы кормимъ собакъ*. Мѣстами доѣдаютъ послѣднее и готовятся пухнуть. Усиленно собираютъ лебеду и разныя травы, чтобы хоть немножко продолжить существованіе.

„Мѣры были приняты“. Было объявлено, что „энергично работаетъ „Красный Крестъ“. Стараются земскіе начальники. Вся голодающая мѣстность оцѣплена попечительствами. Вездѣ столовые, чайныя, больницы, медицинскій персоналъ.

Но общество грустно качало головой. Оно подѣ сурдинку сомнѣвалось. Странное,—оно привыкло сомнѣваться. Тѣмъ болѣе, что печать продолжала свою работу. Столбцы газетъ заполнялись описаніями голода. За холодными, цензурованными словами чувствовалась раздирающая сердце драма, за „корректнымъ“ тономъ звучали рыданья. Читаешь и представляешь: вотъ умираютъ дѣти, приковывается къ постелѣ тяжелымъ недугомъ глава семьи, бѣдная, рыдающая мать напрасно подносить ребенку высохшую грудь—въ ней нѣтъ молока...

Робко былъ поставленъ вопросъ о частной помощи. Газеты осторожно завели рѣчь, что правительству, молъ, трудно, средствъ у „Краснаго Креста“ мало. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не допустить русскую интеллигенцію, нашу отзывчивую учащуюся молодежь въ деревню? Пусть учится добру, упражняется въ хорошихъ навыкахъ...

Логика власти холодна, какъ клинокъ шпаги. Она обыкновенно отвѣчала такъ:

— Хотите помочь? Что жъ, доброе дѣло... помогайте страдальцу брату, наказанному Богомъ за пьянство и лѣнь... Жертвуйте!

И подставлялась кружка „Краснаго Креста“.

Но на этотъ разъ произошла благодѣтельная

„ошибка“. Растерялись ли подѣ напоромъ общественной волны, или было что другое, но только въ одинъ прекрасный день, рядомъ съ просьбой о пожертвованіяхъ на „Красный Крестъ“ въ газетахъ появилось воззваніе, заканчивающееся многозначительными словами. Пожертвованія просили направлять по частному адресу самарской общественной организаціи—„Частнаго Кружка“. Это было понято обществомъ, какъ побѣда надѣ „старымъ строемъ“ и также учтено на „Страстномъ бульварѣ“. Тамъ злобно заворчали:

— Справились бы своими силами. Допустить общество, пропитанное желаніемъ бунта, значить разносить по деревнямъ заразу крамолы...

Но было уже поздно. За одной частной организаціей послѣдовала другая. Горячее письмо въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ А. С. Пругавина, бывшаго тогда секретаремъ самарской губернской земской управы, заставило учащуюся молодежь откликнуться на призывъ. За Волгу на помощь голодающему крестьянину устремились студенты, курсистки, гимназисты и другіе интеллигентные люди. Посыпались пожертвованія. Присылали деньги, одежду, муку, просо. Прислали откуда-то даже вагонъ пирожковъ съ яйцами. Общество, такъ долго насильно сдерживаемое, обрадовалось маленькой брешу въ великой китайской стѣнѣ и показало молодое одушевленіе, богатый родникъ силъ и энергіи.

Надумалъ и я поѣхать за Волгу. Въ это время въ городѣ, гдѣ я учился, вернулся изъ поѣздки по голодающей мѣстности извѣстный тогда профессоръ Е. Ф. Шмурло. Его блестящіе фельетоны о голодѣ печатались у кн. Э. Э. Ухтомскаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и на насъ, молодежь, производили сильное впечатлѣніе. Вообще въ это тяжелое для Россіи время, органъ кн. Ухтомскаго сослужилъ большую службу обществу. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ смѣло печатались статьи о голодѣ и воззванія,

не жалѣлись краски для описанія ужасовъ. А. С. Пругавинъ помѣщалъ тамъ свои прекрасныя письма. Правда, рядомъ съ фельетонами Шмурло и Пругавина помѣщались крѣпостническія и дикія статьи г. Ярмонкина, отрицавшаго голодъ, но имъ мы не вѣрили.

Къ Е. Ф. Шмурло я и направился за совѣтомъ. Профессоръ оказался ласковымъ человѣкомъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—сказалъ онъ,—но шуба у васъ есть?

— Это пустяки,—отвѣтилъ я.

Стоялъ холодный мартъ, а у меня кромѣ легонькой студенческой шинели ничего не было.

Профессоръ долго рассказывалъ мнѣ о трудностяхъ жизни среди голодающихъ и направилъ меня въ Самару къ А. С. Пругавину.

Черезъ день поѣздъ съ грохотомъ мчалъ меня и моего товарища, Запольскаго, на юго-востокъ.

II.

Самарскій частный кружокъ. — А. С. Медвѣдевъ и А. С. Пругавинъ.—Красный Крестъ.

Въ Самарѣ насъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. Тутъ былъ штабъ „Самарскаго Частнаго Кружка“. Организационная работа кипѣла безъ начальника. Его не было. Это была своеобразная армія. Ее двигали не приказанія, а польза дѣла. Она была ихъ главнокомандующимъ.

Штабъ состоялъ изъ людей, проникнутыхъ однимъ желаніемъ—помочь населенію. Добрымъ, хорошимъ словомъ вспоминаю я всегда этихъ милыхъ людей. Забывали свои личныя дѣла, не знали отдыха, ѣздили, терпя неудобство, по губерніи. И все это безкорыстно.

Это были частные и честные люди. Это была наша интеллигенція. Это было наше младенческое общество, которое боялись пускать безъ няньки...

Помню крѣпкую, изъ дуба сдѣланную, фигуру А. С. Медвѣдева, недавно умершаго. Послѣ онъ былъ членомъ первой Государственной Думы отъ Тверской губерніи, а тогда занималъ должность управляющаго частнымъ банкомъ въ Самарѣ. Я всегда смотрѣлъ съ уваженіемъ на это умное, крестьянское (онъ изъ крестьянъ) лицо и любилъ слушать его грубоватый, но пріятный голосъ. Въ памяти представительная фигура А. С. Пругавина, его корректный тонъ. Этотъ человѣкъ интересовалъ меня и съ другой стороны — какъ знатокъ сектантства и старообрядчества. Но я смѣшалъ А. С. съ его братомъ, извѣстнымъ народникомъ. А такъ какъ тогда былъ самый разгаръ споровъ и печатной борьбы между марксистами и народниками, то я съ юношескимъ задоромъ спросилъ Александра Степановича:

— Вѣрите ли вы еще до сихъ поръ въ идеалы народничества?

Онъ было попробовалъ перейти въ шуточный тонъ, но я пресерьезно заявилъ, что для меня этотъ вопросъ очень важный. Я былъ, конечно, марксистомъ.

Милая юность!

Въ моей книжкѣ записано, что А. С. Пругавинъ далъ мнѣ такой отвѣтъ:

— Я замѣчаю упадокъ народничества, но не вижу ничего привлекательнаго въ марксизмѣ.

Это меня не удовлетворило. Мнѣ нужна была опредѣленность: народникъ ты или марксистъ? Къ народникамъ я относился развѣ только снисходительно.

Какъ давно, давно это было! Словно золотой сонъ дѣтства...

Секретаремъ кружка была живая, умная дѣвушка, Н. А. Хардина, дочь очень извѣстнаго въ Поволжьѣ

адвоката Хардина, недавно умершаго. Она рассказала мнѣ исторію Кружка.

Исторія эта грустная, хотя и обычная. Много шиповъ, терній. Вездѣ были преграды. Но *неожиданно* все увѣнчалось успѣхомъ. Когда дѣло возникло, его вогнали въ загородку „законности“. Было узко, но работать все-таки можно.

— Словомъ, произошло своего рода чудо,—закончила моя собесѣдница.—Среди чудесной обстановки мы и сейчас работаемъ. Но какъ трудно привыкнуть къ чуду!

„Кружокъ“ согласился легализовать подъ условіемъ, чтобы онъ не печаталъ ничего о себѣ. Но комитетъ кружка собралъ 25 тыс. пожертвованій и нашелъ мѣсто для своихъ воззваній въ субсидируемыхъ правительствомъ органахъ: „Котлинъ“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Губернаторъ, увидавъ воззванія, напомнилъ объ обѣщаніи комитета ничего о себѣ не печатать. А комитетъ отвѣтилъ:

— Тогда мы отошлемъ назадъ все пожертвованія жертвователямъ.

Это былъ бы грандіозный скандалъ. Губернаторъ это понялъ и замолчалъ. Кружокъ сталъ работать, но администрація все время не сводила съ него глазъ. Приходилось дѣйствовать крайне осторожно и прежде всего ничѣмъ не возмущаться. Между тѣмъ, въ глаза лѣзли поступки присылаемыхъ „Краснымъ Крестомъ“ уполномоченныхъ и другихъ чиновниковъ. Къ дѣлу эти лица отнеслись, какъ къ пріятному развлеченію и выгодной командировкѣ. Народъ пухъ отъ голода, а они отписывали въ Петербургъ: „Голода нѣтъ, есть маленькій недородъ“. Лишь цынга ихъ испугала не на шутку.

А. С. Медвѣдевъ видѣлъ все безобразіе и ужасъ дѣйствительности и, бывало, говорилъ:

— Сейчас мы будемъ вести себя тихо, а послѣ компаніи я опубликую все въ заграничныхъ газетахъ...

Но, кажется, такъ и не успѣлъ опубликовать.

Между кружкомъ и „Краснымъ Крестомъ“ шла глухая борьба. Я былъ у одного доктора „Краснаго Креста“. Онъ такъ отзывался о кружковскихъ воззваніяхъ:

— Жалкія слова.

Удивлялся:

— Я не понимаю, какъ студенты идутъ въ Кружокъ на 10 — 15 рублей въ мѣсяць? Это же нищенскій окладъ!

Они предлагали гораздо больше, но къ нимъ шли мало. Чиновникъ „Краснаго Креста“ никакъ не могъ догадаться, что для нашей молодежи „дѣль не оправдывала средства“. Молодежь шла не на оклады, а въ деревню на помощь крестьянину. Флагъ частной организаціи давалъ ей больше свободы дѣйствій.

III.

Въ деревнѣ. — „Скорпіонъ“. — Г. Яромонкинъ. — Отзывы администраціи и дѣйствительность.

На мѣста отъ кружка уже выѣхало много народа. Въ деревнѣ появились незнакомые люди. Доселѣ мужики знали земскаго, сидѣлицу изъ винной лавки и священника. Изрѣдка наѣзжали изъ города разные непріятные чиновники, которые, то распекали, то требовали, то просто ничего не дѣлали, а прозвенѣвъ бубенчиками, куда-то уѣзжали. Теперь, бокъ-о-бокъ съ крестьяниномъ и даже въ его хатѣ поселились совершенно иные люди, какъ будто съ другой планеты.

„По обличью, какъ будто и господа, но больно до нашего брата болѣзны. Распекать—не распекаютъ, недоимокъ не требуютъ, а сами, наоборотъ, помогаютъ. Чудные!..“

Появились „барышни изъ столовой“, „столовники“ и „столовницы“. Названіе очень удачное: столовались какъ будто не крестьяне у интеллигента, а, наоборотъ, интеллигенты у крестьянъ.

Въ концѣ марта я направился въ Бугульминскій уѣздъ. Поѣздъ сергіевской „костоломки“ протасилъ меня до Минеральныхъ водъ. Тамъ меня взяли на себя худыя лошаденки чувашина и начали борьбу съ невылазной грязью. Но на душѣ у меня было весело. Сверху смѣялось ласковое, весеннее солнце.

Я въ деревнѣ.

Скорѣе къ ужасу, горю, страданью! Гдѣ эти несчастные, безпомощно валяющіеся въ цынгѣ?

Чувствовалась сила, страстное желаніе работать не покладая рукъ. Молодое воображеніе рисовало картины одна другой ужаснѣе. Впередъ толкало и любопытство, новизна явленія.

Еще въ поѣздѣ николаевской дороги, подъ грохотъ колесъ, меня въ тревожномъ полуснѣ угнетали какіе-то призраки. Предъ глазами ярко рисовалась картина голода въ Индіи, гдѣ-то видѣнная. Сидѣли длинные человѣческіе скелеты, понуривъ голову, на землѣ. Дѣти лежали безпомощно. Ни крика, ни стона. Все давно замерло и съ холоднымъ равнодушіемъ смотритъ въ лицо костлявой смерти. Надъ усталой, больной отъ непрерывнаго грохота, головой, среди мерцанія свѣчи, въ грязномъ вагонѣ 3-го класса носились эти ужасные призраки. Они склонялись надо мной, что-то шептали—долго и страшно. И боль головы усиливалась, и кошмаръ становился тяжелѣе. Только утромъ улетали призраки. Но тяжелое впечатлѣніе оставалось.

Тутъ, въ деревнѣ, эти призраки снова стали меня посѣщать. Вѣчная грязь, непривычка къ ѣздѣ, натянутость нервовъ. Все это вновь рождало головную боль и усталость. Призраки рѣяли въ темнотѣ ночи подъ шуршанье таракановъ въ деревенской избѣ.

Я искалъ ихъ воплощенія въ жизни. Но, представьте, не находилъ. Нужда въ глаза не била. Ъхалъ по голодающей мѣстности и не видѣлъ голода, какъ я его себѣ рисовалъ. Былъ среди больныхъ и не видѣлъ болѣзни. Что же это такое?

Первое время я былъ смущенъ. Вглядывался въ лица встрѣчавшихся мужиковъ и бабъ, видѣлъ дѣтей, но ничего тревожнаго не замѣчалъ. Мужики, какъ мужики... И хлѣба не просятъ. И за помощью не обращаются.

Еще въ вагонѣ желѣзной дороги я попалъ съ моими молодыми представленіями въ лужу „трезвыхъ“ взглядовъ. Ъхалъ какой-то вертлявый человѣкъ, какъ оказалось, управляющій однимъ имѣніемъ, и земскій врачъ. Это были мѣстные люди. Мы разговорились.

— На голодъ ѣдете? Напрасно, — озадачилъ меня управляющій.

— Какъ напрасно?

— Да такъ-съ. Не стоитъ труда. И голода нѣтъ никакого—одна лѣнь. Лучше бы эти деньги, что на столовые идутъ, въ другое мѣсто пошли... на флотъ или въ инвалидные капиталы.

— Но, вѣдь, у крестьянъ нѣтъ хлѣба! Какъ же такъ? Цынга и тифъ... Фактъ на лицо.

— Молодъ вы, сударь, и деревни не знаете! Здѣсь притворства не оберешься. „Мы люди темные“, — корчить мужикъ изъ себя дурака, а самъ свою выгоду знаетъ, доровитъ вамъ въ карманъ забраться. Хорошо, вѣдь, жить-то на чужія деньги и ничего не дѣлать!

— Но, позвольте...

— Вамъ-то ничего... Вы провели время для своего удовольствія, да и уѣхали въ столицу. А мы тутъ круглый годъ съ ними. Разопретъ его съ благотворительныхъ пѣй, къ нему въ рабочую пору и приступу нѣтъ.

Я хотѣлъ спорить, но управляющій съ явной досадой на лицѣ вышелъ изъ вагона.

— Скорпіонъ, а не человѣкъ,—тихо замѣтилъ врачъ,—они тутъ со своимъ бариномъ всю округу въ ежевыхъ рукавицахъ держатъ. Кулаки, хоть и дворяне. Но и вамъ, молодой человѣкъ, не слѣдъ смотрѣть сквозь розовыя очки. Сентиментализмъ-то столичный нужно бросить. Онъ помѣшаетъ вамъ. Здѣсь не такъ обстоитъ дѣло, какъ иногда пишутъ. Нужно смотрѣть правдѣ въ глаза.

— Голодъ, дѣйствительно, есть, — продолжалъ онъ,—и голодъ замѣтный. Но ужасовъ, о которыхъ вы говорите, нѣтъ. Здѣсь живутъ и умираютъ просто, порусски (онъ улынулся грустной улыбкой), безъ аффектацій. Голодъ самъ къ вамъ не пойдетъ, его нужно сыскать, хотя это сдѣлать и не трудно. Это чисто русская черта. Хороша ли она—вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ, она удобна для многихъ, а мужика нашего равняетъ съ паусами и другими дикими людьми. Что касается цынги и тифа, то эти болѣзни здѣсь не переводятся никогда...

— Но это еще ужаснѣе,—замѣтилъ я.

— Можетъ быть, но я констатирую фактъ. О притворствѣ онъ говорилъ—оно, дѣйствительно, есть. И нужно наметаться, чтобы отличить истинную нужду отъ подложной.

Мы долго говорили. Врачъ былъ деревенскій практикъ, съ трезвымъ взглядомъ. Послѣ я узналъ, что его любили крестьяне, несмотря на то, что онъ подчасъ былъ грубъ съ ними.

На одной изъ станцій въ вагонъ вошелъ управляющій.

— Заболтался тамъ съ знакомыми,—сказалъ онъ,—теперь слѣзаю. А вамъ на память хочу подарить одну брошюрку. Полезная вещь. Прощайте!

Въ моихъ рукахъ очутилась тонкая тетрадка съ

многообъщующимъ заголовкомъ: „Правда о самарскомъ голодѣ“. Авторъ—г. Ярмонкинъ.

Я зналъ этого господина по „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“. Много говорилъ мнѣ о немъ А. С. Медвѣдевъ. Когда наступила острая нужда, Ярмонкинъ предлагалъ крестьянской семьѣ изъ 4 человѣкъ рабочихъ съ подводой въ недѣлю 90 коп. Крестьяне говорили:

— Лучше умремъ, чѣмъ поѣдемъ на такую работу.

А Ярмонкинъ вездѣ звонилъ:

— Какой же это голодъ, если не идутъ на работу?

А. С. Медвѣдевъ „попросилъ“ его изъ своего кабинета, когда онъ пришелъ къ нему и началъ ругать крестьянъ.

Врачъ опредѣлялъ физіономію Ярмонкина такъ:

— Это типикъ!

Дѣйствительно, „типикъ“. Большаго презрѣнія къ мужику я не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Думаю, что самъ покойный Грингмутъ, кладя подъ розгу русское крестьянство, все-таки трепалъ его по плечу и утѣшалъ:

— Ничего, братъ! Терпи, казакъ...

Тутъ и этого не было. Его „правда о голодѣ“ была сплошной тенденціозной выдумкой. Онъ видѣлъ только лѣньность, злостное притворство и грубость мужика. Словомъ, все, кромѣ голода.

Я проводилъ врача и остался одинъ въ вагонѣ. Наступила ночь. Въ искрахъ паровоза чудились мнѣ страшныя тѣни голода...

Продолжаю искать страданье. Останавливаюсь на „въѣзжей квартирѣ“ и по-долгу разспрашиваю старосту, хозяина или ямщика.

— Ну, что—у васъ голодають?

— Туго приходится, а только не совсѣмъ...

— Цынга есть, пухнетъ народъ?

— Не слышать этого. Говорятъ, что жена Яцерыка

Яштинкина лежитъ хвора, а только отчего и какъ, мы не знаемъ, мы не фершала...

Захожу въ избу къ хозяину. Обѣдаетъ вся семья. Есть хлѣбъ, картофель, капуста. Повидимому, всё здорово и сыты. Въ праздничный день видѣлъ пьяныхъ. Подворнаго обхода я пока не дѣлалъ,—спѣшилъ на мѣсто.

Проѣзжалъ однимъ врачевнымъ пунктомъ. Заѣхалъ къ доктору. Осторожно, чтобы не показаться наивнымъ, спросилъ о голодѣ:

— Огромный голодъ,—отвѣтилъ онъ.—Кругомъ нѣтъ хлѣба. Многія семьи еще держатся, но черезъ мѣсяцъ тутъ будетъ что-то ужасное. Больныхъ и теперь масса—цынга и тифъ...

— Какія же деревни особенно голодаютъ?

Онъ назвалъ какъ разъ тѣ, которыми я проѣзжалъ.

— Странно.

Въ большомъ раздумьѣ продолжалъ я путь.

Наконецъ, я на мѣстѣ. Освоился. Живу и работаю. И вижу, какъ съ каждымъ днемъ мѣняется картина. Глубже вхожу въ жизнь крестьянина и ужасаюсь той бездны нужды, среди которой онъ живетъ. Загородка, которая отдѣляетъ насъ отъ мужика, при совмѣстной съ нимъ жизни и ласковомъ обращеніи, постепенно исчезаетъ. Изъ сфинкса, загадочнаго, дикаго, полуживотнаго, онъ превращается въ человѣка, несчастнаго, но высокаго по своей духовной природѣ.

Ласка въ деревнѣ дѣлаетъ чудеса. Ея такъ тамъ немного, что даже малая доза даетъ вамъ ключъ къ сердцу. Безъ ласки для васъ все предстанетъ въ иномъ свѣтѣ. Годы угнетенности воспитали въ деревнѣ сознаніе, что „господа“ любятъ въ деревнѣ благополучіе. Вотъ почему наружно все спокойно—это основа и источникъ для традиціоннаго „все обстоитъ благополучно“. Спросите вы старосту, старшину, словомъ, лицъ начальствующихъ:

— А голодно у васъ?

— Пустое все. Всегда такъ жили, Бога не гнѣвили... А что мужикъ нонѣ пошелъ прощальнаго—это вѣрно. Все бы ему подачки. Работать не любитъ...

Спросишь у постороннихъ объ этомъ лицѣ. Говорять:

— Да это кулакъ, всѣхъ въ рукахъ держитъ, крикомъ кричимъ отъ него!..

Въ деревнѣ выборными администраторами являются почти всегда „кулаки“, „богатѣи“. Къ матеріальному верховенству имъ выгодно прибавить и юридическое. Оно удваиваетъ имъ внѣшній „почетъ“. А мужики выбираютъ такихъ потому, что шагу шагнуть безъ нихъ не могутъ. Все опутано ихъ сѣтями. Они дѣйствуютъ на своихъ избирателей и подкупами, и „острасткой“. Начальству такіе кулаки-старшины также на руку. Они имѣютъ больше вліянія на крестьянъ. Крестьяне всѣхъ ихъ глубоко ненавидятъ, но снимаютъ шалки и величаютъ:

— Ты одинъ у насъ отецъ-благодѣтель!

Есть среди такихъ старшинъ большіе „дипломаты“. Спрашиваю одного:

— Голодаютъ у васъ крестьяне?

Приготовился слушать филиппику по адресу „лѣвивыхъ пьяницъ“. Вдругъ иное:

— Страшно голодаютъ, особенно въ деревнѣ Казанкѣ, тамъ народъ вальмя валится—все поѣли, лебеду жрутъ...

— Что за исторія,—думаю.

— Вотъ бы, господинъ, если бы вы у земскаго попросили попечительскую столовую тамъ открыть—было бы хорошо...

— Попрошу...

— А меня попечителемъ...

Ларчикъ просто открывался.

Вообще отзываюсь о голодѣ волостной и даже сель-

ской администраціи вѣрить нужно съ большой осторожностью. Она изъ группы, по своимъ экономическимъ интересамъ, противоположной бѣднотѣ. А между тѣмъ, сколько людей основываютъ свои мнѣнія на словахъ людей этой группы! Люди, „по казенной надобности“ посѣщающіе деревню, всѣ свои отчеты основываютъ на такихъ сомнительныхъ данныхъ. Отсюда понятно, что „голодь выдумали крамольники“.

У самихъ крестьянъ также трудно добиться прямого отвѣта. Въ голодающей деревнѣ все спокойно и наружно благополучно. На этотъ обманъ поддаются многіе, искренно отрицающіе голодь:

— Сами мужики говорятъ, что нѣтъ ничего особеннаго...

У крестьянина спросишь:

— Голодають у васъ?

Онъ отвѣчаетъ:

— Да, не очень развѣшьясь ноябѣ...

— Болѣютъ?

— Бають люди,--болѣютъ. У меня мальчонка ногами слегъ. Ничего, поднимется...

— Хлѣбъ-то чистый ѣшь или съ примѣсью?

— Кладу лебеды для сладости.

— А мякину?

— Нѣтъ... Богъ миловалъ...

И все въ такомъ родѣ. Даже находятъ возможность шутить.

Нужда крестьянина не лѣзетъ сама въ глаза. Я бы сказалъ, что это хорошая черта. Но... въ Самарѣ въ земскимъ санитарномъ бюро, докторъ Гранъ показывалъ мнѣ образецъ „голоднаго хлѣба“. Смѣсь земли, какого-то пепла, мякины и отрубей.

— Да неужели?—говорю.

— Это какое-то свинство,—вырвалось у одного присутствующаго.

— Велико терпѣніе русскаго народа, — сказалъ кто-то.

— Что это за терпѣніе! Просто каннибализмъ, допотопное время, каменный періодъ...

Такое терпѣніе, пожалуй, и отрицательное качество...

Чтобы видѣть нужду во всемъ ея печальномъ блескѣ, нужно не заходить ни въ волостное правленіе, ни останавливать перваго встрѣчнаго мужика. Нужно начать подворный обходъ деревни. И вотъ тутъ даже при бѣгломъ осмотрѣ откроются передъ вами ужасныя, глубокая язвы.

Такъ я и дѣлалъ. Результатъ былъ поразителенъ. Наружное „все обстоитъ благополучно“ исчезло. Предомно раскрывались покровы, отдѣляющіе настоящую жизнь отъ „спокойнаго благополучія“. Подчасъ даже тѣ краски, которыми я рисовалъ себѣ голодь, не видя его, блѣднѣли. Картина была ужаснѣе. „Голодь въ Индіи“ былъ близокъ къ нашей дѣйствительности.

Не валялись на улицѣ скелетообразныя людскія тѣни. Но въ цынготныхъ больничкахъ лежало по 15—20 человѣкъ, людей только по имени. Въ дѣйствительности, это были трупы. Запахъ трупный, видъ умирающаго, вспухшее лицо, потускнѣвшій взглядъ, тяжелое прерывистое дыханіе. Откроешь ноги—огромныя, багровыя, кровавыя пятна. Это я говорю о тяжелой формѣ цынгги. Печальную процессію представляла вереница легко цынготныхъ, идущихъ изъ домовъ въ цынготную столовую. Съ клокками въ рукахъ, съ охами и вздохами, сгорбленные, желтые, оставляя за собою въ воздухѣ трупный запахъ, собирались эти люди въ одну избу.

Эта картина, право, недалеко отъ индійской.

IV.

Въ голодающей Лашманкѣ. — Попечительская столовая. — Воровство. — „А шать давай“.

Весенняя распутица. Ни на санихъ, ни на телѣгахъ ѣхать нельзя. У крыльца меня ожидала верховая лошадь съ мальчишкой—проводникомъ.

— Неужели иначе нельзя проѣхать?—уныло спрашиваю я.

— Нельзя,—отрѣзалъ мальчишка.

Ему, видимо, были противны мои городскія привычки. Онъ безъ сѣдла гарцовалъ передъ окнами на бойкой рыжей лошади.

— А смирная?—спросилъ я.

— Специальная...

Я съ трудомъ влѣзъ первый разъ въ жизни на сѣдло. „Специальная“ была, видимо, стара. Она вздрагивала всѣмъ корпусомъ и, какъ будто, ломилась подо мной.

— Ну, съ Богомъ,—проводжалъ земскій врачъ Ротбергъ.—Относительно голода „не сумлѣвайтесь“, тамъ и въ хорошіе года ѣсть нечего, а нынѣ—не приведи Богъ злему татарину.

Мы тронулись. Я оглянулся—врачъ смѣялся надъ моей „гофмаршалской“ фигурой.

Милый, рѣдкій человѣкъ. Онъ завѣдывалъ отъ Кружка нашимъ голоднымъ райономъ и былъ душой дѣла. Я былъ однимъ изъ двухъ его помощниковъ.

Выбрались за село. Здѣсь я понялъ, что „специальная“, дѣйствительно, единственный способъ передвиженія. Ноги ея уходили по щиколотокъ въ глинистую, затягивающую грязь.

— Ну, ужъ дорожка,—невольно вырвалось у меня.

— Это еще благодать,—отвѣтилъ мой провод-

никъ,—а вотъ подь Сотниковымъ хуторомъ какъ бы совсѣмъ не застрять.

— То-есть какъ?

— Рѣчонка тамъ. Мостъ сломало. По водѣ будемъ ѣхать, до сѣдла доходить...

— Этого еще не доставало—утонуть,—подумалъ я. Но хуторъ проѣхали благополучно. Вдали показалась татарская деревня Лашманка—цѣль моей поѣздки.

Это былъ мой первый визитъ въ голодающую деревню. Я никогда не забуду его.

Околица. Сѣрые, смоченные дождемъ, домики съ соломенными крышами. Въ серединѣ убогая мечеть. На вышкѣ минарета призывалъ къ вечерней молитвѣ „азантай“. Снизу были отчетливо видны его сѣдая борода, зеленый, полосатый халатъ и бѣлая чалма. Въ воздухѣ прокатились и исчезли послѣднія слова его молитвеннаго призыва. Онъ отнял отъ ушей руки и, облокотившись на баллюстраду, началъ съ любопытствомъ вглядываться въ меня. Въ избахъ захлопали оконшки. Высовывались характерныя татарскія лица, съ любопытствомъ смотрѣвшія на чужого человѣка.

Не успѣлъ я войти во „въѣзжую квартиру“, какъ дворъ наполнился толпой народа. Женщины стояли поодаль. Всѣ онѣ были въ грязныхъ, но яркихъ костюмахъ. Дѣти въ засаленныхъ тубитейкахъ и желтыхъ халатахъ висѣли на окнахъ. На помостѣ около двери слышался гулъ голосовъ и крикливые возгласы. Толпа взрослыхъ громко, возбужденно говорила на своемъ языкѣ, жестикулируя и показывая пальцами на мою комнату.

Староста Ибрагимъ, высокій худой человѣкъ, и нѣсколько сѣдыхъ татаръ, сидѣли со мной и рассказывали о своемъ житьѣ-бытьѣ. Грустное ихъ житье. Голодъ уже вступилъ въ свои права.

— Больно плоха наша стала,—говорилъ Ибрагимъ.

— Лошадки та нѣтъ, овечки та нѣтъ, нисего нѣтъ,—

повторялъ хозяинъ квартиры, съдой, со слезящимися глазами, татаринъ.

— А для дѣтей попечительская столовая есть?— спросилъ я.

— Есть, только...

Ибрагимъ оглянулся на дверь и наклонился ко мнѣ:

— Воровство, а не кормежка...

И всё вдругъ часто-часто, съ негодованіемъ, заговорили:

— Хлѣбъ воруетъ, наживается, ребятъ бьетъ...

— Прогони, Александръ,—просилъ Ибрагимъ,— кровь нашу пьеть... Царь прислалъ денегъ намъ, а онъ себя беретъ.

— Больно тершимъ отъ Хабибуллы...

Рѣчь шла о завѣдующемъ попечительской столовой.

Бесѣда затянулась за полночь. Я уже зналъ положеніе деревни во всѣхъ деталяхъ. Разъ по десяти мнѣ передавали объ одномъ и томъ же. Я усталъ, хотѣлось остаться одному, чтобы разобраться во впечатлѣніяхъ. А татары сидѣли и продолжали тянуть свою грустную нескончаемую повѣсть...

Заморосилъ дождикъ. Спускались сумерки. При тускломъ освѣщеніи умирающаго дня вся эта оборванная, грязная толпа навѣвала невольную грусть. Въ сердцѣ заползала безотчетная тоска. По стѣнамъ шурпала и копошились тараканы. Сдѣлалось нестерпимо больно, физически больно. Болѣла голова, ныли усталые члены. Уйти куда-нибудь изъ этой душной комнаты. Казалось, что изъ каждой щели здѣсь глядѣла нужда. Подчасъ я уже ничего не видѣлъ предъ собою, все сливалось въ одну точку, прыгающую, мелькающую. Слышалъ только нескончаемую цѣпь словъ—жалкихъ, сверлящихъ душу:

— Больно плоха наша стала. Лошадки-та нѣтъ, овечки-та нѣтъ, нисего нѣтъ...

Этихъ людей я гдѣ-то видѣлъ... Гдѣ? Тысячи разъ

ихъ видѣлъ... Во всѣхъ концахъ Россіи. И всё они одинаковы. Маленькіе, жалкіе... „Тергѣливые“,—какъ противно это слово. И все противно. И ноющую пѣсню эту я слышалъ миллионы разъ. И голодъ, и холодъ, и притѣсненіе. Все это до тошноты, до ненависти, до криковъ боли знакомо и противно...

Я склонился на нары. Какъ отчаянно болѣла голова. Какіе-то молотки опускались, били и вновь подымались...

— Лошадки-та нѣтъ, овечки-та нѣтъ, нисего нѣтъ...

Утромъ проснулся опять съ головной болью. Картина не измѣнилась. Десятокъ татаръ смотрѣли на меня, какъ и вчера. На окнахъ висѣли ребята, а въ углу сарая стояла толпа женщинъ.

Мы начали съ Ибрагимомъ подворный обходъ. Нужды долго искать не пришлось. Она ежеминутно появлялась во всемъ своемъ безобразіи. Средняго достатка семьи доѣдали послѣднее. Много семей жили только 35-фунтовымъ пайкомъ земства. Но его въ этотъ мѣсяць долго не выдавали, такъ какъ провезти было нельзя въ распутицу.

Во многихъ домахъ хлѣбъ былъ необычайный, шоколаднаго цвѣта. Это лебеда. Иногда изъ него торчали хвостики отрубей и сѣрый слой простой грязи.

Что-то нечеловѣческое.

Не притворяются ли? Нетрудно положить предъ моимъ приходомъ кусокъ отвратительной смѣси. Я садился около дѣтей и, разговаривая, слѣдилъ. Они ѣли этотъ хлѣбъ ровно, спокойно, такъ, какъ ѣдятъ натуральный хлѣбъ. Такъ же ѣли его и взрослые за обѣдомъ.

— Мы привыкли,—говорили они,—все лучше, чѣмъ ничего.

Помню ребенка. Худенькія ручки, огромный отвислый животъ. Старческая серьезность на лицѣ. Онъ смотрѣлъ намъ въ глаза глубокимъ, не земнымъ взгля-

домъ и ѣлъ огромный кусокъ хлѣба изъ лебеды. Хрустѣлъ песокъ на зубахъ.

Навертывались слезы.

Въ попечительской столовой „Краснаго Креста“ кормили ребятъ школьнаго возраста. Я зашелъ на обѣдъ. Попечитель Хабибулла смотрѣлъ на меня встревоженнымъ взглядомъ. Тихою грустью прозвучала предобѣденная молитва, пропѣтая однимъ мальчикомъ. Въ татарскихъ молитвахъ и пѣсняхъ есть что-то глубоко печальное. Какое-то воспоминаніе о великомъ, хорошемъ прошломъ и рыданія о невозвратномъ прошедшемъ. Ребята заработали ложками. Ыли какую-то мутную, пустую, горячую жижицу. Хабибулла отвѣшивалъ полуфунтовые пайки хлѣба.

— Воруетъ, меньше даетъ,—шепталъ мнѣ на ухо Ибрагимъ.

Похлебкой обѣдъ начался и кончился. Я былъ уже на улицѣ. Вдругъ слышу крикъ.

Одинъ татарченокъ вылетѣлъ изъ двери и съ ревомъ растянулся на землѣ. Разъяренный Хабибулла появился на порогѣ дома:

— Нельзя такъ, говорю, нельзя... паршивый!

Для меня онъ говорилъ по-русски.

Что такое?—спрашиваю.

— Кусокъ взялъ... Зачѣмъ взялъ? А? Земскій не велѣлъ. Жри здѣсь!..

Мальчикъ рыдалъ.

— Сестрѣ взялъ, брату взялъ,—говорилъ онъ сквозь слезы.

— Укралъ?—спрашиваю.

— Какое укралъ,—поясняетъ возбужденный Ибрагимъ,—въ обѣдѣ не доѣлъ свой кусокъ и понесъ домой. Дома хлѣба нѣтъ, такъ сестрѣ...

— Нельзя такъ, говорю,—подскочилъ Хабибулла.— Въ столовой жри, а домой земскій не велѣлъ...

Онъ лгалъ. Паекъ выдавался въ полное распоряженіе

ребенка. Но контроля не было, а важное дѣло кормленія было передано „Краснымъ Крестомъ“ сомнительнымъ людямъ. Хабибулла что хотѣлъ, то и дѣлалъ, съ голодными дѣтишками. Обвѣшивалъ, бралъ остатки себѣ. Тяжелая сцена.

Мальчикъ продолжалъ рыдать. Ему по моей просьбѣ дали кусокъ. Онъ бросился бѣжать съ нимъ къ голодной сестрѣ.

Во многихъ семьяхъ у женщинъ, особенно кормящихъ грудью, темныя, водяночныя лица. Цынга уже началась. Кровавые подтеки на ногахъ. И невыносимый запахъ въ избѣ.

Къ вечеру перваго дня мы обошли съ Ибрагимомъ одну улицу. Рядъ избъ выходилъ въ черное поле, гдѣ виднѣлся, мѣстами не стаявшій, снѣгъ. Въ углубленіи одиноко стоялъ домикъ безъ крыши и безъ двора. Я думалъ, что это погребъ или баня, и хотѣлъ пройти. Но изъ двери выглянула женщина, и староста попросилъ меня зайти.

Домикъ оказался людскимъ жильемъ. Я отворилъ дверь и очутился какъ будто въ темномъ погребѣ. Свѣтъ скупо проникалъ въ оконце, полузавѣшанное тряпкой. Двѣ трети помѣщенія занимала печка, но на ней, все-таки, нельзя было помѣститься взрослому человѣку. Остальное пространство было такъ узко, что разойтись двоимъ было трудно. На земляномъ полу красовалась лужа снѣговой воды.

Здѣсь жили *люди*: мать—вдова и двое ея сыновей. Съ печки глядѣло на меня блѣдное заплаканное личико въ разорванной рубашонкѣ и просаленой-драной тубитейкѣ. Около лужи, на полу, сидѣлъ другой мальчикъ и, видимо, дрожалъ отъ холода. Въ углу стояла, закрывъ лицо руками, мать. Было пусто и тихо, какъ у гроба.

— Неужели они здѣсь ночуютъ?—спросилъ я Ибрагима.

— Какъ придется, когда кто возьметъ къ себѣ на

ночь, въ теплѣ почувуютъ, а не возьметъ, и здѣсь остаются.

— Но гдѣ же? Неужели въ лужѣ?

— Они вѣдь нищѣ,—пояснилъ староста.

Когда мы уходили, мать заплакала и, протягивая руки, о чемъ-то просила.

— Что она проситъ, Ибрагимъ?

— Съ утра не ѣли. Никто не подаетъ,—у самихъ нѣтъ...

Дѣтское личико, все время испуганно смотрѣвшее на меня съ печки, вдругъ задергалось, сморщилось и разразилось громкимъ плачемъ. Мальчикъ, сидѣвшій въ углу, низко опустилъ голову.

Такъ живутъ люди! И сколько людей такъ живутъ, не видя просвѣта!

Черезъ недѣлю семья эта была принята въ новооткрытую столовую. А немного спустя Сахибъ—такъ звали вдову—уже франтила въ новомъ костюмѣ, подаренномъ одной изъ пріѣхавшихъ на голодъ дамъ. Нужно было видѣть радость ея и ребятъ, также одѣтыхъ въ новые халаты. Довольная и счастливая улыбка не сходила съ лица ихъ за все четыре мѣсяца кормленія. Нѣтъ сомнѣнія, что это время было самымъ счастливейшимъ періодомъ въ жизни этихъ несчастныхъ существъ, почувствовавшихъ себя хоть на короткое время людьми.

На другой день новая картина. Какая-то женщина бросилась предо мной на колѣни съ плачемъ.

— Что такое?—спрашиваю Ибрагима.

— Домъ свалился. Лошадь, значитъ, почесаться подошла...

— Что-о?

Анекдотъ какой-то! Идемъ на мѣсто „происшествія“. Станный, грустный фактъ. Одинъ уголъ дома сѣлъ, старое бревно было выворочено.

— Неужели, лошадь?

— Да... сосѣдская.

Хорошъ домъ!

Женщина плакала. Она еле избѣжала опасности—домъ могъ рухнуть и задавить ее съ шестью дѣтьми.

— А новый домъ сколько стоитъ?

— Изъ кизяка рублей двадцать.

Припоминаю въ другой деревнѣ такой фактъ. Позвали къ цынготной. Идемъ со старикомъ, отцомъ больной. Прошли рядъ избъ, вышли въ поле.

— Куда же?—говорю.

— А вотъ, труба...

Смотрю: на землѣ стоитъ труба, изъ нея вьется дымъ. Жилище оказалось подъ землей. Грязь, сырость. Бѣдность непокрытая. Пятеро ребятъ, все блѣдные, больные.

— Ты бы изъ кизяка устроилъ избу,—говорю старику.

— Плоха наша... Денегъ нѣтъ...

Такъ шли день за днемъ. Тяжелые, утомительные дни. Картины нищеты и болѣзней били по нервамъ.

Въ концѣ третьяго дня я уже чувствовалъ упадокъ силъ. Жалость и острота чувствъ спустились куда-то на дно. Осталось одно желаніе—уйти отъ этого ужаса, успокоиться.

Круглыя сутки я былъ одинъ. Днемъ обходъ. А вечеромъ десятокъ татаръ забирались ко мнѣ и или молча ѣли меня глазами, или возбужденно, со сверкающимъ взоромъ говорили о попечителѣ.

И было невыразимо жаль этихъ несчастныхъ людей. Безысходную нужду не могъ замаскировать возбужденный, повидимому, энергичный говоръ. Сквозь страстные, горячія рѣчи слышались робкія рыданія. За дерзкимъ, смѣлымъ взглядомъ скрывалась вѣковая забитость...

Уходили они, садился надоѣдливый хозяинъ квартиры и тянулъ свою однообразную пѣснь:

— Лошадки-та нѣтъ, овечки-та нѣтъ...

И въ тревожномъ, кошмарномъ снѣ слышалась мнѣ эта пѣснь.

Просыпаясь, я видѣлъ на лавкѣ все того же татарина съ его печальной, тянущей за душу, пѣсней.

Въ постели цѣлая армія клоповъ и таракановъ терзала меня. Болѣла голова, ныли усталые члены.

Наконецъ, обходъ кончился. Получилось общее впечатлѣніе, что кормить надо всѣхъ. Своего хлѣба ни у кого почти не было.

Я объяснилъ старостѣ, что ѣду за провизіей и скоро пріѣду устраивать столовую.

Подали лошадь. Я предвкушалъ пріятное одиночество и отдыхъ. Но у околицы меня ждала новая неожиданность.

У крайняго дома собралась огромная толпа женщинъ и дѣтей. Она, какъ по командѣ, бросилась ко мнѣ. Поднялся плачь, шумъ. Дѣти лѣзли подъ ноги лошади, женщины цѣплялись за поводъ, за сѣдло, тащили меня на землю и что-то по-татарски кричали. Мнѣ стало жутко. Чего они требуютъ? Вдругъ, знакомая русская фраза:

— Ашаты (ѣсть) давай! Зачѣмъ уѣзжаешь?

Я долго объяснялъ, что ѣду за провизіей и скоро вернусь.

Всѣ были покойны, пока я говорилъ. Но какъ только я дернулъ лошадь, чтобы ѣхать, началось прежнее. Крикъ, плачь, шумъ.

Кое-какъ съ тяжестью на сердцѣ выбрался я изъ толпы.

Оборванные, голодные люди, долго бѣжали за лошадью и громко кричали:

— Ашаты давай!..

V.

Си филитикъ.—Христіане за 10 рублей.—
Василинъ Васильевичи.—Зараженная деревня.

Каждый день я открывалъ новые и новые очаги голода и болѣзней. Картины голода были похожи другъ на друга и я скоро уже механически относился къ нимъ. Но къ болѣзнямъ я такъ и не могъ привыкнуть.

На одномъ большомъ церковномъ торжествѣ я видѣлъ скопившуюся около мощей толпу калѣкъ и уродовъ. Что это за страшное зрѣлище! Они ползали по полу, толкая и ненавидя другъ друга—эти ужасные люди-призраки... Мнѣ казалось, что они пришли сюда съ злораднымъ намѣреніемъ отравить и безъ того печальную человѣческую жизнь. Я ждалъ, что калѣки вотъ-вотъ вскочатъ на самое высокое святое мѣсто, и потрясая лохмотьями, обнаживъ свои гнойныя раны и уродливости, захохочутъ въ лицо всему человѣчеству...

Такое же давящее, угнетающее впечатлѣніе получилось и отъ картины болѣзней голодающаго населенія. Помню, искали мы съ ямщикомъ дорогу и заѣхали въ деревню. Постучались въ окно крайней избы. Оттуда выглянула молодуха.

— Дорогу до Гундоровки?..—переспросила она.

Въ это время изъ глубины избы послышалось властное: „зови въ избу“.

— Зайди,—сказала молодуха и захлопнула окно.

Чистая деревенская изба. Бѣлая, русская печь, занавѣнная чуть не полкомнаты, палаты съ ворохомъ шубъ и перинъ, беспорядочно набросанныхъ, коникъ около двери, лавка вдоль стѣны и огромная божница въ углу съ ярко расшитымъ полотенцемъ на иконѣ.

На лавкѣ сидѣлъ крестьянинъ, лѣтъ сорока, въ

синей самотканной рубахѣ и теплыхъ сапогахъ. Лобъ его былъ повязанъ грязной, на первый взглядъ показавшейся мнѣ просмоленной, тряпкой. Блѣдное худое лицо выдавало изнурительную болѣзнь.

— Дорогу тебѣ до Гундоровки,—тяжело заговорилъ онъ,—да она тутъ за лѣсомъ прямо поидеть.

Помолчавъ немного, онъ пылливо взглянулъ на меня и спросилъ:

— А ты не изъ фершаловъ ли будешь?

И не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Я вотъ всю зиму маюсь; посмотри-ка, господинъ, не скажешь ли чего!

Онъ повернулся къ стѣнѣ и началъ осторожно отдѣлять тряпку отъ лба. Я внутренно вздрогнулъ, чувствуя, что буду свидѣтелемъ чего-то ужаснаго. Послышался трескъ: присохшая, грязная тряпка отдиралась отъ наболѣвшаго человѣческаго тѣла. И предомною предстала во всемъ своемъ страшномъ безобразіи гнойная рана, занявшая всю длину лба. Казалось, что лобная кость была съѣдена вся. Впадина раны по краямъ была черна, какъ будто вымазана грязью.

Больной сидѣлъ, низко опустивъ голову и упираясь обѣими руками въ лавку.

— Всю зиму маюсь,—какъ-то виновато заговорилъ онъ.—И чѣмъ-чѣмъ не лечилъ!.. Намедни Прохоръ изъ Чесноковки сказывалъ, что копотъ больно помогаетъ... Встань, говоритъ, съ зарей, зажги лампу, да накопти на ней топоръ, а потомъ собери копотъ-то, да и мажь... Я вотъ ужъ пятый разъ мажу, а все нѣтъ легче...

— А у доктора былъ?—спросилъ я.

— То-то вотъ не былъ. И живетъ онъ отъ насъ недалече, да лошадь-то все занята: то по дрова поѣдутъ на ней, то по хозяйству. Такъ все и не приходилось съѣздить-то.

Страшный видъ зіяющей раны, безпомощность больного и сознание того, что самъ я ничѣмъ не могу помочь

несчастному, подѣйствовали на меня подавляющимъ образомъ. Я опустился на лавку и не сразу нашелся что сказать.

Потомъ я долго говорилъ, съ цѣлью утѣшить больного и заронить надежду на выздоровленіе. Говорилъ, что болѣзнь пройдетъ, но вылечить ее можетъ только докторъ, къ которому и совѣтоваль ѣхать немедленно.

Когда я выходилъ изъ избы, по лицу больного, на которомъ вначалѣ промелькнули было оживленіе и надежда, можно было замѣтить, что мой совѣтъ его не удовлетворилъ. Голова съ зловѣщей раной на лбу опустилась, какъ будто, еще ниже, вся фигура несчастнаго выражала полную безпомощность.

На крыльцѣ догнала меня женщина и спросила:

— Порошковъ, баринъ, нѣтъ-ли? Али мази какой?

— Къ доктору ступайте, онъ дастъ,—совѣтоваль я.

Она проводила меня недоумѣвающимъ взглядомъ и скрылась за дверью.

На югѣ моего участка лежало село Д. Населяли его чуваши.

Безотраднѣе жизни этого племени я не видалъ ничего. Во всей обстановкѣ его быта что-то задушенное, загнанное, животное, умирающее. Большая половина чувашъ идолопоклонники. И это, кажется, лучшая половина. Бѣднота—христіане. Въ тяжелые голодные годы они массами обращались въ христіанство, такъ какъ каждому оставившему язычество платили по 10 руб. въ видѣ поощренія. Конечно, и съ крестомъ на шеѣ они оставались идолопоклонниками. Всѣ обращенные звали себя Василиями Васильевичами. Цѣлыя деревни состояли изъ Васильевъ Васильевичей. Причина простая—священника тамъ звали Васи́лемъ. Оттого и обращенные звались такъ.

Подойдешь, бывало, къ дому такого Васи́лія Васи́льевича и думаешь: входитъ или нѣтъ. Топятъ чуваши

по-черному. Дверь низкая, едва пролѣзешь. Дымъ клубами валить изъ темной впадины.

Нѣтъ, думаешь, лучше вызвать сюда.

Вылѣзаетъ Василій Васильевичъ. Грязный, ужасный. Онъ спитъ въ избѣ вмѣстѣ съ коровами и овцами. Глаза воспаленные, слезящіеся. Трахома—національная болѣзнь чувашей. Движенія сонныя, лѣнныя.

— Какъ дѣла?—спрашиваешь.

— Нисего...

— Хлѣбъ есть?

— Нѣту... хлѣба нѣту...

— Здоровъ?

— Нисего...

Смотришь: ноги въ цынготныхъ кровоподтекахъ, глаза въ трахомѣ, подозрительныя шишки на ногахъ. Записываешь въ книжку.

— Какъ зовутъ?

Молчаніе.

— Какъ зовутъ, спрашиваю. Ты христіанинъ?

— Христьянинъ.

Какъ же зовутъ?

— Ящерякъ.

— А христіанское имя?

— Забылъ, господинъ...

Крестъ, данный при крещеніи, носить,—боится..., а имя забылъ; другъ друга все чувашаи зовутъ языческими именами.

Изъ такихъ Васильевъ Васильевичей состоитъ село Д.

Пріѣхалъ вечеромъ. Въ селѣ тихо, какъ будто все вымерло.

— Ну, какъ у васъ, голодають?—спрашиваю хозяйина въѣзжей квартиры.

— Нисего... живутъ.

— Болѣють?

— Не шибко...

— Мрутъ?

— Бываетъ...

Утромъ началъ подворный обходъ. Хлѣба мало, а въ нѣкоторыхъ домахъ нѣтъ совсѣмъ. Осматриваю у каждаго ноги. Вижу пятна, кровоподтеки. И, кромѣ того, язвы и шишки.

— Что такое?—думаю.—Цыngu различаю. А что означаютъ эти язвы и шишки?

Иду далѣе. Въ каждой избѣ—цынга и язвы. Обошелъ уже двадцать домовъ—вездѣ одно и то же. Всѣ въ цынгѣ...

Молніей пронеслась догадка:

— Вѣдь это сифились, и на его почвѣ цынга.

Не хватило силъ продолжать обходъ.

Что-то страшное. Послѣ я пріѣзжалъ сюда съ врачомъ, онъ нашель, что вся деревня въ двѣсти дворовъ заражена сифилисомъ. Сифились у взрослыхъ и у грудныхъ дѣтей. У крестьянъ, у учителя, у причта.

Въ избахъ трупный запахъ. Язвы на лицѣ, головѣ, ногахъ. Деревня гниетъ и разлагается. Врачъ въ 30-ти верстахъ. Никто къ нему за помощью не обращается. Сифилитики живутъ, какъ на прокаженномъ островѣ.

Вечеромъ, когда я ложился спать, до меня донеслись какіе-то звуки. Прислушиваюсь: пѣніе. Скорбное, унылое, погребальное.

— Что это такое?—спрашиваю хозяйина.

Онъ смутился и замаялся.

— Говорилъ имъ нельзя, не велѣно, а они... все свое. Пойду скажу...

— Да что такое?

— Дѣвки собрались, хороводы водятъ... Говорилъ—не велѣно...

Я остановилъ его. Прислушиваюсь,—ни одного веселаго аккорда. Что-то заунывное, тягучее. Послѣднее прости суровой судьбѣ. Улыбка мертвеца. Такъ весе-

лится умирающая, гниющая деревня. Жутко. Странно.

Съ погребальнымъ звономъ живутъ эти полулюди. Когда-нибудь и здѣсь было весело, но голодъ, болѣзни, забитость вытравили все веселое, все живое, человѣческое. Осталось больное, животное существованіе...

VI.

Работа интеллигенціи.—Женщины.—Г-жа Левицкая.

Въ этотъ годъ русская интеллигенція пережила свою раннюю весну. Самую красивую, лучезарную весну, когда небо дышетъ тепломъ, а земля улыбается первымъ побѣгомъ сочной, зеленой травы.

Общество на сердечное дѣло кормленія голодающихъ выслало свою молодежь для практики дунгъ. Такого неподдѣльно чистаго подъема силъ я не наблюдалъ послѣ. Послѣдующій общественный подъемъ „девятой волны“ неизмѣримо выше по идеѣ и результатамъ. Но онъ пропитанъ жестокостью кровавой борьбы...

Тогда же забыли философію, не гадали о будущемъ, не разсуждали, а просто взяли и вложили тихо и незамѣтно свое сердце въ маленькое дѣло. И было тепло. Работалось бодро. Вѣрилось въ жизнь, въ побѣду труда и свѣта.

Я съ удовольствіемъ возстанавливаю въ памяти лица двухъ студентовъ петербургскаго университета, пріѣхавшихъ къ намъ на голодъ. Они были евреи, изъ богатыхъ семей Петербурга. Къ ихъ франтоватому костюму не шла сѣрая, грязная обстановка голодающей деревни. И намъ казалось, что не пройдетъ и недѣли, какъ ихъ опять потянетъ въ Петербургъ.

Но этого не случилось. Вышло наоборотъ. Они быстро освоились, приобрѣли деревенскій видъ и какъ ра-

ботали! У этихъ щеголей все кипѣло въ рукахъ. Столовыя ихъ были образцовыя. Крестьяне ихъ любили.

Помню гимназиста, кажется, Тверской гимназіи—М. Л. Онъ бросилъ гимназію и пріѣхалъ на голодъ съ одной цѣлью:

— Помочь.

Работалъ самоотверженно.

И много было такихъ.

Но пальму первенства я отдалъ бы женщинамъ. Трудно себѣ представить, какую любовь вкладывали онѣ въ дѣло.

Одна курсистка долго жила въ томъ селѣ Д., въ которомъ всѣ жители были сифилитиками. Она это знала, но упорно не хотѣла уѣхать:

— Кто же этимъ несчастнымъ поможетъ,—говорила она.

Почти ничего не ѣла, боялась ко всему прикоснуться, но все-таки жила.

Была у насъ общая любимица—Е. Н. Женщина уже пожилая. Глубоко интеллигентная, тонко чувствующая. Мнѣ казалось, что около ея сѣдвющей головы всегда стояло облако свѣта и чистоты...

Она говорила тихо, но выразительно. Самый пошлый челоуѣкъ остановился бы и не сказалъ двусмысленности въ ея присутствіи. Мы звали ее:

— Святая.

Въ прошломъ у нея былъ романъ. Она была любима, любила сама до самопожертвованія. Но... минуло счастье и она осталась одна...

Судьба кинула ее въ чувашское село. Она скоро покорила угрюмыхъ, недоуверчивыхъ дикарей. Около ея избы всегда стояла толпа. Особенно полюбили ее дѣти. Она кормила въ столовой и кое-чѣмъ лѣчила.

Какъ-то пріѣзжаю къ ней. Смотрю—у ней красный, воспаленный глазъ.

— Что съ вами?

— Вчера борной водой промывала дѣвочкѣ раву на ногѣ. Она мнѣ чихнула въ глаза. Да это пустиаки!

Но я поѣхалъ за докторомъ. Дѣвочка была сифилитичка, я это зналъ. Къ счастью все обошлось благополучно.

Когда она уѣзжала бабы и дѣти плакали. А мужчины толпой провожали ее за околицу и все „наказывали“:

— Ты намъ пиши!

Однажды мнѣ принесли телеграмму: „Ради Бога прошу принять въ число завѣдующихъ столовой безъ жалованья. Левицкая“.

Датирована какимъ-то южнымъ городомъ.

Меня поразило это „ради Бога“.

Кормленіе уже кончилось и наступило время ясель. Я отвѣтилъ: „предлагаю завѣдывать яслями“. Черезъ недѣлю Левицкая пріѣхала.

Это была молодая, красивая женщина. Съ смуглымъ лицомъ, темными густыми волосами и карими глазами. Типичная хохлушка.

Говорила тихо, медленно. Когда разговорились, я замѣтилъ, что на ея лицѣ застыло выраженіе какого-то горя. Она страдала... Но отчего? Вздумалъ было спросить о ея домѣ, семьѣ, она умѣло перевела разговоръ на другое...

Я послалъ ее въ одно татарское село.

Татары косо смотрѣли на „ясли“:

— Не крестить ли берутъ дѣтей?

Пріѣзжаю черезъ недѣлю. Левицкая въ татарскомъ костюмѣ. Кругомъ нея дѣти, цѣпляются за юбку, лѣзутъ, что-то болтаютъ по-своему ласковое. Суровые старики улыбаются.

Побѣдила.

Чистота въ ея ясляхъ образцовая. Дѣти вымыты, причесаны. Передъ обѣдомъ молитва. Маленькій татарченокъ звонкимъ голоскомъ пропѣлъ заунывный при-

зывъ къ Богу благословить хлѣбъ. Всѣ сидѣли, какъ загнилотизированные. Я взглянулъ на Левицкую, у нея въ глазахъ стояли слезы.

Послѣ обѣда она провела меня въ свою избу. На нарахъ кто-то лежалъ подъ горой одѣяль и одежды.

— Это бѣдная Фатьма. Съ ней лихорадка,—сказала Левицкая.

— Почему она у васъ?

— Въ домѣ ея отца такая бѣдность, что она бы тамъ умерла.

Дѣвочка умирала, когда Левицкая нашла ее: она была истощена, лежала не двигаясь, а ее кормили мякишемъ чернаго хлѣба, размоченнымъ въ водѣ. Левицкая стала просить дѣвочку у родителей. Отецъ сурово заявилъ:

— Она умереть скоро. Что въ ней? Корми сына—онъ работникъ будетъ.

— Я буду кормить и сына, и Фатьму.

— Она умереть скоро, говорю...

Кое-какъ отецъ позволилъ взять Фатьму. Левицкая перенесла ее къ себѣ и стала ухаживать за ней. Дѣвочка была, какъ восковая.

На печи у Левицкой былъ другой пациентъ-старикъ. Онъ еле двигался.

— Да у васъ тутъ цѣлая больница!

Недѣли черезъ двѣ старикъ умеръ, а Фатьма стала двигаться. Она воскресала. На желтомъ личикѣ появился слабый румянецъ. Дѣвочка стала ходить. Кушала уже съ дѣтьми.

Какъ-то мы говорили съ Левицкой о ней.

— А что будетъ съ ней послѣ насъ?—задала вдругъ Левицкая тяжелый вопросъ.

— Уйдетъ къ отцу,—говорю.

— Но, вѣдь, это смерть?

— Что же мы можемъ сдѣлать?

Левицкая ходила послѣ этого печальная и чаще ласкала Фатьму. Дѣвочка отъ нея не отходила.

Всегда я заставлялъ около Левицкой большое сборище бабъ и мужиковъ изъ окрестныхъ деревень. Они приходили лѣчиться.

— Досадно, что я не медичка,—говорила она мнѣ. Не знаю, чѣмъ имъ помочь?

Она кормила ихъ горячимъ супомъ, поила молокомъ. Раны обмывала борной водой. Давала простыя средства: хининъ, бѣленое масло и др. Когда болѣзнь была серьезна, она нанимала на свой счетъ подводку и отправляла больного или больную на земскій пунктъ, снабжая письмомъ къ врачу.

Левицкую скоро узнали все въ окружности и стали уважать. Врачъ особенно внимательно осматривалъ ея больныхъ.

Ей часто приходили откуда-то письма. Я по ея просьбѣ посылалъ ихъ съ нарочнымъ. Но однажды долго не было писемъ. Она пріѣхала взволнованная.

— Нѣтъ,—спрашиваетъ.

— Нѣтъ.

— Боже мой, что тамъ?

Она, видимо, переживала тяжелую минуту. Но не говорила ни слова. Къ вечеру уѣхала въ свое село.

Черезъ два дня ей пришла телеграмма. А черезъ недѣлю она была у меня, осунувшаяся, поблѣднѣвшая.

— Уѣзжаю. Простите, ради Бога!..

Минута тяжелой паузы.

— Силы оставили. Мужъ... въ тюрьмѣ, двое дѣтей...

Нужно ѣхать.

Слезы блеснули у ней на глазахъ.

— А какъ же Фатьма?—задала она вдругъ вопросъ, и на лицѣ ея отразился ужасъ.

Я не отвѣтилъ.

— Она, вѣдь, умретъ?.. Силь нѣтъ...

Посидѣла немного молча и поднялась. Слезы текли у ней по лицу.

— Съ татарами не прощалась, нервы не выдержатъ. Побывайте, ради Бога, у Фатьмы. Она ушла къ отцу такая печальная... какъ будто я ее обидѣла...

И уѣхала, оставшись загадкой. Даже куда уѣхала не сказала.

Все онѣ такія были, эти русскія женщины... Или тихія, таинственныя, глубокія и чистыя. Или радостныя, живыя, ясныя... Но и тѣ и другія съ сердцемъ, полнымъ глубокой любви къ страдающему народу, сердцемъ, жадно просящимъ подвига...

И тамъ, въ голодающихъ селахъ, онѣ мелькали, какъ яркія звѣзды. Появятся, освѣтятъ темноту и, затѣмъ, тихо скатятся куда-то въ пространство, въ бездну... Но слѣдъ долго остается—такой прекрасный, свѣтящійся.

VII.

„Описка“ и что отъ нея произошло.

Злойный июль. Поля стоятъ желтыя. Спѣлые колосья ржи и пшеницы, наклонивъ свои печальныя, осужденныя головки, ждуть своего палача-жнеца. Еще нѣсколько дней, и желтая, безжизненная равнина заестрится красными и бѣлыми рубашками, замелькаютъ надъ моремъ колосьевъ однообразные взмахи жней и косцовъ, послышится заунывная страдная пѣсенка, и безсильная желтая рать упадетъ къ ногамъ человѣка.

Я ѣхалъ по своему „голодному району“ въ послѣдній разъ. Столовыя, гдѣ кормились голодающіе, постепенно закрылись. Больнички, гдѣ лежали цынготные больные, были уже пустыми. Выздоровѣвшіе ушли на заработки. Все радовалось, радовался и я: скоро на далекой, род-

ной сѣверь. Захотѣлось опять окунуться въ гомойъ столичной жизни. Слишкомъ ужъ тяжела и однообразна была жизнь въ этой заволжской глуши.

Я ѣхалъ знакомыми мѣстами. Вотъ оврагъ около Сотникова хутора. Помню весной, онъ доставилъ мнѣ массу хлопотъ и непріятностей при переправѣ. Теперь на днѣ его тихо и незамѣтно струился между зелеными берегами маленькій ручеекъ. Направо на возвышеніи красуется сосновая роща, какъ золотомъ облитая косыми лучами заходящаго солнца. А вдали вырисовывалась мельница и минаретъ деревни Лашманки.

Вотъ и околица. Заскрипѣли ворота. Сторожъ Хуснеддинъ, высокій худой татаринъ, обыкновенно встрѣчалъ меня улыбками и поклонами. На этотъ разъ онъ былъ необычно суровъ. Осмотрѣлъ меня, отворилъ околицу и молча проводилъ недружелюбнымъ взглядомъ.

Что бы это значило?

На улицахъ необычное движеніе. Хлопали калитки, татары и татарки спѣшили куда-то и шли по направлению къ мечети. Я вновь поймалъ въ толпѣ два-три неласковыхъ взгляда.

— Что тутъ такое, Иванъ?—спросилъ я ямщика.

— Что-то неладное...—тревожно отвѣтилъ онъ.

Онъ задержалъ лошадей. Мы поѣхали медленнымъ шагомъ. На горѣ, около въѣзжей квартиры видна была густая толпа народу. Слышался гулъ голосовъ. Когда мы подѣхали ближе, можно было различить угрожающіе крики, плачь ребятишекъ и какой-то вой, видимо, женщинъ. Толпа, волнуясь, и выкрикивая что-то, двинулась навстрѣчу мнѣ и кольцомъ окружила тарантасъ. Впередъ выступилъ мой пріятель, староста Ибрагимъ. Обыкновенно серьезный, даже сумрачный и тихій человекъ, онъ былъ неузнаваемъ. Красный отъ волненія, съ растрепанной бородой, онъ отчаянно жестикулировалъ руками, держа въ одной рукѣ какую-то бумагу. Вскочилъ на подножку тарантаса и воскликнулъ:

— Выручай, Александръ! Больно плохо наше дѣло!

— Не желаемъ вашу вѣру, не желаемъ,—неожиданно выкрикнулъ мнѣ кто-то въ лицо...

— Не желаемъ, не желаемъ,—запумѣла толпа.

Я взялъ изъ рукъ Ибрагима бумажку. Это былъ обыкновенный отпускной билетъ, выданный изъ волостного правленія крестьянину д. Лашманки, Миннигали Ильясову.

— Въ чемъ дѣло?

Ибрагимъ ткнулъ пальцемъ въ то мѣсто, гдѣ было напечатано слово: „вѣроисповѣданія“ и я увидѣлъ бойкимъ, писарскимъ почеркомъ выведенное слово: „православнаго“. Все было ясно. Роковую ошибку содержали въ себѣ всѣ билеты, выданные волостнымъ правленіемъ восемнадцати лашманскимъ татарамъ, ушедшимъ дней шесть тому назадъ на заработки въ сосѣдній уѣздъ.

Слово за слово, и предо мной обрисовалась чрезвычайно грустная повѣсть. Эти несчастные восемнадцать татаръ съ женами и дѣтьми отправились въ Бугуруславскій уѣздъ и нанялись жать въ одномъ крупномъ имѣніи. Конторщикъ этого имѣнія, разбирая билеты рабочихъ, увидалъ слово „православнаго“. Писецъ описался. Волость состояла изъ деревень и сель съ преимущественнымъ христіанскимъ населеніемъ. Писецъ, всегда какой-нибудь мальчикъ, на всѣхъ билетахъ написалъ: „православнаго“. А, можетъ быть, это было простое озорничество. И это бываетъ. Конторщикъ имѣнія не былъ настолько уменъ, чтобы промолчать объ ошибкѣ, а началъ смѣяться надъ татарами:

— Теперь вы всѣ христіане, вотъ и въ билетахъ написано...

Встревожились татары... Собрались, начали обсуждать положеніе. Пошли въ контору и потребовали билеты. Когда убѣдились, что конторщикъ не вретъ, съ шумомъ и плачемъ бросили работу, посадили женъ

и дѣтей на свои телѣги и въ страхѣ помчались въ родную деревню. Поднялась на ноги вся Лашманка. Татары были увѣрены, что ихъ хотятъ сдѣлать христіанами. Фанатикъ-мулла только подлил масла въ огонь.

— Не желаемъ ихъ вѣру!—кричали татары.

— Не хотимъ свинью ашать!..

Въ эту минуту я и попалъ въ обезумѣвшую отъ страха деревню. Возбужденіе достигло высшаго предѣла. Дѣти плакали, женщины съ полными отъ слезъ глазами жестикулировали и пронзительно кричали. Красныя, потныя лица мужчинъ были искажены злобой и ненавистью. Всѣ звуки смѣшались и образовали гулъ. Я попробовалъ успокоить толпу и объяснить недоразумѣніе съ билетами. Но меня не слушали. Около тарантаса стоялъ содомъ.

— Ошибка? Нѣтъ не ошибка, — кричалъ Ибрагимъ,—давно хотятъ намъ крестъ надѣть... Знаемъ мы...

Убѣжденіе было бесполезно, да и небезопасно.

Въ концѣ концовъ было рѣшено завтра же отправиться къ земскому начальнику за объясненіемъ.

На другой день я пришелъ въ волостное правленіе, гдѣ помѣщалась пріемная и канцелярія земскаго. Тамъ уже были десять лашманцевъ съ старостой во главѣ. Они встали рано. Да и ложились ли? Прошли 12 верстъ и теперь со страхомъ дожидались своей участи. По татарскому обычаю они сидѣли на полу на ногахъ и угрюмо смотрѣли внизъ.

Когда пришелъ земскій, Ибрагимъ поднялся съ пола, сбивчиво сталъ ему объяснять, въ чемъ дѣло, и передалъ отпускные билеты. Земскій ушелъ въ другую комнату. До насъ долетѣли обрывки словъ:

— Описка, помощникъ описался, ваше высокоблагородіе,—оправдывался писарь.

— Да вы-то чего смотрите?

Земскій бранилъ кого-то. Скоро онъ вышелъ къ татарамъ.

— Слышь, Ибрагимъ-азбы,—обратился онъ къ старостѣ,—описка вышла, описка. А на вашу вѣру никто не посягалъ... Что вы?

Татары слушали молча, вперивъ глаза въ полъ. Они не поняли словъ земскаго, и послѣ его обращенія повалились ему въ ноги и начали бормотать:

— Не желаемъ... не желаемъ... вашу вѣру... не губи!..

Тогда старшина началъ передавать имъ слова земскаго начальника по татарски. Когда онъ кончилъ, земскій нетерпѣливо и раздраженно спросилъ:

— Поняли, что ли?

— Поняли,—отвѣтилъ Ибрагимъ.

Но по лицамъ было видно, что недоувѣріе не улеглось, и въ глубинѣ душъ этихъ несчастныхъ людей еще копошилось сомнѣніе,—не обманываютъ ли ихъ, не хотятъ ли сейчасъ только успокоить, а потомъ и кресты на шею надѣть? Земскій давно ушелъ, а лашманцы все сидѣли на полу, не мѣняя позы. Правленскій сторожъ, наконецъ, прогналъ ихъ на улицу. Здѣсь они отошли въ уголокъ и заговорили на своемъ языкѣ, сначала тихо и какъ-то безнадежно, уныло,—они и сейчасъ, видимо, ничего не понимали,—а потомъ все болѣе и болѣе возбуждаясь...

Ибрагимъ въ чемъ-то убѣждалъ, жестикулируя.

— Описка,—поймалъ я роковое слово въ его рѣчи.

— Описка, — бессознательнымъ эхомъ повторилъ кто-то изъ толпы.

Потомъ разговоръ сразу оборвался, вскрикиванія и возгласы умолкли, головы наклонились въ недоумѣніи предъ непонятнымъ и горькимъ фактомъ. Толпа двинулась въ обратный путь. Она понесла свое горе, обиду, сомнѣнія и недоумѣнія въ родную деревню... Тамъ на цѣлый годъ хватить разговора, страховъ и плача...

ГОЛОДЪ 1911 - 1912 ГГ.

Первая вѣсть.—Самарскій голодъ.—„Сами справимся“.—„Частной помощи не требуется“.

Въ глуши Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, есть два села: Мокша и Александровка. Крестьяне этихъ сель съѣли свой хлѣбъ еще въ сентябрѣ. Продали скотъ, а впереди длинная зима. Что дѣлать? Ждали помощи, но не дождались. Собрали сходъ, и приговоромъ уполномочили жену лавочника, интеллигентную крестьянку Н. Г. Гаеву, „ходатайствовать передъ правительствомъ объ открытіи въ селеніи столовыхъ“...

Н. Г. Гаева была въ Москвѣ въ октябрѣ 1911 года и принесла первыя яркія вѣсти о голодѣ. Въ газетахъ сообщалось о бѣдствіяхъ и до нея, но въ выраженіяхъ „осторожныхъ“, которыя не будили спавшей человѣческой совѣсти...

Она со слезами на глазахъ рассказывала:

— Послали меня крестьяне и, провожая, говорили: „Добейся чего-нибудь, не помирать же намъ съ голоду! Люди мы, а не собаки!..“

— Что же добились?—спрашиваю.

— Неловко ѣхать обратно. Ничего не могла сдѣлать. Много вездѣ обѣщали, а толку никакого. Вотъ везу только 25 рублей, барыня одна московская дала...

— Мало.

— На недѣлю хватить прокормить дѣтей...

Она рассказывала, что лошади у нихъ идутъ уже по 4 рубля. Крестьяне боятся оставлять ихъ на зиму— „все равно издохнуть съ голода“ — и продаютъ. Теплая одежда заложена за хлѣбъ въ Самарѣ. Земля идетъ нипочемъ. Деятнадцатидесятинный надѣлъ продаютъ за 300—400 рублей. Это выходитъ меньше, чѣмъ да 20 рублей десятина.

— До голода у насъ не знали о законѣ 9-го іюня... Можетъ быть, и знали, но жили все-таки міромъ. А теперь мужикамъ сказали въ волости, что они могутъ продать надѣлы. Они плачутъ и продаютъ. Что идетъ у насъ сейчасъ въ селахъ, — страсть! Укрѣпляютъ за собой надѣлы и спускаютъ за безцѣнокъ. Навѣкъ нищими остаются... Приѣхалъ къ намъ хохолъ изъ Екатеринославской губерни, созвалъ народъ на сборню и говоритъ:

— Кто желаетъ продать души? Покупаю.

Сразу записалось 132 человѣка. Крикомъ-кричать, а продаютъ.

Гусей, утокъ, куръ обозами отправляли въ городъ, брали за нихъ, что дадутъ. Корова, стоящая 60 рублей, продавалась за 12, да и эту цѣну наприсишься, — никому не нужны тощія коровы. Но теперь многимъ уже и продавать нечего. Бабы воютъ... Дѣтишки, — знамо, маленькія, глушыя — хлѣба просятъ, а гдѣ взять? Была свинья у моей сосѣдки, хотѣла продать — никто не беретъ. Зарѣзали да безъ хлѣба и съѣли. А мужикъ, мужъ ея, „съ испугу“ залѣзъ на печку да и лежалъ дня два внизъ лицомъ, молча, какъ нѣмой... 80-лѣтній старикъ наемни пришелъ, упалъ на колѣни и проситъ: „Дай, Христа ради, кусокъ хлѣба!“

Вечеромъ теперь темно въ деревняхъ, — не зажигаютъ лампъ, не на что керосина купить. Захожу я какъ-то къ сосѣду, спрашиваю: „Гдѣ жена?“ —

Ушла, — говоритъ, — Христа ради просить, вечеромъ-то не такъ стыдно“... А мужикъ, между тѣмъ, трезвый, работающій. Говоритъ, а у самого слезы на глазахъ... Живетъ отъ насъ неподалеку переселенецъ-хохолъ. У него девятеро дѣтей. Хлѣба у него „нема“. „Что будешь дѣлать?“ — спрашиваю. А онъ, наивный, говоритъ: „Двухъ дѣвокъ въ Самару отвезу, можетъ, кто возьметъ!“ А жена говоритъ: „Пробовала я не ѣсть по долгу, — нѣтъ, хочется“... Богъ ее знаетъ, шутить ли, или отъ страха... Страхъ великій обуялъ деревню... Людей не узнаешь. Ходятъ, какъ тѣни... Что у нихъ на умѣ, — не знаешь... Вспомнила еще одинъ случай. У одного крестьянина 14 человѣкъ семьи. Въ имъ нечего: съ семи десятинь запанки получилъ пять пудовъ тощаго зерна. „Лишній“ скотъ продалъ. Остались двѣ лошади, продавать ихъ жалко. Ему давали 9 руб. за пару, а у него 4 сына работника. „Какой же я хозяинъ буду безъ лошадей“, — говорилъ онъ. Рѣшилъ продать половицу земельного надѣла, приходитъ къ богачу и Христомъ-Богомъ молить купить: „Сдѣлай божескую милость!“ Три дня умолялъ. Наконецъ, тотъ „смилоствился“. — „Ну, такъ и быть, — выручу“. И купилъ у него 9½ десятинь за 150 дуб.

— Неужели никакой помощи? — спрашиваю я. — А общественныя работы?

— Эти работы — одно горе. Прежде всего, далеко не всѣ голодающіе ими заняты. Потомъ на работы предпочитаютъ брать съ лошадыю, а безлошаднымъ отказываютъ. Обстановка работы ужасная: гдѣ-нибудь среди степи, за 8—10 верстъ отъ жилья, въ грязи, въ стужѣ... У мужиковъ теплой одежды нѣтъ, а приходится жить и работать въ холодѣ. Несчастныя, тощія клячонки ихъ еле тащутъ тачку съ землей. Часто на дорогахъ валяются и издыхаютъ. Обезумѣвшій отъ горя и страха мужикъ возвращается домой безъ лошади... Плата маленькая. Рыли у насъ землю въ одномъ мѣ-

стѣ, плотину строили, такъ съ кубика давали 2 р. 25 к., а работали этотъ кубикъ 6—8 человекъ съ 2-мя лошадьми и на работу употребляли два дня...

Оказывается, уже и „голодные“ болѣзни появились. Сейчасъ осень, что же будетъ зимой и весной?

— Цынга у насъ и тифъ... Въ городѣ объ этомъ не знаютъ...

— Не доносятъ. Шуму боятся...

Н. Г. Гаева была въ Самарѣ. Зашла въ губернское земство. Ее радушно тамъ встрѣтили. Она спросила:

— Будетъ какая-нибудь помощь отъ земства?

— Самостоятельно выступатъ губернаторъ запретить,—отвѣтили ей.—„Самъ справлюсь“, — сказалъ онъ.

Господи, какая это старая, „средневѣковая“ исторія! Хоть бы придумали для разнообразія новую вариацию!..

Въ то время уже было извѣстно, что пироговскому обществу запретили непосредственную помощь. О частныхъ организаціяхъ, какія были въ голодные 1897—1898 гг., нельзя было и заикаться.

Время суровое.

Самъ собой напрашивается вопросъ: впередъ мы идемъ или назадъ?

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1898 году самарскій частный кружокъ спасъ тысячи людей отъ голодной смерти. Прошло 13 лѣтъ; въ Таврическомъ дворцѣ у насъ „слава Богу, конституція“... Но частную непосредственную помощь не допускаютъ. „Сами справимся“, — говорятъ.

Я получилъ тогда же нѣсколько писемъ. „Умоляютъ“ отвѣтить:

— Куда и къ кому обратиться, чтобы командировали на голодъ?

Видно было горячее желаніе общества „спуститься“ къ несчастному народу и чѣмъ-нибудь помочь.

— Скажу вамъ откровенно,—сообщала одна сестра

милосердія, — мое единственное, годами выношенное желаніе,—„сгорѣть на работѣ“, раствориться въ ней. Не думайте, что становлюсь на ходули, не обидьте меня недовѣріемъ...

А одинъ юноша писалъ:

„Мнѣ бы хотѣлось помочь, но чѣмъ? Денегъ у меня нѣтъ. Я и рѣшилъ поѣхать въ голодающія губерніи и дѣлать для мужиковъ все, что въ силахъ, что дадутъ дѣлать...“

Одна только-что кончившая гимназію дѣвушка сообщила, что „она обращалась съ заявленіемъ въ нѣсколько земствъ голодающихъ губерній, но не получила отвѣта“.

„У меня нѣтъ ничего, — писала она, — кромѣ моей молодости и силы, которыя оказываются ненужными рядомъ съ такимъ горемъ... Мучительно жить, сложа руки, и видѣть, какъ отовсюду на тебя смотрятъ темныя впадины нѣмого отчаянія. Больно жить, стыдно жить“...

Въ отвѣтъ на „мольбы“ приходилось указывать только на организаціи священниковъ Кедрова и Цвѣткова. Но эти организаціи были малочисленны и, конечно, всѣхъ желающихъ „поработать на нивѣ“ вмѣстѣ не могли.

Суровая дѣйствительность съ мефистофельскимъ смѣхомъ отвѣчала:

— Не надо вашей помощи.

Въ серединѣ октября, когда газеты были переполнены печальными сообщеніями съ мѣстъ, я былъ посланъ московской газетой „Русское Слово“ въ качествѣ спеціальнаго корреспондента въ голодающій районъ. Было интересно посмотрѣть, какъ „справляются“... Два съ половиной мѣсяца (съ 15 октября по 1 января 1912 г.) я пробылъ въ неурожайныхъ губерніяхъ.

Казань.—Печальный пережитокъ.

Казань грязна, сѣра и уныла.

Я совсѣмъ забылъ, что это ея обычный видъ. И думалъ:

— Ужъ не голодъ ли наложилъ свой мертвящій отпечатокъ?

Люди, какъ мухи въ сентябрѣ. Ни къ чему у нихъ нѣтъ интереса, мало оживленія. Словно, это не громадный губернской городъ, а какой-нибудь Цивильскъ.

Но, всматриваясь, я замѣтилъ, что отъ Казани до голода такъ же психологически далеко, какъ отъ капиталовъ Нобеля до разлагающейся отъ цынги башкирской деревни...

На самой Казани лежитъ печать какого-то духовнаго голода: вѣчной зѣвоты и вѣчнаго „терпѣнія“...

— Городъ нашъ—тупикъ,—объясняютъ обыватели,—отъ Москвы сюда по „знаменитой казанкѣ“ въ три года не доѣдешь, а если случится, доѣдешь, то тутъ тебѣ будетъ и капутъ, изломаешься такъ, что не двинешь ногой; да и поѣхать далѣе Казани некуда: Казань—стѣна, край свѣта...

Волга спиной обернулась къ Казани и презрительно фыркаетъ, когда проходитъ мимо. Стоитъ Казань въ сторонѣ, вдаль отъ всего живого, одинокая, всѣми забытая. Оттого люди здѣсь молчаливы и скучны.

На другой день по прїѣздѣ я купилъ мѣстные газеты.

— Что пишутъ о голодѣ?

— Пожалуй, многого не найдете, — сказалъ мой знакомый казанецъ.

— Почему? Кажется, теперь можно свободно пи-

сать о голодѣ? Не прежнія времена. Впрочемъ, можетъ быть, голодъ не получилъ еще признанія вашей администраціи?

— Получилъ. Но у насъ цензура...

— Какая?—удивился я.

— Самая обыкновенная, предварительная...

Вотъ такъ „обыкновенная“!

Тихонько щиплю себя за руку: не сплю ли? Какой непріятный сонъ. Даже страшно. Или, можетъ быть, я заѣхалъ въ Чебоксары? Въ Тетюши? Тамъ, въ черемисской и татарской глуши, возможно еще для путешественника-европейца открыть существованіе института - пережитка: какой-нибудь полигаміи или кроваваго жертвоприношенія... Но въ Казани?

Неужели старая цензура со всѣмъ ея „очарованіемъ“? Можетъ быть, въ Казани еще не получены временныя правила о печати 1906 года?

— Цензурный комитетъ у васъ есть?

— Есть.

Оказывается, все по формѣ. Милый plusquamperfectum во всей своей красотѣ. Цензора служатъ въ то же время педагогами и счастливо соединяютъ просвѣтельную дѣятельность съ цензурой. Вечеромъ редакціонный сторожъ ищетъ по городу цензора, находитъ и отдаетъ ему не гранки, какъ было прежде, а сверстанныя полосы. Тутъ уже не подберешь матеріала съ „тенденціей“!

— Неужели нельзя выпустить безъ цензора на основаніи закона?

— Опасно пробовать... Смѣлыхъ людей у насъ нѣтъ. У типографіи года два тому назадъ формально отобрали подписку: ничего не выпускать въ свѣтъ безъ предварительной цензуры. Теперь рѣшаетъ дѣло уже метранпажъ, а не секретарь редакціи. Секретарь и матеріала-то не видитъ послѣ цензора...

Я продолжалъ удивляться.

— Неужели, какъ прежде? Нельзя писать слово „Богъ“, нельзя женщину назвать „небеснымъ созданиемъ“? Можетъ-быть, на матеріалѣ и теперь пишутъ: „Пѣчатывайтя по совесте“. Такъ когда-то писала горничная одного приволжскаго цензора, когда не могла добудиться своего господина...

— Ну, этого теперь, кажется, нѣтъ.

— Много цензоръ вычеркиваетъ?

— Не стѣсняется. Иногда уничтожаетъ связь, и статья выходитъ бессмысленной. Запрещаетъ заполнять пустыя мѣста точками. Иногда мѣняетъ слова, выраженія. Это все-таки опредѣленно. Но бываетъ, что статью онъ не зачеркиваетъ, а ставитъ на поляхъ шаловливое *nota bene*. Что оно значить? Можетъ-быть, онъ просто игралъ карандашомъ и поставилъ *nota bene* вмѣсто того, чтобы нарисовать головку женщины? А, можетъ-быть?.. Какъ тутъ разгадать? И статья съ такой помѣткой изъ предосторожности не ставится. Иногда цензоръ прямо пишетъ: „Это грозитъ такимъ-то наказаніемъ“... Словомъ, предупреждаетъ и пресѣкаетъ... Впрочемъ, отъ штрафа это нисколько не освобождаетъ. Цензура сама по себѣ, а штрафъ самъ по себѣ...

— Что же изгоняется изъ газеты?

— „Крамолы“. Вычеркивается все, что не желательно губернатору, командующему войсками и попечителю учебнаго округа. Слово „потѣшный“ у насъ нельзя употреблять въ ироническомъ смыслѣ. Благонамѣренная „Памятка“, розданная „потѣшнымъ“ вышневолоцкимъ предсѣдателемъ управы, у насъ была зачеркнута, такъ какъ цензоръ понялъ, что одно помѣщеніе въ газетѣ этой „Памятки“ безъ комментаріевъ есть уже иронія. Нельзя критически относиться къ проекту новаго университетскаго устава.

— А о голодѣ писать можно?

— Сіе дозволено. Но безъ увлеченій... Голодъ —

опасный лабиринтъ для газетнаго писателя. Главное— трудно сказать, что можно и чего нельзя. Нельзя, оказалось, утверждать, что „Новое Время“ съ удовольствіемъ печатаетъ „статьи о тунеядствѣ и пьянствѣ голодающаго мужика“. Положительно нельзя назвать даже анонимно и корректно точку зрѣнія, противную земской, антиобщественной...

— Еще!

— Мало ли чего нельзя!.. Бываетъ, зачеркивается выраженіе: „надвигается бѣдствіе“. Уничтожаются цитаты и факты изъ „Новаго Времени“. Не попадетъ въ печать такое выраженіе: „Наступаетъ время, когда приходится подумать о мобилизаціи всѣхъ силъ, о проявленіи наивысшаго напряженія, которое могло бы парализовать расширеніе рамокъ бѣдствія“... Для васъ это не ясно?

— Наоборотъ, очень ясно.

Я уже теперь отлично понялъ, что я не въ Казани, а въ Чебоксарахъ. Живу не то въ 1891 году, не то столѣтіемъ раньше.

— Все это отъ того,—объясняетъ мой собесѣдникъ,—что живемъ мы въ сторонѣ отъ большой дороги. Отбились мы. Никому неинтересно знать, что дѣлается въ какой-то Казани, потому у насъ все позволено.

— Ну, а скажите,—прервалъ я его,—неужели не стѣсняются?

— Неловко иногда себя чувствуютъ. Конституція тамъ и всякія ваши модныя слова доходятъ и къ намъ съ московскимъ поѣздомъ. Не такъ давно ворона на хвостѣ перенесла цензорскія гранки въ Петербургъ и зачѣмъ-то положила ихъ для обозрѣнія на Толстовской выставкѣ. Всѣ стали смѣяться. Узнали объ этомъ въ Казани и сгорѣли со стыда. А, сгорѣвши, распорядились, чтобы вещественныя доказательства больше не оставлялись въ редакціи. Теперь заведенъ такой поря-

докъ: гранки отъ цензора идутъ къ метранпажу, а отъ метранпажа опять къ цензору...

— Но цензуровать все-таки не прекратили?

— Развѣ можно отказаться отъ такого удовольствія?

Мнѣ кажется, что тутъ что-то скрывается. Или Казань выдѣлилась изъ состава Россійской имперіи и незамѣтно отошла вновь подъ власть татаръ, которые, какъ сообщали дубровинцы, стремятся образовать Золотую Орду. Объ этомъ именно и говорило однажды „Русское Знамя“, но мы, по обыкновению, не повѣрили. Или... всю Казань съ губерніей по ошибкѣ переписчика вычеркнули изъ свода законовъ Россійской имперіи.

Казанцы больше предполагаютъ второе. И вотъ на какомъ основаніи. О голодѣ здѣсь стало извѣстно, опредѣленно извѣстно въ началѣ іюля. Состоялись по этому поводу экстренныя уѣздныя земскія собранія и чрезвычайное губернское. Неоднократно собирались административныя собранія. Губернаторъ уже ѣздилъ по губерніи. Всѣ въ одинъ голосъ говорили:

— Голодъ. Огромный голодъ. Что дѣлать?

О страшномъ неурожаѣ въ Казанской губерніи уже появились свѣдѣнія въ петербургскихъ газетахъ.

Послѣ всего этого въ „далекую“ Казань была прислана телеграмма „Россійскаго агентства“, которая сообщила о состоявшемся въ Петербургѣ засѣданіи совѣта министровъ по вопросу о неурожаѣ. Въ телеграммѣ перечислялись губерніи, о которыхъ „выяснилось“, что онѣ пострадали отъ неурожая. Была поименована даже Пермская губернія, но о Казанской не было сказано ни слова.

— Господи! Насъ опять забыли,—огорчились казанцы.

Думали, что это ошибка агентства. Нѣтъ... Только спустя нѣкоторое время „ошибка“ была исправлена...

Не простая ли ошибка и цензура? Несомнѣнно, въ

Петербургѣ о ней не знаютъ. Иначе бы Казанскую губернію сравнивали съ другими... За что же обижать другія?..

3.

Исторія борьбы. — „Принципъ“ прежде всего. — О позадали изъ-за „принципа“.

Прежде, чѣмъ описывать голодъ, нужно рассказать, какъ „боролись“ съ нимъ въ Казани. Исторія этой борьбы чрезвычайно поучительна.

Еще въ началѣ іюля губернія просила у „начальства“:

— Обсѣмененія и продовольствія.

И того и другого—какъ можно скорѣе.

Но, вмѣсто простой и немедленной помощи, въ „верхахъ“ былъ поднятъ „основной вопросъ“—о принципахъ помощи въ нынѣшнюю кампанію. Администрація пожелала „проложить новый путь“ въ дѣлѣ продовольствія:

— Если желаете помощи, покупайте у насъ сѣмена на деньги. Мы продаемъ по заготовительной цѣнѣ.

Губернаторъ заявилъ въ губернскомъ присутствіи:

— О выдачѣ сѣмянъ въ ссуду теперь не можетъ быть и рѣчи...

Это была система. Шла она сверху. Своимъ характеромъ напоминала систему закона 9-го ноября. „Россія“ объяснила психологическую основу ея:

— Ссуду мужикъ проплетъ въ первомъ кабакѣ.

На чистопольскомъ земскомъ собраніи земскій начальникъ Муратовскій варьировалъ эту мысль „Россіи“ такъ:

— Населеніе довольно уже развращалось чрезмѣрной заботливостью о немъ и привыкло складывать ручки...

Но на этомъ же собраніи другой земскій начальникъ, Булыгинъ, попробовалъ дать отвѣдь „новому курсу“:

— Говорить о деморализующемъ и развращающемъ вліяніи ссудъ въ данный моментъ поздно...

— Вопросъ о нравственной сторонѣ надо было поднимать 40—50 лѣтъ тому назадъ, а не сейчасъ,—добавилъ гласный Бутлеровъ.

Сейчасъ же мы стоимъ передъ разореннымъ населеніемъ, которое молить:

— Дайте возможность обѣмениться, чтобы предотвратить второй голодный годъ!

— Купите,—твердо отвѣчали изъ Казани.

— На какія средства крестьянинъ будетъ у васъ сейчасъ покупать?

— Это не наше дѣло. Пусть займетъ, продастъ скотъ...

Это былъ принципъ. Это была „желѣзная система“.

Пока вопросъ рѣшали, приближался сѣвъ. Изъ губерніи шли отчаянные крики:

— Поскорѣ сѣмянъ!..

Губернская управа и инспекторъ сельскаго хозяйства просили губернское присутствіе:

— Ускорьте организацію продажи сѣмянъ.

На чистопольскомъ собраніи тотъ же Муратовскій высказалъ опасеніе:

— Въ минувшіе годы населенію выдавали сѣмена тогда, когда всё поля уже были покрыты зелеными...

Крестьяне толпами ходили къ земскимъ начальникамъ за сѣменами. А сѣмянъ все не было.

Наконецъ, въ Петербургѣ было рѣшено отпустить въ распоряженіе крестьянскихъ учреждений губерніи 1.072 тыс. рублей на закупку сѣмянъ и продажу ихъ населенію по заготовительной цѣнѣ.

Губернское присутствіе предложило земствамъ организовать продажу сѣмянъ ржи на такихъ условіяхъ: возвратить министерству къ 1-му ноября 1911 года не

менѣе трети отпущеннаго имъ кредита, а остальные двѣ трети—до 1-го ноября 1912 года. Невыплаченное будетъ удержано изъ земскихъ сборовъ.

Губернская управа категорически отказалась.

Тогда губернское присутствіе предложило уѣзднымъ земствамъ.

Тѣ также отказались.

Между тѣмъ съ мѣстъ шли вопли:

— Сѣмянъ! Сѣмянъ! Начинается сѣвъ...

На переговоры съ земствами ушло много времени. Послѣ отказовъ администрація принуждена была начать закупку сѣмянъ сама. Но, взвѣсивъ всё обстоятельство, пришла къ печальному выводу:

— Времени осталось мало. Потому, по донесеніямъ многихъ земскихъ начальниковъ, нельзя было рассчитывать на большой спросъ со стороны крестьянъ...

Поэтому рѣшили ограничиться закупкой 250 тыс. пудовъ. Но и этого количества не продали. Изъ миллионной ссуды было истрачено только 100 тыс. рублей.

— Что же—крестьяне покупали?—спрашивалъ я.

— Нѣтъ, эти 100 тысячъ были все-таки отданы въ ссуду бѣднотѣ.

Такъ „обѣменяли“ Казанскую губернію.

Оказалось, что цѣны на казенную сѣменную рознь стояли мѣстами выше базарныхъ.

Но губернія все-таки обѣменилась. Не дождавшись ссуды, крестьяне засѣяли озимое частью новыми, невсхожими, щуплыми сѣменами и подготовили себѣ второй неурожай, частью заняли у кулаковъ подъ безумные проценты.

Ту же картину видимъ и въ продовольственномъ вопросѣ. „Новый принципъ“ опредѣлился слѣдующимъ образомъ:

— Ссуды не будутъ даны. Голодающимъ представляются общественныя работы.

Организовать эти работы было предложено земству.

Но губернское собраніе отнеслось критически къ „новому курсу“. Было заявлено:

— Прежде всего, новый взгляд правительства незаконенъ.

Продовольственный уставъ 12-го іюня 1900 года кладетъ въ основаніе ссуды и возлагаетъ эту мѣру всецѣло на обязанность администраціи. Всѣ другіе виды помощи, какъ общественныя работы и продажа по заготовительнымъ цѣнамъ, относящіяся къ вѣдѣнію земства, являются второстепенными, дополнительными.

— Земству нѣтъ никакихъ основаній освободить администрацію отъ ея обязанности и принимать отвѣтственность на себя,—сказалъ гласный Годневъ.

— Нельзя сразу порвать со старыми формами. Жизнь не можетъ идти такъ, какъ этого требуютъ циркуляры,—высказалъ Морковниковъ. — Совершеннымъ прекращеніемъ ссудъ можно вызвать голоданіе населенія, цыngu, тифъ.

Наконецъ, указывали на опытъ общественныхъ работъ.

— Онѣ не могутъ обслуживать всю продовольственную нужду. Онѣ безсистемны, неорганизованы и не имѣютъ ровно никакого практическаго значенія.

Даже съѣздъ земскихъ начальниковъ Казанскаго уѣзда пришелъ къ заключенію о „несостоятельности общественныхъ работъ“.

Губернское собраніе заявило, что ни оно, ни правительство не подготовлены къ новымъ видамъ помощи, и поэтому земство остается на почвѣ устава 12-го іюня.

Къ этому времени выяснилось, что правительство, вмѣсто ссуды семи съ половиной милліоновъ, въ какой земство опредѣлило нужду въ общественныхъ работахъ, ассигновано 150 тысячъ...

Это была капля...

Послѣ противодѣйствія, оказаннаго земствомъ, за-

работала административная машина. Надо было „спа- сать „принципъ“.

Было создано губернское совѣщаніе въ составѣ губернскаго присутствія, представителей вѣдомствъ, губернской управы, предводителей дворянства и председателей уѣздныхъ управъ. Губернаторъ предложилъ учредить уѣздные комитеты, вѣдающіе общественныя работы. Смыслъ этихъ комитетовъ заключается въ томъ, чтобы подчинить общественныя работы, организуемыя земствомъ, контролю и руководству администраціи.

Произошло любопытное явленіе: 18-ю голосами противъ 14-ти комитеты были отвергнуты. Тогда губернаторъ созвалъ второе совѣщаніе, но изъ однихъ чиновниковъ, безъ участія предводителей и председателей, и такое совѣщаніе приняло организацію комитетовъ.

Уже въ концѣ августа губернаторъ поручилъ губернской управѣ открыть общественныя работы подъ контролемъ уѣзднаго комитета.

Управа не исполнила порученія.

Съ мѣстъ, между тѣмъ, шли печальныя вѣсти. Населеніе голодало, проѣдало послѣдніе „животы“, распродавало скотъ за безцѣнокъ. А въ губерніи шли споры изъ-за принципа.

— Дайте намъ хлѣба,—протягивали руки крестьяне.

— Подождите, дайте рѣшить, кто долженъ оказать вамъ помощь и въ какомъ видѣ,—отвѣчали изъ Казани.

— Но мы успѣемъ умереть, пока вы спорите!

— Принципъ дороже васъ...

Наступилъ сентябрь. Въ другихъ голодающихъ губерніяхъ уже были организованы работы. А въ Казанской губерніи все спорили...

На второмъ губернскомъ земскомъ собраніи земцы категорически высказались противъ комитетовъ. Членъ Государственнаго Совѣта Ю. В. Трубниковъ заявилъ:

— Учрежденіе комитетовъ явочнымъ порядкомъ незаконно. Я, какъ вѣрноподданный Его Величества, принявшій присягу на земскую службу, не могу допустить, чтобы земство шло незаконнымъ путемъ...

— Суживать задачи земства до агентуры какой-то организаціи, смысла существованія которой мы не понимаемъ,—значить идти противъ себя,—сказалъ А. Н. Боратынскій.

„Какая-то“ организація, какъ извѣстно, была выдумана не въ Казани.

Въ своемъ заключеніи земское собраніе высказало, что „новая организація общественныхъ работъ, не отвѣчая интересамъ дѣла, не можетъ имѣть мѣста и потому, что роль, отводимая ею мѣстному земству, противорѣчитъ положенію о земскихъ учрежденіяхъ“.

Но въ душѣ у земцевъ остался непріятный осадокъ:

— Мы защищаемъ земскую идею, а губернія голодаетъ...

Долго бы голодающіе не увидѣли общественныхъ работъ, если бы не случайность. Произошла смѣна министерства. вмѣстѣ съ П. А. Столыпинымъ умеръ „принципъ“. Изъ Петербурга въ началѣ сентября извѣстили:

— Мы согласны на всѣ пункты земскаго постановленія. Начинайте работы.

Комитеты были закрыты. Земство принялось за организацію общественныхъ работъ. Но онѣ долго не начинались, такъ какъ споръ съ администраціей отвлекъ земство отъ дѣла, и только въ концѣ сентября работы, наконецъ, появились.

Голодъ въ это время уже достигъ своего апогея.

Маета, а не жизнь.—На мѣстахъ голода въ Тетюшскомъ уѣздѣ.—„Проѣдаемъ послѣднее“.—Сожалѣніе, что неуродились жолуди.—Дѣти на общественныхъ работахъ.

Бурая Волга какъ будто крышкой накрыта. Это тяжело повисъ надъ ней сырой туманъ. Падаютъ хлопья снѣга и застилаютъ черную поверхность земли. Скоро зима...

— Дойдемъ ли до Тетюшъ?—спрашиваю я въ Казани агента пароходства.

— Авось, проскочимъ.

Планъ у меня былъ иной. Я думалъ объѣхать сначала Чистопольскій уѣздъ и уже потомъ черезъ Лашевскій и Спасскій уѣзды пробраться въ Тетюши. Но все разстроилось. На Чистополь пароходы уже не ходили. Пришлось воспользоваться послѣднимъ пароходомъ и поѣхать прямо въ Тетюши.

Когда я разговаривалъ съ агентомъ пароходства, подошелъ какой-то деревенскій паренъ и смотрѣлъ на насъ широко раскрытыми глазами. Потомъ онъ растерянно обратился къ агенту:

— А я куда, баринъ, дѣнусь?

Одѣтъ онъ въ легкую казинетовую поддевку; ежитъ отъ холода и отъ своихъ невеселыхъ, безпокойныхъ думъ.

— Тебѣ куда надо?—спрашиваю у него.

— На Пермь.

— Опоздалъ, голубчикъ! По Камѣ пароходы уже не ходятъ.

— То-то и оно-то... А я съ женой домой собрался.

Думаю: кто же сейчас вдетъ въ деревню? Изъ деревни бѣгутъ.

— У васъ неурожай?

— Да.

Ему, видимо, хочется кому-нибудь пожаловаться на судьбу. Онъ началъ рассказывать прерывистымъ запутаннымъ языкомъ. Какъ онъ хорошо работалъ гдѣ-то, но „прибѣжала къ нему съ голодухи жена съ рабенкомъ“. Ребенокъ сталъ кричать, надрывать. А жену „съ того взяло мнѣнье“. „Пойдемъ, говоритъ, домой! Можетъ, тамъ батюшка съ матушкой съ голода кончатся?“ Пристала. Вывалилась у него изъ рукъ работа... Снялись они и поѣхали. А въ Казани вотъ и застряли... И денегъ у нихъ нѣтъ и „рабенокъ все кричитъ“...

Богъ знаетъ, что онъ говоритъ. Несуразный какой-то, на-смерть перепуганный. Я силюсь ему объяснить, что зря онъ это сдѣлалъ—ушелъ съ работы. Но онъ, видимо, ничего не понимаетъ. И чувствуется мнѣ въ то же время, что правда на его сторонѣ. „Рабенокъ кричитъ“, вся жизнь деревенская крикомъ кричитъ и мается. Сырой туманъ гнететь ее все ниже и ниже...

— „Что я буду дѣлать?“

И никто не знаетъ, что онъ будетъ дѣлать. Можетъ-быть, умереть по дорогѣ отъ голода, можетъ, сойдетъ съ ума отъ крика ребенка. Или еще что-нибудь случится плохое. Непремѣнно плохое.

Это апофеозъ деревенской маеты. Жизнь, въ которой потеряны смыслъ и логика.

Скоро зима.

Кромѣ голода, она несетъ съ собой холодъ въ голодающую деревню. Тетюшскій уѣздъ безлѣсный, негдѣ собрать сучьевъ. Можно, пожалуй, купить, но нѣтъ денегъ. Ихъ нѣтъ даже на хлѣбъ,—гдѣ тутъ говорить о дровахъ. Сейчасъ топятъ соломой, но соломы мало. Выйдетъ она,—что тогда будутъ дѣлать?

— Сначала будутъ недотапливать,—передавала мнѣ земская учительница Е. И. Лебедева,—въ полутеплѣ, полуморозѣ жить. Ребятъ всѣхъ перестудятъ. А потомъ... Пойдутъ въ печку навѣсы, изгороди...

Среди татаръ возникъ проектъ „коопераци“. Хотятъ жить по двѣ, по три семьи вмѣстѣ въ одной избѣ. Изъ экономіи въ топливѣ.

— По недѣлямъ будемъ топить.

Въ избѣ, гдѣ можно жить и дышать пятерымъ, помѣстятся двадцать человѣкъ. Спина со спиной, чтобы теплѣе было. Ночи длинные. Керосинъ стоитъ денегъ, поэтому будутъ ложиться рано—съ шести часовъ. Безпросвѣтная темень въ избахъ и на душѣ...

— Можетъ, казна или удѣлъ дадутъ сучьевъ?

— Можетъ, дадутъ...

Только ссудъ нынѣ не будетъ. Объявлено губернаторомъ. А гдѣ взять денегъ?

— Мается народъ, стонетъ,—рассказываетъ Е. И. Лебедева.

Она 25 лѣтъ учительствуетъ въ своемъ уѣздѣ. За все это время было десять неурожайныхъ годовъ. Одинъ другого тяжелѣе. Но самый тяжелый—нынѣшній. Прежде, если озимое было плохо, то яровое выходило недурно; плохи хлѣба,—картошка хороша и обь обилии; хоть и скудный годъ, но муку гривенъ за восемь, за девять пудъ достать можно. Нынѣ же все плохо: нѣтъ ни ярового, ни озимаго, а картофель хоть и уродился, но гниеть въ ямахъ, такъ какъ выкопали его влажнымъ. Хлѣбъ дошелъ сейчасъ до 1 р. 40 к. Да и за деньги его не всегда купишь,—намучаешься искавщи. Богатые мужики не продаютъ—выжидаютъ, когда два рубля пудъ будетъ...

— А казна? Продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ—основная продовольственная операція. Въ Тетюшахъ, мнѣ говорили въ земствѣ, приготовлено 600 тыс. пуд. овса и ржи. Стоятъ восемь баржей—самъ видѣлъ...

— Вѣримъ, но не видимъ ни одного фунта казенной муки.

Странно. Можетъ-быть, въ Тетюшахъ, подобно Чистополу хотѣли притти на помощь, когда будетъ ясна „массовая, острая нужда въ уѣздѣ“? Это постановило то самое чистопольское земство, которое узаконило, какъ норму, 14 пуд. зернового хлѣба на человѣка въ годъ. Кто-то на собраніи по этому поводу сказалъ:

— Норма для голодныхъ—18 пудовъ.

— Управа отвѣтила:

— Но въ годы неурожая эта норма падаетъ до 14-ти...

Чистополь—плохой примѣръ для Тетюшъ. Да и что такое „массовая острая нужда“? Тифъ, цынга? Но тогда поздно будетъ помогать...

— Имъ что?—говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ о земцахъ и вообще о „господахъ“. — Имъ вѣтеръ въ задъ...

— Последнее продаемъ.

Таково положеніе Тетюшскаго уѣзда.

Нѣтъ пока эпидемическихъ заболѣваній, — дѣйствуетъ, видимо, „открытая“ чистопольскимъ земствомъ „поразительная приспособляемость крестьянскаго желудка“. Люди не лежатъ пластами. Работаетъ даже винная лавка.

Я спрашивалъ виннаго продавца въ с. Ченчуринѣ о положеніи торговли.

— Только на треть сократилась,—отвѣтилъ онъ.

Можно найти бабъ, одѣтыхъ въ шелковыя и полушелковыя платья и калоши. Но все это не уничтожаетъ факта большого голода. Въ шелкъ и калоши одѣваются богатѣи, пьютъ вино тоже въ большинствѣ они. Но въ каждой деревнѣ есть большой слой бѣдноты, которая „создаетъ настроеніе“. Эта бѣднота проѣдаетъ теперь последнее. А мѣстами уже проѣла.

Обѣднѣніе началось съ сѣва. Сеуды изъ обществен-

ныхъ магазиновъ на обѣмененіе получили не всё. Многіе просили, но встрѣтили со стороны земскихъ начальниковъ отказъ. Въ двухъ татарскихъ деревняхъ мужики разграбили свои магазины, но и у нихъ отняли назадъ взятую рожь и привлекли къ отвѣтственности. Массѣ бѣдноты, чтобы обѣмениться, пришлось занять у богачей подъ огромные проценты и заложить у нихъ душевые надѣлы. Никто не купилъ казенныхъ сѣмянъ, такъ какъ ни у кого не было денегъ.

Августъ и сентябрь надо было кормиться, такъ какъ общественныя работы запоздали и начались только въ концѣ сентября. Вслѣдъ за душевыми надѣлами пошелъ со двора скотъ и бабы холсты.

— А самовары?—спросилъ я въ одномъ селѣ.

Есть „знатоки деревенской жизни“, которые, видя самовары въ каждой избѣ, заключаютъ, что деревня богата.

Продажа самоваровъ — последнее средство. У крестьянина нѣтъ хлѣба, скота, онъ пухнетъ, но не рѣшается разстаться съ самоваромъ. Все-таки горячая вода его поддерживаетъ...

Помощи нѣтъ ни откуда. По волостямъ разослано „принципіальное“ объявленіе губернатра:

— Сеудъ не будетъ. Кто хочетъ хлѣба,—иди на общественныя работы.

Но мы увидимъ, какой это жалкій источникъ существованія.

Не было до начала ноября ни школьныхъ столовыхъ, ни врачебно-питательныхъ пунктовъ. Земство „ходатайствовало“, но ничего не получило. Въ деревнѣ въ каждой семьѣ есть неработоспособные люди: старики, старухи, калѣки, больные, дѣти. Ихъ не пошлешь на общественныя работы. Чѣмъ же ихъ кормить?

Напряженное ожиданіе помощи создало нервность и упадокъ духа.

— Одна теперь пѣсня въ деревнѣ: умремъ зимой,— рассказывалъ мнѣ учитель.— Разговоръ въ народѣ идетъ страшный. Иду наемни мимо толпы, одинъ мужикъ говоритъ: „Скотину-то мы знаемъ куда дѣвать,— зарѣжемъ и съѣдимъ безъ хлѣба,— а куда дѣтей денешь?“ Тутъ въ шабрахъ у меня жила вдова съ пятью ребятами. Билась. Все проѣла. Остался мѣшочекъ чечевицы. Приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Съѣдимъ и уйдемъ“.— „Куда?“— „Куда глаза глядятъ!“ Вчера, слышу, говорятъ: встала утромъ, забила ставни, перекрестилась и повела ребятъ. И многіе уходятъ, разбедаются, какъ тараканы передъ пожаромъ...

Тяжело смотрѣть на заколоченные дома. Стоять, какъ кресты на кладбищѣ. Въ Буинскомъ уѣздѣ я нахождалъ въ татарскихъ деревняхъ десятки забитыхъ избъ.

Спрашиваю оставшихся:

— Куда ушли?

— Не знаемъ.

— Зачѣмъ?

— Да тутъ съ голода подохнешь.

Разговорился со старикомъ-татаринкомъ.

— Я,— говоритъ онъ,— двоихъ дѣтей отпустилъ, одного шестнадцати лѣтъ мальчонку,— теперь вдвоемъ со старухой остался помирать.

— Куда же они ушли?

— Не знаю... Намедни прислали три рубля. Подожди, молъ, умирать отецъ!

Шутить, смѣется старикъ, бѣлая бороденка его трясется. Повторяетъ:

— Подожди умирать, отецъ!

— Дѣтей больно жалко,— говорила мнѣ Е. И. Лебедева.— Никогда я не видала ихъ такими блѣдными, слабосильными, какъ сейчасъ. Подъ глазами темные круги, и кожа такая тонкая-тонкая, совсѣмъ прозрачная. Это голодъ. Матери въ полдень прибѣгаютъ въ

школу и одѣляютъ дѣтей чечевичными лепешками. Это, значитъ, ребята ничего съ утра уже не ѣдятъ...

— Ну, а послѣ школы что имъ дома даютъ?

— Тожь лепешки съ чаемъ, если есть. У чувашъ салму—горячую воду, въ которой лежатъ катышки хлѣба. Если есть картофель,—даютъ его. И все. У насъ не сажаютъ овощей. Земли мало. „Негдѣ“,—говорять.

Въ с. Малыхъ Яльчикахъ вареный и размятый картофель смѣшиваютъ съ мукой. И изъ этого соединенія дѣлаютъ особый хлѣбъ. Говорять, это лучше, чѣмъ ѣсть одинъ картофель. Сами себя обманываютъ.

— Нонѣ жолодь-то съ лебедой не уродились,— жаловался мнѣ одинъ чувашинъ.

— Слава Богу,—говорю.

— Что ты! Съ ними меньше муки надо.

Съ нѣкоторыхъ поръ не всѣ ученики стали являться въ школы. Оказывается, и они на общественныхъ работахъ.

— „Тятка посылаетъ“.

Блѣдный, слабосильный „мужичокъ съ ноготокъ“ копаетъ землю лопатой. Какая ужъ его работа? Дрожитъ отъ холода и сырости. Одежонка на немъ плохая: ваточникъ изъ полутора фунта ваты.

Голодъ не знаетъ жалости...

5.

Безсиліе передъ бѣдствіемъ.—Помощи нѣтъ.—Положеніе духовенства.—Взысканіе недоимокъ.—Въ Буинскомъ уѣздѣ.

Сіжу въ волостномъ правленіи и бесѣдную съ однимъ лицомъ волостной администраціи. Не знаю, какъ „докладываетъ“ онъ своему земскому начальнику, но мнѣ говорить откровенно:

— Нужда у насъ страшная, многіе зимы не проживутъ, если не будетъ помощи.

Просунулся въ дверь сторожъ и говоритъ:

— Татары изъ Киксара...

— Опять!

— Вотъ, поговорите съ ними,—обратился онъ ко мнѣ.— Они каждый день ходятъ въ волость...

Выхожу. Толпа.

— За помощью пришли,—говоритъ одинъ татаринъ. — Сейчасъ жрать нечего, а зимой умирать будемъ...

У нихъ весь хлѣбъ червь съѣлъ. Скотину они распродали и на деньги отъ продажи кое-какъ обсъменились. Пошли въ ходъ душевые надѣлы. „Съѣли“ и ихъ, а теперь доѣдаютъ послѣднее и готовятся умирать. Больше 50-ти домовъ въ этой несчастной деревнѣ совершенно безъ скота и, конечно, безъ хлѣба. Кое-какъ поддерживаютъ ихъ общественныя работы. И то не всѣхъ, больше люнадныхъ. Понятно, они недоѣдаютъ „волостнымъ“:

— Давайте продовольствіе.

Изъ волости ихъ посылаютъ къ земскому начальнику. А земскій направляетъ въ волость. Такъ они и бродятъ, какъ тѣни.

„Начальство“ совершенно безсильно что-нибудь сдѣлать для голодныхъ. Губернаторъ—и тотъ на личныя просьбы, обращенныя къ нему крестьянами нѣкоторыхъ селеній, отвѣчалъ уклончиво и ничего не сдѣлалъ.

Онъ проѣзжалъ по Тетюшскому уѣзду. Въ д. Людоговкѣ къ нему подошли бабы и „плакались“ на свое житье-бытье. М. В. Стрижевскій сказалъ имъ:

— Не унывайте, мы васъ не оставимъ, организуемъ общественныя работы, и будемъ продавать вамъ хлѣбъ!

А потомъ посовѣтовалъ:

— Не дѣлайте свадебъ...

Бабы поблагодарили за совѣтъ.

Въ с. Ченчуринѣ народъ на колѣняхъ съ рыданіемъ

просилъ губернатора о продовольственной ссудѣ. Старикъ-священникъ, еле сдерживая слезы, заявилъ начальнику губерніи о необходимости немедленной продовольственной помощи. Губернаторъ сказалъ:

— У васъ будутъ общественныя работы и продажа хлѣба по заготовительнымъ цѣнамъ. А нѣкоторымъ даже будетъ выдана ссуда.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но ни въ Людоговкѣ, ни въ Ченчуринѣ не было до середины ноября, когда я былъ тамъ, общественныхъ работъ (людоговцы еще могутъ работать за 4 версты, въ Тетюшакъ, а отъ Ченчурина до города 12 верстъ), нѣтъ продажи хлѣба, нѣтъ ссуды...

Въ каждой волости есть такіе углы, какъ Киксарь. Иногда ихъ не одинъ, а 3—4. Въ нихъ уже „массовая, острая нужда“. И даже чигопольское земство устроило бы у нихъ столовыя. Но въ Тетюшскомъ уѣздѣ они живутъ безъ помощи. Я знаю, что въ Шамбулхчинской волости есть деревни Шамбулхчи, Еболаково и Утемышево, въ которыхъ жители уже въ ноябрѣ были на границѣ полного голода. У большинства нѣтъ дворовъ, нѣтъ никакого скота,—развѣ коза у кого-нибудь найдется. Эти деревни живутъ одной надеждой на столовыя и ссуды.

— Безъ нихъ пропадемъ,—говорятъ они.

Но ссудъ, какъ мы знаемъ, не будетъ. А о столовыхъ ни слуху, ни духу. Правда, выбраны волостныя благотворительныя попечительства, но такъ какъ денегъ не шло, то столовыхъ нѣтъ.

Иногда голодающіе ищутъ особый путь къ „начальству“. Идутъ не въ волость, а къ стражнику или уряднику. Тотъ доноситъ становому приставу, а становой (фактъ относится къ Малояльчиковской волости) пишетъ отношеніе въ земскую больницу, указываетъ деревню, говоритъ, что тамъ эпидемія, и проситъ „принять мѣры“. Врачъ ѣдетъ и находитъ жителей здоровыми.

— Намъ не лѣкарствъ надо, а хлѣба,—говорять они. Но хлѣба имъ не даютъ.

Впрочемъ, здоровье голодающихъ относительное. Тотъ же земскій врачъ говорилъ мнѣ:

— На пріемѣ у меня въ базарный день бываетъ до 150 человекъ. Я у всѣхъ осматривалъ десны и нахожу ихъ больными, взбухшими. Это—послѣдствіе питанія однимъ картофелемъ. Кромѣ того, у всѣхъ острое малокровіе.

Пока цынги нѣтъ, но истощеніе организма налицо. И это—не единичное явленіе.

Очень туго приходится сейчасъ тѣмъ крестьянамъ, которые ходили на Амуръ и недавно вернулись оттуда. „Нѣтъ повѣсти печальнѣе“ ихъ разказа. Агенты подрядчика обѣщали имъ гору. Польстились мужики на хорошій заработокъ и въ количествѣ 1,000 человекъ отправились за 10 тысячъ верстъ. Тамъ ихъ надули. Они взбунтовались, бросили работы, оставили паспорта и по этапу, безъ копѣйки денегъ, шли два мѣсяца домой. Пришли—и застали дома голодъ. Теперь и на заработки имъ итти нельзя,—вторыхъ паспортовъ не выдаютъ изъ волостного правленія. Приходится голодать.

Скверно сейчасъ приходится мужику, плохо и веѣмъ, кто матеріально зависитъ отъ него.

Мушлы Тетюшскаго уѣзда послали „слезное“ прошеніе муфтію:

— Жить не на что. Прихожане ничего не платять. Они просятъ вспомошествованія.

Туго приходится и православнымъ священникамъ.

— У насъ осенью новину собираютъ,—разказывалъ мнѣ одинъ батюшка.—Обыкновенно пудовъ 25 хлѣба привожу, а нынѣ пошелъ,—никто ничего не даетъ. Покойниковъ приносятъ въ церковь. „Отпѣвай,—говорять,—а деньги послѣ когда-нибудь“. За весь годъ только два брака...

Отсутствіе браковъ—любопытное явленіе. Постоянныя неурожаи и вообще усиливающаяся съ каждымъ годомъ тягота деревенской жизни уменьшаютъ браки. Теперь приходится встрѣчать крестьянъ 25—27-ми лѣтъ неженатыхъ. Спрашиваешь: „Почему?“—„Некогда было“,—отвѣчаютъ. Дѣйствительно, некогда. Вся жизнь уходитъ на то, чтобы заработать и прокормиться самому. До семьи ли тутъ?

— Нынѣ съ дѣтьми-то горе одно,—разказывалъ мнѣ одинъ холостой мужикъ.—Богъ съ ними!

И деревни коснулся „страхъ жизни“...

Плохъ, конечно, нынѣшній годъ и въ податномъ отношеніи. Но подати все-таки стараются „вытрясти“.

— Никто копѣйки не даетъ,—жаловался одинъ старшина,—а земскій требуетъ.

Взыскиваютъ съ зажиточныхъ. Съ бѣдноты что же возьмешь? Но и зажиточные нынѣ на волоскѣ отъ бѣдноты. Отказываются платить. У нихъ описываютъ овецъ и самовары. Но до продажи дѣло не доходитъ. Только пугаютъ описью.

— Но мірскія придется какъ-нибудь брать и съ бѣдноты,—говоритъ одинъ старшина.—На что же мы будемъ содержать правленіе? Я говорилъ восейка земскому: позвольте, молъ, вычитать изъ общественныхъ работъ. Не позволено,—говоритъ.—А самъ требуетъ: „давай!“ Откуда же я ему возьму?

Но мужику иногда приходится платить налоги даже изъ ссуды. Въ деревнѣ Кайбицахъ, Буинскаго уѣзда, крестьяне жаловались:

— Не даетъ старшина ссуду изъ общественнаго магазина. Говоритъ: сначала подушныя заплати! Ну, и приходится занимать подъ ссуду...

Изъ Тетюшскаго я переѣхалъ въ Буинскій уѣздъ, Симбирской губ. Картина голода измѣнилась въ худшую сторону. Нужда такая же, но мѣръ борьбы съ голодомъ совершенно никакихъ. И въ Тетюшскомъ ихъ мало... Но

все-таки тамъ почти въ каждомъ селеніи я находилъ общественныя работы. Въ Буинскомъ меня мѣстами переспрашивали:

— Какія такія общественныя работы?

Ихъ нѣтъ въ деревнѣ Нурлатахъ.

—хлопотали мы, чтобы открыли, да земскій у насъ плохъ,—говорили татары.

Нужда страшная. Мужики просили продовольствія изъ общественнаго магазина. Дали 30-ти домамъ изъ 200.

— Только тѣмъ, которые умирали...

Нѣкоторые распухли отъ одного картофеля, еле двигались. Имъ дали по мѣшку зерна.

Нѣтъ, можно сказать, работъ и въ деревнѣ Кайбихахъ. Тамъ сначала возили песокъ, а потомъ стало возить нечего. Я былъ у нихъ, когда работы не было никакой. Продавали скотъ и платили подушныя.

Нѣтъ работъ и въ деревнѣ Чураковской. И въ массѣ деревень и селъ Буинскаго уѣзда. Тутъ дѣйствуетъ тяжелый механизмъ бюрократическаго уѣзднаго комитета... Изъ 220-тысячнаго крестьянскаго населенія въ общественныхъ работахъ участвуетъ около двухъ тысячъ. Капли. Какая же это „борьба съ голодомъ“?

Но зато въ Буинскомъ уѣздѣ въ четырехъ мѣстахъ продаютъ хлѣбъ по заготовительной цѣнѣ. Вотъ только денегъ нѣтъ покупать его,—одна бѣда. Операциі по продажѣ маленькія.

Въ уѣздѣ уже появился тифъ—въ Батыревскомъ участкѣ. Есть такія селенія, о которыхъ даже земскіе начальники просятъ въ комитетѣ:

— Помогите, ѣсть нечего...

Такова деревня Люли, Тарховской волости. Она населена безземельными. Нужда страшная.

Голодные гнѣзда и въ деревняхъ Алманчиковъ и Убей-Начаровъ. Тамъ три года подрядъ градобитіе, а запасныхъ магазиновъ нѣтъ.

Общественныя работы.

Въ ноябрѣ по Казанской губерніи былъ объявленъ циркуляръ губернатора:

„Продовольственныхъ есудъ не будетъ дано. Кто не имѣетъ хлѣба, становись на общественныя работы. Спроси въ волостномъ правленіи, гдѣ онѣ есть“.

— Очень хорошо,—одобрилъ циркуляръ одинъ мой знакомый, сельскій священникъ.—Крестьянину пріятнѣе заработать хлѣбъ трудомъ, чѣмъ получать „пакетъ“... Только нужно, чтобы голодающій, дѣйствительно, могъ зарабатывать для себя и семьи кусокъ хлѣба. Гарантируетъ это губернаторъ?

— Вотъ у насъ въ селѣ прудъ рыли,—продолжалъ онъ,—работало 28 человекъ, ихъ мѣняли на другихъ, такъ что всего было занято 150 человекъ. А къ пруду каждый день подходила толпа въ 500 человекъ и просила техника: „Дай, Христа ради, работы! Не умирать же намъ“. Но работы не было, и они уходили домой.

Это, конечно, не единичный случай. Циркуляръ расклеенъ въ Казанской губерніи, видимо, по ошибкѣ, такъ какъ общественныя работы здѣсь не кормятъ и пятой части голодающихъ, желающихъ работать. А за организацию этихъ работъ прямо стыдно передъ мужикомъ...

Въ Тетюшскомъ уѣздѣ я нашелъ нѣсколько селеній (Людоговка, Чемчурино, Мал. Яльчики и др.) безъ общественныхъ работъ. Крестьяне просили администрацію: „Дайте намъ возможность заработать“. Но въ отвѣтъ имъ были одни обѣщанія...

Но и тамъ, гдѣ работы устроены, онѣ кормятъ да-

леко не всѣхъ нуждающихся жителей селенія. Работаетъ треть, пятая часть села. Остальные же стоятъ поодаль и завидуютъ счастливицамъ. Волостное правленіе не въ силахъ указать имъ, гдѣ найти заработокъ.

Понятно, что изъ чужихъ селеній не принимаютъ,— „самимъ мало“. Одна чувашка мнѣ жаловалась:

— Не пускаютъ мово хозяина на работу.

— Почему?

Семья многочисленная, очень бѣдная.

— Онъ отрубникъ. Говорятъ: „Ты отрубился и уходи. Работы идутъ на нашей землѣ, а не на твоей!“

Изъ-за работъ ссоры, распри, зло. Побѣждаетъ, конечно, зажиточный слой. Когда, подѣ аккомпанементъ криковъ о помощи, въ Казани шелъ споръ о томъ, кто долженъ завѣдывать помощью,—администрація или земство,—поставили вопросъ:

— Кому помогать общественными работами?

Земство говорило:

— Главнымъ образомъ, крестьянину средняго достатка, чтобы не допустить его до разоренія.

Администрація была „демократична“.

— Помогать необходимо бѣднѣйшимъ. Имъ надо дать возможность прокормиться до новаго хлѣба.

Споръ безтолковый, никому не нужный. Все равно жизнь отдала бы побѣду въ руки зажиточныхъ.

На работы принимаются по спискамъ волостныхъ правленій, а въ эти списки было велѣно записывать только бѣднѣйшихъ. Но выходило всегда такъ, что тамъ было больше зажиточныхъ.

— У насъ работаютъ имѣющіе 3—4 лошади,—съ негодованіемъ рассказывалъ мнѣ одинъ татаринъ,—а бѣдноту тѣснять, оттираютъ...

Богатымъ мирволятъ. Но иногда ихъ гонять съ работы,—слишкомъ ужъ ясна бываетъ несправедливость. Они все-таки находятъ лазейку... Слѣдить не-

кому. Техникъ бываетъ рѣдко,—онъ одинъ на волость. Старшина вездѣ не посигѣтъ. А табельщикъ скрываетъ.

Самыя работы таковы, что онѣ требуютъ примѣненія силъ зажиточныхъ, а не бѣдныхъ. Для возки земли нужны непременно лошади, для копанія — лопаты; чтобы работать среди осенней сырости и холода, необходима теплая одежда.

— Работы не про насъ,—говорилъ мнѣ одинъ бѣднякъ,—простудишься въ своемъ рваномъ ватопникѣ, на весь вѣкъ калѣжкой будешь. Проработай-ка съ 6-ти часовъ утра до 6-ти вечера съ пустымъ брюхомъ и на холодѣ!

— Безъ спины, безъ рукъ приходятъ, — передавали мнѣ.

Есть слой бѣднаго деревенскаго населенія, который уже совершенно не можетъ воспользоваться работами: калѣжки, больные, дѣти, старики, женщины съ дѣтьми и безъ работника, одинъ работникъ при большой семьѣ (ему бываетъ нельзя отойти отъ дома). Такихъ тысячи въ каждомъ уѣздѣ. Что съ ними дѣлать?

Заработокъ на общественныхъ работахъ незавидный. Пятьдесятъ копеекъ въ день, а у подростковъ и женщинъ—30 коп. По воскресеньямъ и праздникамъ работъ не производится. Заработокъ, значить, 40 коп. въ день. Если работаетъ одинъ изъ семьи,—такихъ большинство,—то ему на трешницу въ недѣлю трудно бываетъ прокормиться съ семьей. Пудъ муки стоитъ уже 1 р. 40 к. Нужно и лошади подсыпать въ солому муки. Трудовой „кусокъ хлѣба“, какъ видите, тощій...

Но онъ дѣлается совсѣмъ незамѣтнымъ, если работа происходитъ вдали отъ роднаго села. Тогда что крестьянинъ заработаетъ, то и проѣстъ, а семья ничего не останется.

Работы нерѣдко прерываются. Организациія плохая. То заработанныхъ денегъ ждутъ и не работаютъ,—а

деньги задерживаются недѣлями; то техникъ не можетъ долго осмотрѣть сработанное; то еще какія-нибудь причины. Я знаю село, гдѣ мѣсячный заработокъ 60-ти крестьянъ равняется 116 рублямъ...

— Техникъ плохой,—наивно объясняли крестьяне.

Въ „знаменитомъ“ казанскомъ спорѣ обнаружили двѣ точки зрѣнія на общественныя работы.

— Работами надо только дать прокормиться, а не преслѣдовать общественную пользу отъ тѣхъ или иныхъ сооружений, — говорила администрація устами д. с. с. Ковалевскаго.

— Нѣтъ, общепользность сооружений надо ставить на первый планъ,—возражало земство.

Споръ и въ этомъ пунктѣ оказался лишнимъ. Хотя работы были отданы земству, но оно спроектировало сооружения, имѣющія узкое мѣстное значеніе. О широкой экономической программѣ некогда и некому было подумать.

Главнымъ образомъ, копаютъ водоемы въ пожарныхъ цѣляхъ и кое-гдѣ укрѣпляютъ овраги и насыпаютъ дамбы. Вотъ и все. Сооруженіе исключительно въ интересахъ одного села.

Я ѣхалъ по Тетюшскому уѣзду, гдѣ работы были отданы въ руки чиновниковъ попечительства о трудовой помощи. Крестьяне вездѣ мнѣ говорили, что работъ мало. А я видѣлъ предъ собой ленту совершенно испорченнаго центрального шоссе, по которому уже перестали ѣздить,—такъ оно избито.

— Вотъ бы,—говорилъ я,—вамъ шоссе исправить?

— Не даютъ.

Общепользныя сооружения воспрещены,—вспомнилъ я д. с. с. Ковалевскаго.—А судьба мелкихъ сооружений известна изъ опыта прежнихъ общественныхъ работъ. Пруды затянутся иломъ и станутъ вонючимъ болотомъ-клякокой, дамбы обсыплются, овраги будутъ попрежнему сползать.

— Значеніе общественныхъ работъ ничтожно, — справедливо говорило чистопольское земство.

Работаютъ кое-какъ. „Для видимости“. За работой никто не смотритъ. Работы носятъ благотворительный и... деморализующій характеръ.

— Не работа, а одинъ развратъ,—сказалъ мнѣ близкій къ дѣлу человекъ.—Изъ крестьянина готовятъ сквернаго рабочаго.

— Намъ не домъ домить, а душу кормить,—опредѣляютъ крестьяне пословицей значеніе работъ.

Такъ смотрятъ на дѣло и нѣкоторые техники. Одинъ старшина рассказывалъ мнѣ:

— Вижу, не открываетъ техникъ въ одной деревнѣ работъ, да и только. Спрашиваю:

— Когда откроешь?

— Успѣешь,—отвѣчаетъ,—вы сработаете, а я потомъ чѣмъ буду жить?

Конечно, въ денежныхъ дѣлахъ работъ злоупотребленія. Табельщики приписываютъ работниковъ. Работаетъ 100, а они пинцуютъ 120. За лишнихъ получаютъ въ свой карманъ. Табель недѣльная. Техникъ не въ силахъ провѣрить.

Наконецъ,—самое главное,—съ первымъ снѣгомъ работы кончаются. Говорятъ, сучья и кирпичъ будутъ возить. Но эта работа уже прямо для зажиточныхъ. Да и займетъ она единицы.

— А съ весной, рассказывали мнѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ,—у насъ нечего будетъ дѣлать. Все уже сдѣлали: прудъ вырыли, ключъ вычистили...

Въ самомъ дѣлѣ, не улицы же деревенскія устилать торцомъ!

Циркуляры, конечно,—вещь спокойная. Но кромѣ циркуляровъ, существуетъ на свѣтѣ человѣческая жизнь. Она противодѣйствуетъ бумажистикѣ и разоблачаетъ ея непрактичность.

Попытки скрыть голодъ.

Мы не только не вооружены въ борьбѣ съ голодомъ, но даже,—стыдно сказать,—не знаемъ силъ своего противника. У насъ прорывалось желаніе замолчать бѣдствіе, но нѣтъ самаго существеннаго—правильной, точной статистики голода.

Сначала официально были обьяты пламенемъ бѣдствія только 17 губерній. Потомъ оказалось, что пораженныхъ несчастьемъ губерній уже 20. И, наконецъ, было высчитано, что голодающихъ губерній въ Россіи 26. Понятно, что при такой „статистикѣ“ невозможна и своевременная помощь населенію.

Но зато возможны жалкія попытки скрыть размѣры голода. Къ сожалѣнію, эти попытки исходили не только отъ темныхъ людей, ловившихъ рыбу въ мутной водѣ. И не одна мѣстная администрація занималась этимъ безцѣльнымъ занятіемъ. Голодъ старались скрыть даже нѣкоторыя земскія управы Казанской губерніи. Напримѣръ, на свіяжскомъ земскомъ собраніи былъ прочитанъ такой докладъ управы:

— „Урожай хорошій, даже лучше прошлагодняго“.

Гласные изумились. Что такое? Въ уѣздѣ голодъ,—это всѣ знаютъ,—требуется немедленная помощь, а по докладу выходитъ, что „все обстоитъ благополучно“.

Стали разбираться. Оказалось, что „цифровыя данныя не провѣрены“, докладъ составленъ „наспѣхъ“, кое-какъ. Предсѣдатель управы г. Сушко сознался:

— Цифры, дѣйствительно, мертвыя.

Собраніе постановило просить, въ виду неурожая,

устроить въ уѣздѣ общественныя работы, выдать сѣменные ссуды и т. п.

Удивительный фактъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ не единичный...

Общественныя бѣдствія взбаламучиваютъ жизненную топь, и на поверхности ея вдругъ показываются и отдѣляются люди энергіи, таланта и самопожертвованія. Но вмѣстѣ съ ними наружу „претъ“ и махровая пошлость нашего обывательскаго существованія, въ спокойное время таящаяся „въ глубинахъ“. „Отъ нея же всѣ качества“,—до низости включительно...

Труднѣе всего въ нищей Россіи обнаружить нищету. Кажется, легче накормить голоднаго, чѣмъ „открыть“ голодъ.

Казанскій уѣздъ, наприимѣръ, не былъ признанъ „пострадавшимъ отъ неурожая“. Но на земскомъ собраніи выяснилось, что даже по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій,—несомнѣнно, преуменьшеннымъ, — уѣздъ требуетъ крупной продовольственной помощи:

— Нужно свыше полмилліона пудовъ на обсеменение полей, нуженъ кормъ для скота, нужно продовольствіе и ссуды...

Уѣздъ, оказывается, „пострадалъ отъ неурожая“.

Ядринскому земству пришлось даже выдержать нѣкоторую борьбу за попытку обнаружить голодъ.

Членъ земской управы поѣхалъ въ уѣздъ собирать свѣдѣнія о неурожаяѣ. Между прочимъ, обратился къ волостнымъ правленіямъ:

— Какъ у васъ нынѣшній годъ?

— Никакихъ свѣдѣній мы не можемъ выдать,—сухо отвѣчали ему тѣ.

Нѣкоторыя правленія сначала было откровенно рассказали:

— Вопіющая у насъ нужда...

Но потомъ послали догнать на дорогѣ члена управы и посланный увѣрялъ его:

— Свѣдѣнія ошибочны. Урожай хорошій. Населеніе въ помощи не нуждается...

На земскомъ собраніи управа заявила, что „уѣздный свѣздъ далъ невѣрныя свѣдѣнія объ урожаѣ“, вслѣдствіе чего нѣсколько голодныхъ волостей оставлены безъ помощи на произволъ судьбы. Одинъ гласный,—волостной писарь,—очень ходатайствовалъ объ организаціи общественныхъ работъ.

— Страшная пужда во всѣхъ волостяхъ,—говорилъ онъ.

А въ своихъ свѣдѣніяхъ, несомнѣнно, писалъ для „начальства“ иначе:

— Все, ваше высокоблагородіе, обстоитъ благополучно!..

Такъ, видимо, пріятнѣе „начальству“. А главное—меньше ему хлопотъ.

Та же картина и въ Царевококшайскомъ уѣздѣ. По свѣдѣніямъ администраціи, тамошніе крестьяне тоже „не пострадали отъ неурожая“. Но земство настойчиво просило объ организаціи общественныхъ работъ, указывая на голодъ...

Ясно, въ чью руку играютъ люди, скрывающіе голодъ. Выгодно это только хлѣботорговцамъ. Имъ надо, чтобы навигація была закрыта безъ шума. А потомъ—шуми сколько угодно: у нихъ однихъ будетъ заготовленъ хлѣбъ...

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, болѣе другихъ уѣздовъ губерніи пострадавшемъ отъ неурожая, на этой почвѣ было совершено даже уголовное преступленіе, которое, къ сожалѣнію, осталось безнаказаннымъ.

Послѣ того, какъ даже биржевой комитетъ призналъ, что степень урожайности въ уѣздѣ „ниже средняго“, въ „Торгово-Промышленной Газетѣ“, „Вѣстникѣ Рыбинской Биржи“, союзническомъ „Казанскомъ Телеграфѣ“ и др. подобныхъ органахъ появилась корреспонденція изъ Чистополя, въ которой прямо гово-

рилось, что въ Чистопольскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ урожай обѣщаетъ быть „не ниже средняго“.

„Предполагаютъ,—пишетъ корреспондентъ, — что умолотъ въ сложности составитъ 50 пудовъ съ казенной десятины, а, можетъ-быть, и больше...“

Въ дѣйствительности, умолотъ оказался равнымъ 10—20 пудамъ, а мѣстами гораздо меньше. И не было момента, который давалъ бы поводъ надѣяться на большой урожай.

Ложь была такъ ярка и вредна, что чистопольское земское собраніе сочло нужнымъ разоблачить тайные мотивы ея, опровергнуть корреспонденцію.

Мы здѣсь входимъ уже по горло въ болото низкихъ человѣческихъ страстишекъ...

На тетюшскомъ земскомъ собраніи обсуждался вопросъ о продажѣ хлѣба по заготовительной цѣнѣ.

Предсѣдатель управы, (послѣ „подавній въ отставку“) купецъ-мельникъ Ашмаринъ энергично настаивалъ на продажѣ хлѣба непременно мукой, а не зерномъ.

— За размоль ржи надо набавить 6 копеекъ съ пуда,—предлагалъ онъ.

— Позвольте,—возражали мѣстные купцы Полосухинъ и Крушинъ.—Шесть копеекъ это—цѣна заграничная. На мельницѣ Ашмарина и на другихъ тетюшскихъ мельницахъ можно было бы брать за размоль 3½ копейки...

Къ счастью, собраніе единогласно постановило продавать крестьянамъ зерномъ.

Мнѣ рассказывали о продѣлкѣ одного волостного старшины Тетюшскаго уѣзда.

— Въ свѣдѣніяхъ о нынѣшнемъ урожаѣ онъ написалъ, что съ сотни сноповъ умолотъ 7—8 пудовъ. Въ дѣйствительности, умолотъ 2 пуда.

— Что же онъ богатый человѣкъ?

— Нѣтъ, средній, даже бѣдный.

— Хотѣлъ угодить начальству?

— И этого какъ-будто не было. Ему даже попало отъ начальства за эту ложь... Но онъ въ большой дружбѣ съ однимъ виднымъ земцемъ. А этотъ земець взялъ въ банкѣ 2,000 рублей изъ 6%, купилъ на нихъ хлѣба и роздалъ крестьянамъ въ долгъ подъ закладъ земли. Наживетъ процентовъ 15—20.

Этому земцу выгодно было, чтобы о неурожаѣ много не шумѣли, пока онъ не заготовилъ хлѣба...

Избави Богъ Россію отъ такихъ „земцевъ“! И вообще—отъ всѣхъ, которые въ минуту тяжелаго общественнаго бѣдствія не стѣсняются „успокаивать“:

— Голода нѣтъ.

Къ сожалѣнію, такими хищниками и ихъ покровителями на голодѣ хоть „прудь пруди“. Чувствуютъ они себя отлично. И даже не совѣстятся...

8.

Въ Симбирской губ.—„Голода нѣтъ“. — Земство „подвело“. — Кругомъ „массонн“ и „жиды“. — Голодающіе на заработкахъ въ Орловской и Курской губ.—Дѣятельность духовенства.

— У васъ сильный голодъ?—спросилъ я одного обывателя Симбирска.

— У насъ?

Онъ сначала боязливо оглянулся по сторонамъ. Потомъ поднялъ брови и покачалъ головой:

— Никакого голода нѣтъ. Откуда вы взяли?

Я проѣхалъ Буинскій уѣздъ и немного Симбирскаго. Тамъ вездѣ острый голодъ, крестьяне частью „проѣли“ послѣдній хлѣбъ и перебивались картофе-

лемъ, частью проѣдаютъ. Въ самомъ Буинскѣ сотни деревенскихъ портныхъ сидятъ безъ работы и безъ хлѣба. Безпомощность вездѣ поразительная. Нѣтъ ни ссудъ, ни столовыхъ, а общественныхъ работъ съ фонаремъ не сыщешь. Гдѣ онъ, — Богъ ихъ знаетъ. Вездѣ,—и въ Буинскѣ, и по деревнямъ,—всѣ,—крестьяне, старшины, учителя, священники,—говорили только о голодѣ и о грядущихъ неизбѣжныхъ болѣзняхъ...

А въ Симбирскѣ утверждали:

— Голода нѣтъ! Это въ „просвѣщенной“ Англіи голодъ, а у насъ, слава Богу!

Странное дѣло!

Обращаюсь къ мѣстнымъ газетамъ. Въ одной,—видимо официозной и, какъ водится, по-союзнически, безграмотной,—не было слово „голодъ“, а факты продовольственной кампаніи отмѣчались мимоходомъ и тонули въ кучѣ разныхъ начальственныхъ распоряженій и циркуляровъ. Въ другой,—очень малокровной, но прогрессивной,—о голодѣ также ни звука, а хроника жизни писалась такъ, какъ-будто надъ редакторомъ стояло недреманное око“ и при каждой попыткѣ сказать правду неукоснительно твердило:

— Помни: у насъ голода нѣтъ!

— Что же есть?

— Недородъ. И притомъ небольшой. Слышишь: небольшой недородъ. Такъ себѣ,—шалость природы. Если же будетъ голодъ, то будутъ и штрафы!..

— Слушаю...

Здѣсь находятъ не соответствующимъ дѣйствительности даже такое невинное выраженіе:

„Крестьяне, пострадавшіе отъ неурожаа“.

— Въ Симбирской губерніи нѣтъ пострадавшихъ!.. Запомните!

Видимо, живутъ тутъ одни благословляющіе прирону и... начальство...

Говорятъ, что это—новое средство противъ голода.
— Не обращать на него вниманія и даже о немъ не говорить...

Такъ лечатъ, напимѣръ, кашель...

Какъ бы тамъ не было, въ Симбирскѣ „все обстоитъ благополучно“. Всѣ на мѣстахъ. Команда дана. По командѣ даже перестроены мозги. Въ „уѣзды“ ѣздятъ разные члены, инспектора, чиновники палатъ и другихъ учреждений. И всѣ по приѣздѣ наперерывъ спѣшатъ доказать свою благонамѣренность и „работоспособность“:

- Голода нѣтъ.
- Очень хорошо. Я такъ и зналъ.
- Рады стараться.
- Голодь выдумали жида...
- Такъ точно... жида... самъ видѣлъ.
- И масоны.
- Такъ точно... и масоны!

Но все-таки боязно: а вдругъ дѣйствительность найдетъ окольные пути? Бываетъ. Тогда было рѣшено, чтобы замазать всѣ щели, не давать репортеру прогрессивной газеты свѣдѣній объ эпидеміяхъ. Врачебное управленіе для него стало неприступной крѣпостью. Съ неохотой и,—должно-быть, не полно,—даютъ ему свѣдѣнія и во врачебномъ столѣ губернскаго земства. Одно время, послѣ телеграммы о голодѣ, появившейся въ „Новомъ Времени“, въ земствѣ серьезно подумывали:

— Да стоитъ ли вообще давать свѣдѣнія?

Но потомъ нашли, что земство — все-таки земство, а не интендантское управленіе. И стали давать, хотя и съ видимой неохотой...

Губернское земство „полиберальничало“ только сначала:

— Отказываюсь отъ административныхъ комитетовъ,—заявило оно.

Но рядомъ съ этимъ пропѣло въ тонѣ „начальству“:
— Ссуды только развращаютъ. Нужны однѣ общественныя работы.

Исключеніе—ссуды на прокормъ скота.

— И онѣ развращаютъ,—твердили упорные.

— Да, но населеніе безъ нихъ разорится въ конецъ,—откровенно призналось собраніе.

Уѣздныя земства въ большинствѣ приняли комитетскую организацію. Тогда и губернское земство потянулось за ними. Безъ преній согласилось.

Стали „работать“ вмѣстѣ съ мѣстной администраціей. И въ тонѣ ей пѣть.

Атмосфера, въ концѣ-концовъ, создалась такая, что когда я приѣхалъ въ Симбирскъ, знакомые говорили:

— Вы здѣсь? Вѣдь, васъ же выслали?

— Пока нѣтъ.

— Всѣ говорили: выслали, чтобы не дать ничего написать о Симбирскѣ... Объ этомъ говорятъ губернаторскіе чиновники...

Характерно.

Встрѣчали меня съ удивленіемъ и страхомъ...

Но „шила въ мѣшкѣ не утаишь“. Прежде всего, цифры-предательницы говорятъ сами за себя. „Подвело“, по обыкновенію, дружеское земство, оказавъ медвѣжью услугу. Оно заявило:

— Умолотъ съ десятины ржи—17,3 ярового—15,1.

И зачѣмъ такъ громко кричать? Извольте послѣ этого утверждать, что въ губерніи „небольшой недородъ?“ Самый страшный неурожай. Сѣмянь мѣстами не перенесли изъ поля въ поле.

А потомъ эти неотвязныя просьбы:

— Нужна немедленная помощь!

Ну, къ чему?

Губернское земство даже грозно предупредило:

„Необходимо заявить правительству, что помощь необходима, ибо въ противномъ случаѣ всѣ тяжелья

послѣдствія недоѣданія лягутъ на земство, въ видѣ борьбы съ различными эпидемическими болѣзнями“.

Въ этомъ предупрежденіи между строкъ многіе нашли слѣды разрушительной пропаганды „жидовъ и масонов“.

Пролѣзли „масоны“ и въ благонамѣренныя головы уѣздныхъ земцевъ:

— Продовольственно-ссудной помощи не избѣжать,—мрачно изрекли эти земцы на собраніяхъ.

А нѣкоторыя земства, какъ, на примѣръ, ардатовское, даже осмѣлились просить:

— Отпустите намъ 200 тысячъ на благотворительную помощь!

Правда, ему отказали. Но оно все-таки успѣло крикнуть:

— На Шипкѣ не все благополучно. Есть и голодающіе...

А это-то и неприятно „патріотическому“ сердцу.

Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Самыя мудрыя мѣры совершенно неожиданно провалились.

Возлагали надежды на общественныя работы. Но ихъ удалось организовать въ гомеопатическихъ дозахъ. И плату за нихъ установили гомеопатическую.

Крестьяне говорятъ:

— Только голодъ заставляетъ работать...

Съ продажей хлѣба по заготовительной цѣнѣ произошли самыя „неожиданные пассажи“. Прежде всего, долго не удосуживались организовать эту продажу. Бывало такъ, что хлѣбъ лежитъ на станціи, земство платитъ простойныя, а не беретъ. Все некогда. Но самое главное:

— Крестьяне не покупаютъ земскаго хлѣба.

И качествомъ онъ не плохъ, и цѣна его гораздо ниже базарной. Казалось бы, должны расхватать въ одинъ мигъ. А выходитъ другое:

— Не покупаютъ.

Въ Алатырѣ заготовили 29,400 пудовъ. А продали въ продолженіе октября всего 55 пудовъ.

Въ Буинскѣ также мнѣ жаловались:

— Мало покупаютъ.

— По невѣжеству,—объясняли одни.

— По природной неблагодарности,—догадывались другіе.

— По отсутствію денегъ,—признавались сами крестьяне.—И рады бы купить у земства, да „купилки“ нѣтъ...

И идутъ они къ деревенскому богачу-ростовщику. Онъ съ нихъ беретъ „патріотическіе“ проценты, ставитъ безбожную цѣну, но зато:

— Даетъ въ долгъ.

Трудно убѣдить симбирское, да и всякое другое начальство, что въ ссудѣ пока вся суть продовольственной помощи. О трудовыхъ же ея видахъ надо было думать немного раньше, разрабатывать и готовить планъ ихъ постепенно; года за два, за три до бѣдствія. Голодъ у насъ, вѣдь, сталъ регулярнымъ явленіемъ... А когда предъ вами голодный нищій, жестоко читать ему рацеи:

— Ты возвращень подачками, голубчикъ!

— Можетъ-быть,—въ правѣ отвѣтить онъ,—но объ этомъ поговоримъ послѣ. Сію же минуту мнѣ ѣсть нечего... До устройства вашихъ общественныхъ работъ я могу умереть съ голоду или такъ истощать, что и работать не смогу...

Но все это говорится не для симбирскихъ руководителей...

Не для нихъ и голодныя цѣны на скотъ. Былъ я на мытномъ дворѣ въ Симбирскѣ. Спрашивалъ, почему мясо? Отвѣчали:

— Мѣстное—три копѣйки, пожирнѣе—четыре. Впрочемъ, для господъ у насъ есть привозное черкасское— по 12 коп.

Мимо ушей „руководителей“ идут и такія печальныя вѣсти изъ уѣздовъ:

— Въ Ардатовскомъ и Сызранскомъ не переводится тифъ...

— Это не голодный, — „оправдываются“ они.

По ка, можетъ быть, и не голодный. Но какъ можно утверждать, что истощенность крестьянскаго организма не играетъ въ этой болѣзни никакой роли? И можно ли гарантировать, что завтра этотъ „не голодный“, но страшный по своимъ размѣрамъ и упорству тифъ, не перейдетъ въ „голодный“?

Утѣшеніе „ихъ“ чисто „симбирское“...

Земство „подвело“ не одними только „голодными“ цифрами. Оно вздумало помочь населенію организоваемъ артелей рабочихъ и жестоко провалилось.

Двѣ очень видныхъ экономіи въ Орловской и Курской губерніяхъ просили рабочихъ. Губернской управой были отобраны самыя голодающіе и посланы. Но черезъ недѣлю-другую эти рабочіе явились обратно въ Симбирскъ и обратились къ земству съ упреками:

— Какъ вамъ не совѣстно? Къ кому вы насъ послали?

Оказывается, несчастные люди попали въ лапы самой беззастѣнчивой эксплуатаціи. Тетюшскіе крестьяне на Амурѣ того не испытали, что пришлось перенести симбирскимъ голодающимъ въ рекомендованныхъ земствомъ экономіяхъ.

Они принесли съ собой хлѣбъ, которымъ кормили ихъ на экономіяхъ. Въ немъ оказалось 40% мякины... Рабочимъ онъ продавался по обычной базарной цѣнѣ.

Ихъ преслѣдовали штрафами: за изломъ зуба у пилы вычитали 80 коп., за изломъ деревянной ложки — 10 коп., за отпайку соска у чайника — 60 коп...

— Это не работа, а каторга, — говорили рабочіе.

Они „прибѣжали“ домой безъ копѣйки денегъ, такіе же голодные, какъ и были.

Но кто особенно „подвелъ“ симбирскихъ „руководителей“, такъ это дворянство и духовенство.

Буинскій предводитель дворянства А. А. Головинскій, числящійся въ черносотенно-„націоналистическомъ“ лагерѣ, открыто заявилъ, что „нужда въ его уѣздѣ стоитъ остро“.

„Единственный способъ помочь голодающимъ, — писалъ онъ губернскому комитету трудовой помощи, — это — организовать немедленно же столовые“...

Я былъ въ Буинскомъ уѣздѣ позже этого письма. Никакой немедленной помощи тамъ еще не было организовано.

Итакъ, слово „голодь“ было открыто произнесено представителемъ дворянства. Не удержалось, чтобы не сказать правды, и симбирское духовенство. Въ лицѣ преосвященнаго Веніамина оно также громко заявило о „голодѣ“.

Какъ извѣстно, ни въ одной епархіи, кромѣ симбирской, духовенство не отозвалось на голодь. Въ Симбирскѣ же епископъ очень рано почувствовалъ приближеніе народнаго бѣдствія и опубликовалъ циркуляръ:

— Голодь идетъ, крѣпче запирайте двери церквей! Вотъ текстъ его циркуляра:

„Въ виду голоднаго года и приближающихся темныхъ, продолжительныхъ ночей, предлагаю консисторіи циркулярно предписать всѣмъ настоятелямъ и старостамъ приходскихъ церквей ввѣренной мнѣ епархіи, чтобы они тщательно слѣдили за церковными сторожами, провѣряя ихъ бдительность и добросовѣстное окарауливаніе храмовъ.“

Никому не секретъ: въ голодные годы и темныя осеннія ночи злодѣи-хищники всегда какъ-то стараются грабить храмы и ихъ имущество“.

И здѣсь этотъ „непріятный“ терминъ:

— Въ виду голоднаго года.

— Да нѣтъ же голода въ Симбирской губерніи,—увѣряютъ „руководители“,—это въ „просвѣщенной“ Англіи голодъ, а у насъ все слава Богу!..

— Голодъ? Откуда вы взяли?—шепчетъ мнѣ, оглядываясь по сторонамъ, перепуганный симбирскій обыватель.—Это все жида и масоны выдумали!..

9.

По дорогѣ въ Сызрань. — „Продовольственный“ господинъ. — Желѣзная система. — „Власіанка“. — Сызранскій Илюдоръ.

Вхали молча, думая каждый про себя:

— Что это за человѣкъ? На всякій случай надо отъ него быть подальше...

Потомъ по какому-то незначительному случаю разговорились. Узнали, что всѣ ѣдемъ въ Сызрань и чему-то какъ будто обрадовались. Въ воздухѣ стало легче.

Противъ меня сидѣлъ сызранскій земскій гласный, изъ крестьянъ. Онъ одинъ изъ всей нашей пестрой компаніи интересовалъ меня, какъ человѣкъ земли, сынъ деревни.

— Ну, какъ? Плохо у васъ нынѣ?—спрашиваю у него.

— Надо бы хуже, да нельзя... Изъ всѣхъ годовъ...

Сидѣвшій рядомъ со мной господинъ въ пенсія и поддевикъ поднялъ изъ-за газеты голову. Онъ ѣхалъ по какимъ-то продовольственнымъ порученіямъ, — но, — Богъ его суди, — физиономія его хотя была и продовольственная, но съ другой стороны... Сіяла, какъ мѣдный тазъ. Смотришь на него, и всякая чепуха въ голову лѣзетъ: „бараній бокъ съ кашей... жареный гусь... полдюжины пива“... Тфу, ты, пропасть!

Но оказалось, что этотъ „жареный гусь“ — большой „философъ“ „практической“ школы. Мнѣ пришлось перевести свое вниманіе съ гласнаго на него.

— Вотъ Государственная Дума признала, — говорю я, — что правительство во-время приняло мѣры.

— У насъ маленько запоздало, — отзывается гласный.

— Ничуть, — отзывается продовольственный господинъ.

Онъ бросилъ газету и съ живостью, совершенно необычно для его жирнаго тѣла, спросилъ гласнаго:

— Что есть голодъ?

Тотъ растерялся.

— У васъ тифъ? Цынга?

— До этого дѣло, слава Богу, пока не дошло.

— Ну, значитъ, нѣтъ и голода. И мѣръ никакихъ не надо.

— Народъ больно отопцалъ...

— Ахъ ты, Господи Боже мой, — нервно перебилъ онъ гласнаго.

Обернулся ко мнѣ и началъ крикливо говорить:

— Благотворить можно только чувствомъ, а управлять непременно надо системой. Какую же систему надо положить въ основаніе? Только трезвую и разумную. Противъ жизни, какъ противъ рожна, переть нельзя. А жизнь учить, что никогда не надо поддерживать падающихъ, иначе вмѣстѣ съ нимъ упадешь. Надо, вмѣсто того, тверже укрѣплять стоящихъ...

— Позвольте, но если люди умираютъ съ голоду?

— Конечно, тогда имъ нужно помочь. Въ государствѣ не должно быть умирающихъ съ голоду. Но помочь надо только тѣмъ, кому нечего уже продать и негдѣ заработать. Только въ эту послѣднюю минуту благотворительная помощь своевременна и разумна.

— А раньше, когда у крестьянина еще остаются лошади, изба, надѣлъ?

— Раньше она вредна, такъ какъ является по-

пыткой исправить естественный законъ...

— Не законъ, а простое несчастье.

— Простите меня, для близорукихъ — да. Но въ этомъ несчастьи—законъ уничтоженія мелкихъ общинныхъ хозяйствъ и всего отжитого и вреднаго для Россіи крестьянскаго строя жизни. Законъ 9 ноября сметаешь то, что не имѣетъ корней и виситъ на воздухѣ. То же дѣлаютъ и неурожаи. Они помогаютъ хуторскому закону валить слабое, а на его мѣстѣ укрѣплять сильное, торжествующее. Нужно это для того, чтобы стѣной отдѣлить бѣдныхъ отъ богатыхъ. Когда этотъ великій процессъ совершится, жизнь будетъ яснѣе. Рабочій вопросъ станетъ проще, не будетъ осложняться принадлежностью рабочаго къ землѣ и разными другими гнѣющими подпорками...

— Вы просто благословляете разореніе крестьянина?

— Не разореніе,—это—сильное слово,—а сведеніе его на степень рабочаго. Оно естественно и неизбежно. Безсмысленно ему противиться и задерживать.

Полная дама, сидѣвшая противъ толстяка, вдругъ проговорила:

— Поистинѣ все въ руцѣ Божьей.

Она сидѣла дотолѣ спокойно. Лицо у нея было постное, какъ будто она ѣхала на богомолье. Часто вздыхала, крестила ротъ и на насъ поглядывала съ недоброжелательствомъ: „Навѣрное, жулики. Поговорять, а потомъ въ мой карманъ полѣзутъ. Какъ только пускаютъ сюда такихъ“...

Толстяку понравилась поддержка.

— Именно,—обрадовался онъ,—все въ руцѣ Божьей.

И не намъ исправлять Его законы.

Но дама, видимо, его не слушала.

— Отецъ Власій,—изрекла она въ пространство,—говорить, что не надо лѣчить людей, ибо Господь знаетъ, что дѣлаетъ...

— Власіанка,—вдругъ хихикнула стоявшій въ две-

ряхъ молодой человѣкъ, смутился и исчезъ.

— Вы къ о. Власію?—почтительно спросилъ толстякъ.

— Да, за молитвой и благословеніемъ, — важно отвѣтила дама.

— Это который монахъ, а на автомобилѣ катаешь?—спросилъ гласный, и глаза его засвѣтились смѣхомъ.

— Что жъ изъ того?—обернулась къ нему дама.— Вышній даръ прозрѣнія Господь ему далъ... И расточатся врази его,—уже гнѣвно говорила она.

О. Власій—сызранскій Иліодоръ. Когда-то былъ волостнымъ писаремъ, но рано понялъ, „гдѣ раки зимуютъ“. Принялъ монашество и между купчихъ прославился „святостью“ и „прозорливостью“. Бѣдныхъ онъ не любитъ, богатымъ очень радъ.

„Власіанки“ дарятъ ему деньги, рысаковъ, плюшевыя рясы. Подарили автомобиль. Онъ—простой іеромонахъ, но живетъ не въ монастырѣ, а въ городѣ, гдѣ въ его распоряженіи два большихъ дома. Въ одномъ онъ помѣщаетъ дѣтскій дѣвичій пріютъ и живетъ самъ съ своимъ кучеромъ и шофферомъ „Мишкой“, а другой отдаетъ подъ квартиры „власіанкамъ“.

Поклонницы собираютъ его волосы съ гребенки и ѣдятъ. Пьютъ воду, въ которой было вымыто его бѣлье, цѣлуютъ полы его грязной рясы.

Таковъ сызранскій „свѣтой“.

— ... И о нуждѣ крестьянской,—говорила наша вагонная „власіанка“,—батюшка также учитъ: „Ни одинъ волосъ не упадетъ съ главы, все зависитъ отъ воли Его...“

— А знаете, это—вапа система,—говорю я толстяку,—только въ плоскости власіевской религіи.

— Что жъ? Я радъ. Здравыя понятія поддерживаются нашей вѣрой...

Приближалась Сызрань.

— Имѣю честь кланяться,—всталъ продовольственный толстякъ.—А къ о. Власію я навѣдаюсь обязательно,—обратился онъ къ дамѣ,—чтобы засвидѣтельствовать ему мое уваженіе.

— Ну, какъ?—обратился я къ гласному послѣ его ухода,—правду онъ говорилъ?

Тотъ замялся.

— Конечно, начальству лучше извѣстно... Только...

— Что?

— ...Только одно я знаю: что въ нашей округѣ мужики, можно сказать, подыхаютъ... А помощи нѣтъ никакой...

Х.

Въ Сызранскомъ уѣздѣ! — Несчастливая деревня. — „Милліонеры“. — „Зрящая работа“. — Лишній ротъ. — Участіе земскихъ начальниковъ. — „Красная“ мука.

Кругомъ бѣлая пелена. „Голодная скатерть“,—говорятъ мужики.

По скатамъ, въ ложбинкахъ разбросаны деревеньки. Еще немного, и отъ нихъ останутся однѣ крыши,—все засыетъ въ глубокомъ снѣгу.

Окуловка отбилась отъ своей семьи. Стоитъ одинокая, на краю. Съ ней рядомъ Хвалынской уѣздъ,—чужая страна.

Несчастливая деревня. Въ прошломъ году сюда занесло холеру. Человѣкъ 20 скосило, а остальные переболѣли.

— Отъ воды случилось,—объясняютъ крестьяне.— Въ родникахъ вода пропала, мы и начали пить изъ стоячаго пруда вмѣстѣ со скотомъ.

— Запахъ тяжелый. Чай каломъ отдаетъ. Замучились.

А теперь голодъ. Почва здѣсь—камень. И въ лучшіе

годы снимаютъ не болѣе 25-ти пудовъ съ десятины. А нынѣ даже и не жали. Нечего. Не было ни хлѣбовъ, ни картофеля. „Въ чистую“.

Широкая улица. На ней разставлены 72 двора. Мы тихо ѣдемъ. Унылый видъ. Черезъ каждые два-три дома одна изба забита. Такихъ изгнанныхъ изъ родного угла семей болѣе 20-ти.

— Разбрелись кто куда.

Было въ деревнѣ 43 лошади. Осталось 26.

— Остальные проѣли.

— Впередъ лошади въ гробъ не ляжешь,—печально говорятъ мужики.

Попродали коровъ, овецъ и солому. И все проѣли.

Въ деревнѣ остались только два двора съ двумя лошадьми.

— Это наши милліончики,—шутятъ тѣ, которые не потеряли еще способность смѣяться.

У одного изъ этихъ крестовъ старой муки 50 пудовъ, у другого—100.

— Посмотримъ, сколько чего къ веснѣ у нихъ останется,—говорятъ крестьяне.

Одинъ изъ этихъ „богачей“ жаловался:

— На общественныя работы не приняли. „У тебя мука есть“,—говорятъ. А не знаютъ, что у меня 10 ртовъ семьи, — на сколько мнѣ этихъ 100 пудовъ хватить?

Помощь явилась въ этотъ забытый уголокъ только 12-го ноября. Послѣ долгихъ напрасныхъ ожиданій и волненій. И приговоромъ просили окуловцы общественныхъ работъ, и устной мольбой.

— Все говорили намъ: скоро, скоро! А у насъ уже подъ горло подступало.

Рядомъ, въ Хвалынскомъ уѣздѣ, работали съ 15-го августа.

— Бывало, ходимъ туда,—жалостливо рассказывала мнѣ баба,—и смотримъ, какъ тамъ работаютъ. Зави-

дуюмъ: счастливые! Чѣмъ мы виноваты, что живемъ не въ Саратовской, а въ Симбирской губерніи? Придешь домой, да на молитвѣ и просишь Бога: „Вразуми, Господи, начальство, чтобы оно дало намъ работы“.

А дѣдъ въ той избѣ, гдѣ я остановился, все просилъ меня ему разъяснить:

— Не понимаю я. Богъ насъ наказалъ одинаково.

А помощь послалъ разную. Почему такъ?

Передъ работами дѣло дошло до послѣдняго. Еще тѣ, у кого кто-нибудь жилъ на сторонѣ, держались, хотя съ нихъ неукоснительно взыскивали подати и сборы. Остальные уже скребли по сусѣкамъ.

— Испекла я ребятамъ лепешки,—разказывала одна баба,—а они не ѣдятъ. Я на нихъ кричу, заставила ѣсть. „Отчего,—говорятъ,—мамка, глиной онѣ пахнутъ?“ Молчу,—пыль я собрала въ сусѣкѣ, да такъ съ глиной и испекла.

— Не ѣлъ два дня передъ работами,—признавался одинъ мужикъ.—Если бы не пришли къ намъ,—ложись и помирай.

— Почему такъ запоздали?—спрашиваю.

— Болѣзней-то у насъ, слава Богу, нѣтъ. Ну, начальство и думало: „стерпять!“

— Дѣйствительно, вѣдь, стерпѣли?

— Да. Только скота лишились. Теперь, пожалуй, не подынешься.

Наконецъ, работы открылись. Видъ у деревни сталъ веселѣе.

Толпятся на горкѣ. Подхожу. Старики, бабы, мальчишки съ ломами и лопатами. Работаютъ всѣ семьи, за исключеніемъ „милліонщиковъ“.

— Почему не учишься?—спрашиваю чумазаго мальчугана лѣтъ 11-ти.

— У насъ школы нѣтъ,—отвѣчаетъ за него мужикъ.—И близко отъ насъ не имѣется. Приговоромъ просили открыть,—не открываютъ.

— Неужели всѣ безграмотны?

— Поголовно. Никогда никто не учился. Развѣ въ солдатахъ какіе.

Срываютъ небольшую горку. спрашиваю:

— Кому она помѣшалась?

— Это двиствительно,—шепчетъ какой-то старикъ въ затылкѣ,—и техникъ тоже говорилъ. Работа зрячая. Но нужно же намъ дать заработать!

Я люблю видѣть мужика за работой. Онъ становится серьезенъ, сосредоточенъ. Онъ творитъ, священнодѣйствуетъ. Таковъ онъ и здѣсь—на „зрячей работѣ“: глубокомысленно отмѣриваетъ, серьезно взмахиваетъ ломомъ... Но мнѣ кажется, что теперь какой-то Мефистофель стоитъ за его спиной и хохочетъ. Обидно за русскаго крестьянина. Поневолѣ „дармоѣдъ“.

Покопай что-нибудь, чтобы даромъ хлѣбъ не ѣсть...

— Ну, а родники,—вспомнилъ я,—ихъ бы вотъ теперь и очистить?

— Приговоромъ просили. Обѣщали. Да, знать, до весны отложили,—съ работами, вишь, запоздали.

Въ полѣ сдѣлали запруду для скота. Но, думаютъ,—снесетъ весной...

Крѣпко бьютъ ломами мерзлую почву. Вотъ скоро скуетъ морозъ землю, и ломъ, пожалуй, не возьметъ.

— Тогда какъ же?

— Пошабашимъ,—говоритъ спокойно десятникъ.— У насъ поденная.

Земля промерзнетъ,—что они въ день сдѣлаютъ?

Жутко на душѣ у работающихъ.

— Боимся, прикончатъ,—говоритъ одна баба,— тогда какъ будемъ?

Уже и теперь холодъ морозитъ руки. Варезки не грѣютъ. А объ одеждѣ молчатъ. Всѣ въ рваныхъ зипунахъ и полушубкахъ. Хоть замерзай, а работать надо,—дома голодная семья.

Нужно имѣть слишкомъ жестокое сердце, чтобы

три теплых мѣсяца оставлять крестьянъ безъ работы, а теперь, когда наступила зима, начинать ихъ. Я освѣдомился въ Сызрани въ уѣздномъ комитетѣ:

— Когда образованъ комитетъ?

— 22-го августа.

— Когда была ассигнована сумма на общественныя работы?

— Въ августѣ же.

Почему въ Окуловкѣ и въ другихъ мѣстахъ только теперь начались работы? Отвѣтъ я знаю напередъ:

— Не управились.

Хоть и „зрящая работа“, но работать ее трудно.

— Не направишься никакъ,—говорилъ худой старикъ,—десять часовъ помаши-ка ломомъ, да лопатой. А придешь домой,—вода и мука. Вотъ и вся пищя. Больно отощали...

— А лошади?

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Вчера три упали на работахъ. Кормимъ соломою. Иные даже старой.

Десятникъ долго уговаривалъ ихъ согласиться на сдѣльную работу. Ему не надо было бы тогда наблюдать за работающими. Но мужики возстали:

— Земля мерзлая. Что ты?

Тамъ, гдѣ согласились на сдѣльную работу, теперь плачутъ. Заработокъ съ морозами сильно понизился, вдвое.

Десятникъ открылъ мнѣ „секретъ“ работъ. Страшный „секретъ“.

— Я удивляюсь,—говорилъ онъ,—изъ-за чего мужики упорствуютъ. Сдѣльно лучше для нихъ: меньше выработаютъ,—дольше будутъ работать.

— Какъ такъ?

— Работы не вѣчны. Каждой нуждающейся семьѣ высчитанъ продовольственный паекъ до 1-го іюля. Онъ переведенъ на деньги. Изъ него вычитается расходъ на

технической персоналъ и матеріалы при работахъ. А остальная сумма отдается, какъ заработокъ, семьѣ. Кто сработаетъ свою часть, того мы выкидываемъ изъ списка.

— А во сколько времени мужикъ можетъ выработать свой паекъ?

— Въ мѣсяцъ, въ полтора.

— А потомъ?

— Какъ хочеть. Онъ долженъ дѣлать изъ заработка сбереженіе на весь годъ.

— Но откуда? Плата же низкая!

— Знаю, неоткуда. Но такъ предположено начальствомъ.

— Вы предупредили мужиковъ?

— Говорилъ. Но они какіе-то чумовые,—не понимаютъ. Твердятъ одно: „А зимой, что будетъ?“ Я почему-то знаю, что съ ними будетъ?..

Крестьяне сердцемъ чуютъ недоброе. Завоетъ въ трубахъ вьюга. Начнутся длинныя холодныя и голодныя ночи. У кого осталась лошадь, сведутъ ее со двора на базаръ. А у кого ничего не осталось, къ тѣмъ придутъ болѣзни. И вотъ тогда начнется „скорая помощь“.

— Изъ прежнихъ голодныхъ годовъ знаю,—говорилъ мнѣ старшина Канадеевской волости,—ничего не будетъ безъ болѣзни. „Москва слезамъ не вѣритъ“. А какъ начнутся цынга и тифъ,—повезутъ въ деревню свеклу, картошку, морковь, клюкву, лѣкарства. Начнутъ лѣчить мужиковъ... Чудно!

Именно,—чудно. И жутко.

Вечерѣло. Я прошелъ по избамъ. Бѣдность вездѣ непокрытая. Одиноко стоятъ самовары на лавкахъ.

— Пьете чай-то?

— Забыли, какой есть. Дома три пьютъ, а у остальныхъ нѣтъ ни чая, ни сахара. Вотъ мужики зарабатываютъ что,—тогда пошьемъ.

Баба лежитъ на коникѣ. Голова завязана. Оказы-

ваются,—болитъ.

— И въ глаза стрѣляетъ,—не взглянешь!

Окуловская болѣзнь. Здѣсь многіе переболѣли ею. Больше женщины. Лежатъ недѣлями зажмурившись.

— Какъ вы зовете болѣзнь?—спрашиваю.

— Головной тифъ.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Сказывали...

Подхожу къ своей избѣ и чувствую, что что-то меня тревожитъ: ѣдко, больно. Ахъ, да!..

Давеча за обѣдомъ спросилъ я молока.

— Нѣтъ,—говоритъ старуха-хозяйка,—корову продали.

Гдѣ-то на сторонѣ все-таки достали.

Знакомлюсь съ обитателями избы. Славный, бѣлый мальчуганъ,—сынъ солдата, служащаго около Бухары. Дѣдъ его балуетъ. Терпитъ онъ и дѣвочку лѣтъ 4-хъ,—дочь сына, нанявшагося недавно въ работники за пять рублей.

— На лашти себѣ хоть заработаетъ,—говоритъ старикъ.

Но третья дѣвочка „лишняя“ въ семьѣ.

— Чья она?—спрашиваю.

— Дочь у меня вдовой осталась съ тремя дѣтьми,—говоритъ старуха,—въ Бакахъ (Баку) теперь служить кухаркой. Двухъ-то взяла съ собой, а третьяго намъ оставила... Да старикъ не взлюбилъ ее,—шепчетъ она мнѣ,—все говоритъ: отошли ее къ матери, лишній ротъ...

Сѣли за обѣдъ. Хлѣбали что-то мутное, черное. На днѣ изрѣдка попадался картофель. Я отдалъ свое молоко дѣтямъ. Старуха налила его въ чашку и подставила двумъ ребятишкамъ. Сиротка сидѣла поодаль съ глазами, полными слезъ.

— Что же вы ей не даете молока?

— Постъ,—сурово отвѣтилъ старикъ.

— Сколько ей лѣтъ?

— Шесть.

Бабка сморщилась и ушла въ свой передникъ. Дѣвочка сидѣла молча и ничего не ѣла. Когда старикъ ушелъ на общественныя работы, старуха подвела ее къ печкѣ и сунула что-то, должно-быть, остатокъ молока...

— Не знаю, что и дѣлать,—жаловалась бабка,—понимаю, что лишній ротъ,—тяжело, не тѣ годы. Но съ кѣмъ я ее отправлю къ матери?

Старуха плакала.

Окуловка въ этомъ краю не одна. Кругомъ по „головой скатерти“ разставлены Окуловки.

— Хуже, бѣднѣе есть,—знакомилъ меня съ своимъ приходомъ куроѣдовскій священникъ о. Румянцевъ.

Онъ молодецъ, кончилъ Демидовскій лицей и по призванію сталъ священникомъ. Судьба забросила его въ глушь. Видимо, хочется ему широкой общественной работы, а обстановка гнететъ.

— У меня въ приходѣ семь дворовъ мѣщанъ,—разсказывалъ онъ.—Голь перекатная. Всѣ общественныя повинности они несутъ съ крестьянами. А на работы ихъ не принимаютъ. Въ спискахъ они, вишь, не значатся.

— Крестьяне не противъ?

— Какое! „Вмѣстѣ“,—говорятъ,—подыхаемъ, вмѣстѣ и будемъ работать“.

— Въ комъ же дѣло?

— Въ десятникѣ. Мѣщане въ ногахъ валяются. Я за нихъ просилъ. Староста просилъ. Земскій начальникъ написалъ на просьбѣ: „разрѣшаю“. Работали дня три. А потомъ десятникъ прогналъ и даже денегъ за работу не заплатилъ...

— Да и вообще... Эти общественныя работы,—возмущался батюшка:—дѣлають-то что не надо, и не дѣлають, что необходимо. Отчего насъ, мѣстныхъ ин-

теллигентовъ, не привлекли къ этому дѣлу?

— Другіе,—говорю,—„мѣстные интеллигенты“ сами отказываются...

Земскіе начальники всего Сызрынскаго уѣзда не желали руководить общественными работами:

— У насъ *своихъ* дѣлъ по горло,—заявили они.

Недавно вице-губернаторъ Ширинскій-Шихматовъ при проѣздѣ предложилъ имъ все-таки признать и удовольствіе населенія *своимъ* дѣломъ.

Исключеніе — земскій Ребровскій. Онъ съ самаго начала заявилъ:

— Я принимаю руководство. Это—моя святая обязанность...

Есть у него въ Томышевѣ заслуженный старшина съ тремя шейными медалями. Одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые бываютъ на торжественныхъ процессіяхъ, церемоніяхъ и приемахъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ.

Г. Ширинскій-Шихматовъ, проѣзжая около Томышева, спросилъ крестьянъ:

— Отчего не работаете на общественныхъ работахъ?

— За насъ старшина все сработалъ...

— Какъ такъ?

Оказывается, „руководство“ г. Ребровскаго было не изъ сложныхъ. Старшина вѣдалъ все. Самъ нанялся въ десятники, сыновей и зятя взялъ въ помощники, роднѣ и вѣрмъ зажиточнымъ далъ работу.

— Напрасно на тебя надѣли эти медали,—сказалъ ему начальникъ.

Старшину уволили. Земскаго оставили.

— На много наработалъ заслуженный старшина?—спросилъ я въ комитетѣ.

— На пять тысячъ.

Я рассказываю это о Румянцеву, а онъ смѣется:

— У насъ, въ сосѣдней Саратовской губерніи, тоже хорошій случай произошелъ. Десятникъ нашлся и по-

просилъ сельскаго старосту расплатиться по табели. Тотъ читаетъ табель:

— Иванъ Петровъ... Да онъ умеръ лѣтъ пять!.. Петръ Ивановъ... Какой это? Ужъ не Петька-ли? Да онъ родился недѣли двѣ тому назадъ!..

Словомъ, „мертвыя души“. Старая и вѣчно юная русская быль.

Техникъ,—чуть ли не одинъ на уѣздѣ,—земскій. Работы производятся десятниками. Но ихъ мало. Отъ этого работы только

— Намѣчаются.

Но не производятся.

Одна, много двѣ старыхъ работы въ каждой волости, начатыхъ мѣсяцъ, полтора тому назадъ. А селеній въ волости 10—11. И вездѣ злѣйшій неурожай.

— Съ августа сулятъ намъ работы,—говорятъ вездѣ.—Сулятъ, но не даютъ. А съ посуловъ сытъ не будешь.

— Мало у насъ технического персонала,—говорилъ одинъ десятникъ.

— Да зачѣмъ онъ вамъ?—спрашиваю.

— Какъ же безъ надзора?

Работы производятся десятниками. Но ихъ мало. Отъ теръ. Только, чтобы рыли что-нибудь. Больше положеннаго все равно не заработаютъ!

Въ трехъ деревняхъ Новоспасской волости такъ и сдѣлали: открыли работы безъ десятника. Не умирать же съ голоду!

Словомъ, „мѣры приняты во-время“. Съ помощью „спѣшили“. Какъ въ „Вампукѣ“:

— „Бѣжимъ! Спѣшимъ!“.

— Сколько же у васъ денегъ?—спросилъ я въ комитетѣ.

— Истрачено на работы 90 тысячъ. Просимъ еще 50. Ассигновано около 400 тысячъ.

Въ другихъ мѣстахъ сотни тысячъ уже израсходи-

ваны. Въ Сызрани „экономить“. Остатокъ будетъ *).

— Просто некому распорядиться,—объяснилъ мнѣ одинъ сызранецъ.

Дѣйствительно, весь уѣздный комитетъ почти въ одномъ секретарѣ,—мрачнаго вида чиновникѣ. Это Гоць и Магогъ всѣхъ земскихъ и дворянскихъ дѣлъ и дѣлишекъ. Онъ и въ земствѣ секретарь, и у предводителя работаетъ, и еще гдѣ-то, и еще...

„Некогда“ ему „возиться съ этой обузой“! Крестьяне далеко. А на приговорахъ и прошеніяхъ, какъ на золотѣ, слезъ не остается...

Къ тому же и въ Сызрани извѣстенъ „пароль“:

— Голода нѣтъ.

Не даромъ въ началѣ осени сюда два раза пріѣзжалъ губернаторъ.

А сызранскій полиціймейстеръ, „во исполненіе предписанія“, „посоветоваль“ газетамъ *ничего* не печатать о голодѣ...

„Волость“—мѣсто, гдѣ можно скорѣе всего узнать о деревенской неурядицѣ.

Мужички безперечь ходятъ туда и жалуются:

— Кругомъ одна обида.

Жалуются на десятниковъ:

— Прижимаютъ.

На какого-нибудь „шабра“:

— У него двѣ лошади, онъ принять на работы, а я...

Волостной старшина мнѣ говорилъ:

— Сколько ссоры, зла подняли общественныя работы въ деревнѣ! Житья нѣтъ...

Прямо дерутся изъ-за куска.

При мнѣ такая сцена. Толпа пришла къ старшинѣ.

— Не допускаютъ на работы...

— А въ спискахъ значитесь?

*) По всей симбирской губ. экономія выразилась въ 2 мил. руб. Объ этомъ заявилъ губернаторъ Ключаревъ въ июнѣ 1912 г.

— Нѣтъ.

— Зажиточны?

— Полоса осталась не засѣянной... Жрать нечего.

— Отчего же не попали въ списки?

— Да видишь, когда списки составляли, мы отказались. Трофимъ смутилъ: „Будемъ,—говоритъ,—работать, насъ ушлютъ на Амуръ“. А теперь желаемъ...

— Ну, хорошо, мы внесемъ васъ въ дополнительные списки.

— Когда же допустятъ?

— Подождать надо.

Ждать имъ придется долго. Административная машина скрипучая, немазаная, тяжелая. Когда составятъ списки въ волости, то направятъ ихъ прежде всего къ земскому начальнику. Отъ земскаго списки пойдутъ въ уѣздный съѣздъ. Изъ съѣзда въ уѣздный комитетъ. А ужъ изъ комитета въ сельское общество черезъ волость.

— Канитель долгая,—разсказывалъ мнѣ старшина.—А въ результатѣ...

— Въ результатѣ будетъ, пожалуй, работать одинъ томышевскій старшина,—смѣюсь я.

— Это какъ водится. Трудно начальству за всѣмъ услѣдить. Да вотъ, возьмемъ, къ примѣру, земскій хлѣбъ.

Только въ началѣ ноября сызранское земство удосужилось открыть продажу хлѣба по заготовительной цѣнѣ въ пяти пунктахъ.

Цѣна высокая—1 руб. 30 к. за пудъ сѣяной муки. Съ покупкой, видимо, также спѣшили.

Купили „во-время“.

— Хороша мука?

Старшина качаетъ головой:

— То-то вотъ не услѣдили...

Еще въ Окуловкѣ одна баба мнѣ передавала:

— Мука кра-а-а-сная...

Въ Канадеѣ говорили:

— Если такая вся, покупать не будемъ... Труха
какая-то.

Одинъ волостной писарь жаловался:

— Плохая мука. Отрубей много...

Я спросилъ у мрачнаго секретаря комитета:

— У кого кушили муку?

— Тутъ, у своихъ...

— Да у кого?

— У помѣщицы Катковой и у полковника Абрата-
нца-Нечаева...

— Абратаццевъ? Это родственникъ предводителю
дворянства Давыдову?

— Да...—нехотя отвѣтилъ секретарь.

Потомъ вдругъ всталъ и ушелъ.

Я подождалъ. Думалъ, случилось что-нибудь съ
секретаремъ „внезапное“. Но такъ и не увидалъ его.
Очень деликатный человекъ секретарь комитета...

Г-жа Каткова, урожденная княжна, по мужу изъ
„стаи славнаго“ М. Н. Каткова.

Потолкавшись въ Сызрани, я узналъ, что земство
избрало уполномоченнымъ по продажѣ хлѣба населенію
нѣкоего г. Е.

— Кто это такой,—спросилъ я одного сызранца,—
общественный дѣятель?

— Нѣтъ, просто мелкій хлѣбный торговецъ...

Изумляюсь. Мой собесѣдникъ смѣется.

— Мало ли что у насъ бываетъ?.. Мы ко всему при-
выкли.

II.

Въ Самарской губ. — Цынга въ с. Зе-
рыклахъ. — Энергичный священникъ. —
Безучастіе начальства. — Картина го-
лода.

Въ Самарѣ я принялъ рѣшеніе прямо ѣхать на
мѣста голода въ деревню и тамъ изъ непосредственнаго

опыта черпать свѣдѣнія о продовольственной эпопеѣ.
Поэтому, не заѣзжая въ самарское земство и губернское
присутствіе, я взялъ билетъ до Абдулина, чтобы объ-
ѣхать прилегающую къ этому селу часть Бугуруслан-
скаго уѣзда.

Праздникъ не оживилъ села Зерыклы. Мы двига-
лись по улицѣ, а казалось, что ѣдемъ по безконечной
пустынь. Ни одного человекъ, ни одного звука.

Заснули? Умерли?

Но иногда мы видѣли, что сквозь мутныя окна на
насъ глядѣли человѣческіе силуэты. Посмотрятъ равно-
душно и снова исчезнутъ. Значитъ, остались еще люди
въ этомъ мертвомъ, замороженномъ царствѣ.

Какъ странно сюда доходить отдаленный звукъ па-
ровознаго свистка! Какъ-будто кто-то, изнемогая въ
предсмертной борьбѣ, кричитъ въ послѣдній разъ о
помощи.

Но итти спасать въ этой пустынь некому. Никто не
можетъ выйти изъ избы. Мертвое село само молить о
помощи.

На-дняхъ здѣсь сдѣлано тревожное „открытіе“.

Священникъ вдругъ почувствовалъ въ школѣ дур-
ной запахъ. Посмотрѣлъ у ребятъ рты. У трехъ малы-
шей оказалось кровотеченіе изъ синеватыхъ десенъ.

Дѣти давно уже приходятъ въ школу блѣдными,
испытанными. Мало шалить. Больше молча остаются за
партами. Плохо понимаютъ и ничего не помнятъ. Опре-
дѣленныхъ болѣзней все-таки не было.

— Но я ждалъ ихъ,—говорилъ мнѣ священникъ,—
у трети села нечего уже продать.

Мордва вынослива. Во время неурожая 1906—1907
гг. былъ только одинъ случай цынги, и то весной. Мно-
гіе на видъ всегда худосочны, малокровны. Но больны
ли они,—Богъ ихъ знаетъ! Ходятъ, говорятъ, ни на что
не жалуются,—значитъ, *здоровы*.

Батюшка послѣ „открытія“ въ школѣ написалъ земскому врачу. Тотъ прислалъ фельдшера, который обошелъ дома и при поверхностномъ осмотрѣ нашелъ:

— „14 цынготныхъ и 77 подозрительныхъ“.

Село явно разлагалось. Надо было просить о помощи. Впрочемъ, не „просить“,—просили ранѣе, до цынги,—теперь нужно плакать, кричать, умолять.

— У васъ были общественныя работы?

— Никакихъ. Только поговорили.

Въ сентябрѣ священникъ, видя безвыходность положенія, написалъ члену вольно-экономическаго общества, доктору Грану:

— Помогите!

Отвѣта не было.

Время шло. Со дворовъ исчезали коровы, овцы, лошади.

Въ концѣ октября отецъ Борецкій написалъ въ уѣздную управу:

— Обратите вниманіе!

„Есть уже семьи,—писалъ онъ,—побросавшія свои дома и разошедшіяся во все стороны въ поискахъ куска хлѣба... Въ одной семьѣ нѣтъ ни хлѣба, ни скотины, да и не было ея, а кормилецъ семьи лежитъ безногій. Послать побираться некого, дѣти маленькія“...

Земская управа отослала просьбу священника „по принадлежности“—въ уѣздный съѣздъ. Съѣздъ разсмотрѣлъ и наложилъ резолюцію:

„Обратитесь къ земскому начальнику“.

Священникъ „обратился“. Земскій начальникъ отвѣтилъ:

— На вашъ районъ у меня нѣтъ денегъ.

Дока по части законовъ волостной писарь объяснилъ взволнованному и растерявшемуся о. Борецкому:

— Изъ имперскаго продовольственнаго капитала даютъ только на кормленіе „распухшихъ“.

Въ селѣ были голодные, не ѣвшіе днями, но не было

еще „распухшихъ“. Откуда ихъ взять? Вотъ въ этотъ моментъ и пришла „желанная“ цынга... „Распухшихъ“ и „кандидатовъ“ оказалось сразу около 100 человѣкъ.

Впрочемъ, помощь явилась все-таки случайно. Самарскому губернатору бросилась въ глаза газетная замѣтка о бѣдственномъ положеніи мордвы с. Зерыклы, и онъ телеграммой земскому начальнику приказалъ „обратить вниманіе“.

Земскій далъ священнику пока 70 р.

— Кормите больныхъ!

— Только больныхъ?

— Въ первую очередь ихъ.

Кормятъ 100 цынготныхъ и „подозрительныхъ“. Въ числѣ подозрительныхъ“ есть и просто голодные. По около столовой всегда стоитъ толпа, плачетъ и проситъ священника:

— Христа-ради, дай хлѣба! Помираемъ.

Но денегъ у священника нѣтъ.

Когда сталъ записывать,—рассказывалъ о. Борецкій,—хлынуло ко мнѣ все горе нашего села. Человѣкъ 1,500. Знаю, что не притворяются. Извѣстны мнѣ ихъ достатки. На колѣни падаютъ, ноги цѣлуютъ... Прошибла меня слеза, не могъ видѣть—убѣждалъ...

Мордовка съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ стала на колѣни и повалилась въ ноги:

— Помогите!

Я растерялся. Поднимаю ее. По блѣднымъ щекамъ ея текутъ слезы.

Мужъ сидитъ на лавкѣ. Ему 46 лѣтъ, но онъ уже не работникъ.

— Нога пухнетъ. Встать не могу.

У него цынга. Видъ изможденный. Дыханіе тяжелое.

Дѣвочка лѣтъ 10-ти съ яркой трахомой.

— Кормятъ только мужика,—плакала баба.—А дѣвочки и мнѣ съ ребенкомъ ѣсть нечего. Что остается отъ мужа, то доѣдаемъ...

— Дѣвочка учится?—спрашиваю.

— Да.

— Развѣ школьной столовой нѣтъ?

— Нѣтъ.

Скота у нихъ не осталось. Уцѣлѣла лошадь. Но скоро и ее поведутъ въ Матвѣйкино на базаръ. А цѣна тамъ 5—8 рублей. Почти цѣна шкуры.

Если оставить лошадь и кормить одной старой соломой съ повѣти, то весной ее „вша заѣстъ“,—она отъ слабости борозды не пройдетъ.

Перехожу изъ избы въ избу. Убогій видъ. Полъ почти вездѣ глиняный. Есть курныя избы. Въ нихъ не войдешь отъ дыма и копоти.

Мать и пятеро ребятишекъ.

— Гдѣ же мужъ?

— Ушелъ на сторону.

— Куда?

— Не знаю.

Ушли многіе на донецкія камено-угольные копи. Я спрашиваю:

— Почему именно туда?

— Да хохлы у насъ живутъ неподалеку, сказывали, тамъ всегда есть работа.

Хохлы сами нищіе, но на копи не пошли.

Голодная мордва ушла „на-авось“. Гдѣ она теперь,—неизвѣстно. Ушла, какъ въ воду канула. Ни писемъ, ни слуховъ.

Въ семьѣ осталась коровенка. Но молока она не даетъ.

— Держимъ, старая солома осталась...

Но зимой „не миновать продавать“.

Впрочемъ, въ этой семьѣ есть „добыватели хлѣба“.

Двое мальчиковъ ходятъ „по-міру“.

— Подають?

— Немного приносятъ. И наши богачи иногда даютъ, и въ другихъ деревняхъ изрѣдка кинутъ...

Въ одной избѣ мнѣ показали „хлѣбъ“. Черный, съ большими бѣлыми крушинками.

— Отчего такой?

— Изъ „подсѣва“ испечень.

Подсѣвомъ называются остатки послѣ размола на мельницѣ зерна. Въ немъ куколь, шелуха, камешки, попадаютъ даже стекла. Все это вновь перемалывается и смѣшивается съ мукой. А у кого нѣтъ муки, тѣ хлѣбъ пекутъ изъ одного „подсѣва“. Онъ хруститъ на зубахъ, взглянуть на него страшно...

Но и „подсѣвъ“ не дешевъ. Цѣна ему отъ 45-ти коп. до 1 руб. пудъ. Все-таки, онъ дешевле муки, которая стоитъ на базарѣ 1 р. 20 к., а въ деревнѣ у богачей доходитъ до 1 р. 50 к.

— Но, кромѣ этого хлѣба, что ѣдите?

— Иногда картошку. Ее бережемъ,—понемногу...

Больше ничего. О чаѣ здѣсь „забыли думать“.

Муку иногда смѣшиваютъ съ картофелемъ и пекутъ изъ этой смѣси хлѣбъ. Очень жалѣютъ, что не уродились ни жолуди, ни лебеда:

— Съ ними легче бы пропитаться.

Передъ открытіемъ столовой нѣсколько крестьянъ уже совершенно голодали дня два.

Въ одной семьѣ отецъ „пилъ только воду“. Хлѣбомъ питались дѣти.

Въ другой—старикъ-солдатъ, призыва 70-хъ годовъ, „понялъ“, что

— „Наступаетъ смерть“,

но голодалъ молча, никому не говорилъ, что второй день не ѣлъ. Сосѣди сказали священнику.

— Почему же молчалъ?—спрашиваю его.

— Совѣсть не позволяла.

А одинъ мужикъ въ разговорѣ оборонилъ такое словечко:

— Лучше зарѣзаться, чѣмъ жить такъ...

Онъ уже продалъ душевой надѣлъ и оторвался отъ земли навсегда.

Чего не сдѣлаешь въ отчаяніи и озлобленіи!..

Особенно, если знаешь, что

— Помощи нѣтъ ни откуда.

12.

Полоса ранней цыгги.—Красный Крестъ пріѣхалъ.—Протухшій „маханъ“.—„Курмовой давай“.

Я въѣхалъ въ полосу цыгги.

Новый Тиризь, Новое Якупово, Старое Якупово—три несчастныхъ татарскихъ деревни, въ которыхъ цыгга началась мѣсяць тому назадъ, а, можетъ быть, и ранѣе.

Тутъ недоумѣваютъ:

— Почему такъ рано началось разложеніе?

Одни рѣшаютъ:

— Отъ протухшаго махана (конины).

— Старое недоѣданіе сказалось. Нынѣ уже въ сентябрѣ былъ голодъ. Надломленные натуры (въ большинствѣ женщины) не выдержали.

Другіе думаютъ иначе:

Одна самарская эпидемическая фельдшерица мнѣ передавала:

— Прежде въ голодовки мы весной выѣзжали на цыггу, а нынѣ—осенью...

Въ Новомъ Тиризѣ около въѣзжей квартиры толпа татаръ. Издали слышенъ ихъ несмолкаемый говоръ.

— Что такое?—спрашиваю.

— „Красный Крестъ“ пріѣхалъ.

Цѣлое событіе.

Въ избѣ были фельдшеръ, врачъ и двѣ сестры мило-

сердія. Они только-что изъ Петербурга. Еще не начали работать.

— Кого будете кормить?—спрашиваю.

— Больныхъ.

Тутъ 7 цыгготныхъ и 12 „подозрительныхъ“.

— А потомъ вообще слабыхъ... Столовая на 50—60 человѣкъ.

Фельдшеръ жаловался:

— Что будемъ только дѣлать? Намъ предписали на каждаго больного расходовать пятачокъ въ день, а тутъ такъ все дорого. И гривенникомъ не обойдешься...

Расчетъ сдѣланъ въ предположеніи, что мясо 1½—3 коп. Въ такой цѣнѣ оно, дѣйствительно, было, но мѣсяць тому назадъ, когда базары были запружены голоднымъ крестьянскимъ скотомъ. Съ тѣхъ поръ много воды (и скота) утекло. Крестьяне все продали... Къ тому же мясники устроили правильную скупку, и голодное мясо пошло по желѣзной дорогѣ въ „Росію“. Цѣна поднялась до 6—7 коп.

Кромѣ „Краснаго Креста“, въ селѣ уже организована правительственная столовая на 32 человѣка. За вѣдуетъ мулла.

— Тощихъ кормить,—говорятъ татары,—самыхъ тощихъ...

Они кольцомъ окружили меня на улицѣ.

— Зачѣмъ пріѣхалъ?—спрашиваютъ.

— Посмотрѣть, какой у васъ голодъ.

— Чаво смотрѣть... Одно слово, помираемъ.

— Лошадка кунчалъ, овечка кунчалъ, козяка кунчалъ...

— Курмовой давай!

Объясняю, что продовольственная ссуда отъ меня не зависитъ. Но они не понимаютъ, да и не слушаютъ. У нихъ своя логика. Всякій пріѣзжающій въ деревню человѣкъ—для нихъ начальство, которое или ругаетъ ихъ,

или кормить. Не ругаетъ,—значить, будетъ кормить. Зачѣмъ же ему прїѣзжать?

— Давай курмовой! Помирать будемъ... Ашаты нѣтъ...

— А столовая?

— Въ столовыхъ, можетъ, сто будутъ кормить, можетъ нѣтъ. А у насъ 1,500 душъ голодныхъ.

— Школьная столовая есть?

— Нѣтъ.

— Общественныя работы были?

— Нѣтъ. Земскій общецаль, старшина общецаль, инженеръ общецаль,—никто ничего не сдѣлалъ...

Тутъ, видимо, такъ же, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, дожидались цыгги, чтобы явиться съ помощью.

Село изголодалось.

Иду по избамъ. Ближе къ краю онѣ больше похожи на курятники. Есть жилища въ одно окно. Живутъ тамъ впотьмахъ, слѣпнутъ, какъ куры. Въ дверь не всегда пройдешь,—приходится пролѣзть.

Одну семью засталъ за обѣдомъ. Дымится въ чашкѣ „маханъ“. Около него разсѣлись грязные, голодные ребята и жадно смотрять. Ищу глазами хлѣбъ. Не вижу.

— Есть, бабай, хлѣбъ?—спрашиваю старика.

— Нѣтъ. Давно кунчалъ... Двѣ недѣли маханъ ашаемъ.

„Почему,—думаю,—онъ лошадь, которую зарѣзалъ, не продалъ и хлѣба не купилъ?“ Но, оказывается, маханъ теперь „выгоднѣе“ хлѣба. Прежде всего онъ дешевле. Лошадь покупаютъ только за шкуру. А потомъ хлѣба надо фдоку фунта три въ день, конины же больше фунта-двухъ, пожалуй, не съѣшь.

„Въ особенности такой омерзительной, какъ эта“,—думалъ я.

Но омерзительна она только для меня,—татары ее „ашаютъ“ съ удовольствіемъ.

Подхожу ближе къ чашкѣ. Мясо совсѣмъ черное.

Нюхаю и чувствую на себѣ злой взглядъ старой татарки. Не отнимать ли, молъ, хочеть послѣдній маханъ?

Въ парѣ, подымающемся отъ чашки, ясно ощущаю трупный запахъ.

— Пропахъ,—говорю бабаю.—Испортился.

— Маленько есть,—отвѣчаетъ онъ,—тепло было ризаль...

„Маленько“! Падаль, а не мясо. Собаки, пожалуй, задумались бы, ѣсть или нѣтъ. Но татары не брезгливы, особенно въ голодный годъ. Гдѣ тутъ разбирать, пахнетъ или нѣтъ? Лишь бы было, что ѣсть.

Повертываюсь къ дверямъ.

— Прощай, бабай!

Старикъ вскочилъ съ наръ.

— Зачѣмъ приходилъ? Курмовой давай!..

Въ Новомъ Якуновѣ 10 цынготныхъ и нѣсколько „подозрительныхъ“. Недѣли двѣ ихъ кормила земская эпидемическая фельдшерница Разумова. Теперь она передаетъ ихъ „Красному Кресту“.

Фельдшерница уже второй разъ въ этихъ гиблыхъ мѣстахъ.

— И въ прошлую голодовку была тутъ на цынгѣ.

Мулла кормить на правительственныя средства 30 „топчихъ“.

Школьной столовой, какъ водится, нѣтъ. Дѣти голодаютъ вмѣстѣ съ взрослыми. Общественныхъ работъ тоже, можно сказать, не было.

Работали недѣли полторы 150 подводъ и 10 пѣшихъ. Заработали рублей по 5 на человѣка. Только и всего.

Фельдшерница знаетъ деревню.

— Голодъ отчаянный,—говорить.

Нѣкоторыя семьи давно уже ѣдятъ крупный „подсѣвъ“. И самый низкопробный,—по 45 коп. за пудъ. Хлѣбъ черный, какъ-будто изъ грязи слѣпленъ. Были семьи, не имѣвшія куска.

Вот конура на краю села. Живутъ въ ней мать и сынъ съ женой. Скотины давно у нихъ нѣтъ,—продать нечего. И въ хорошіе годы они почти нищіе, а теперь и вовсе. У нихъ съ августа былъ голодъ. Ходили по дворамъ. Кой-кто изъ жалости кормилъ.

— Писарь кормилъ, — рассказывалъ татаринъ-сынъ, — староста кормилъ, дѣвушка (фельдшерица) кормилъ...

Теперь онъ и мать „апаютъ“ въ столовой.

— А жена?

— Хлѣбъ тащимъ ей...

Изъ своихъ порцій, значить, отдѣляютъ.

Въ другой горемычной семьѣ шесть человѣкъ ребятъ. Просились въ столовую,—не приняли. Они здоровые,—да и „бѣднѣе есть“. Но ѣсть имъ при ихъ здоровьѣ и „богатствѣ“ нечего.

Вечеромъ отецъ надѣваетъ ребятамъ сумы и посылаетъ „по-міру“.

— Только въ своемъ селѣ не просите,—наказываетъ онъ имъ.

Совѣстно.

Тащатся голодные малыши по снѣгу въ сосѣдную деревушку, жалобно просятъ подь окнами. Иногда отворится окошко, выбросятъ черный кусокъ. А чаще изъ избы говорятъ:

— Мы сами скоро пойдемъ „по-міру“.

Куска три принесутъ ребята въ семью. Этимъ семья и кормится. Ъдятъ куски ночью.

Столовые питаютъ только больныхъ и слабыхъ, т.-е. стариковъ, калѣкъ. Но голодаютъ, вѣдь, и здоровые, работоспособные. Ихъ кормить некому...

Во вѣзжую избу ко мнѣ налѣзли татары. Жужжать, какъ комары, надъ ухомъ. Сестра милосердія „Краснаго Креста“, только-что пріѣхавшая изъ Самары, въ ужасѣ:

— Какъ же я тутъ буду жить?—говорить.—Налѣзутъ ко мнѣ столько!..

Она—грузная, полная дама. Привыкла, видимо, жить съ удобствами.

А татары не перестаютъ жужжать:

— Курмовой давай!

Я шутливо замѣтилъ имъ:

— Да, вѣдь, не отдадите?

— Какъ не отдадимъ!? За 1906 годъ почти всю ссуду заплатили.

— За кормъ скоту сполна отдали и за продовольствіе больше половины.

— Какъ не отдать, когда берутъ?

— Вотъ и за памятникъ взяли.

— За какой памятникъ?—спрашиваю.

— Въ Сарай-Гирѣ ставили...

— Александру Второму,—поясняетъ писарь.

— Мы приговоръ давали не платить, потому годъ голодный... А волость потребовала. Отдали 86 рублей.

— И мірскія, и волостныя отдали,—все до копѣйки. Требовали,—мы и отдали.

Для этого они продали „клинъ“ общественной земли въ 17 десятинъ. Въ 2,500 рублей и выплатили.

Поздно ночью мы выѣхали изъ Новаго Якупова.

Медленно двигаемся по уснувшей деревнѣ. Вотъ послѣдній домъ-землянка. Вдали разстилалось снѣжное поле. Вдругъ отъ стѣны отдѣлилась фигура въ лохмотьяхъ.

— Курмовой давай! Апашъ нѣтъ...

— Дадутъ, дадутъ...

— Давай курмовой! Дѣти плачутъ...

Въ голосѣ отчаяніе и слезы.

— Фу, ты, пропасть,—облегченно вздохнулъ ямщикъ.—А я думалъ нивѣсть что!..

Лошади взяли. Татарка осталась стоять на улицѣ...

Смерть отъ голода. — Мулла воръ. — Закрытие столовой. — Жмыхи вмѣсто хлѣба. — „Собачьи купцы“.

Кажется больше всего нужды въ Старомъ Якуповѣ. Тутъ мѣсяць тому назадъ былъ 31 цынготный и что-то около 60-ти „подозрительныхъ“.

Татары рассказываютъ:

— Габдулгамидъ Губайдуллинъ кончалъ жизнь...

— Умеръ?

— Отъ голода. Долго терпѣлъ. Несмѣлый былъ. Сыновья пошли побираться, да никто имъ ничего не подалъ. Старикъ ждалъ, не дождался и умеръ... Пришли сыновья, а онъ мертвый...

Такъ „просто“ рассказываютъ.

— Потомъ мы донесли, докторъ пріѣхалъ, цыngu нашель, кормить стали.

— Кого же?

— Тощихъ и цынготныхъ.

Такихъ 210 человекъ.

Столовой для „тощихъ“ завѣдывалъ мулла. Но съ нимъ случился „грѣхъ“.

— Маленько невѣрна пошелъ, — говорятъ татары.

Фельдшерница Альмендингеръ обличила его въ воровствѣ. Картошку онъ покупалъ по 25 коп., а записывалъ по 40 коп. Распоряжались всѣмъ самъ мулла и его родные, а остальныхъ членовъ попечительства онъ не подпускалъ къ столовой.

Я засталъ тотъ моментъ, когда сельскій староста получилъ „приказъ“ земскаго начальника:

„Отобрать отъ муллы всѣ продукты и деньги, закрыть временно столовую“.

„Кормить въ столовой, — писалъ земскій началь-

никъ, — разрѣшаю только больныхъ и подозрительныхъ. На лицъ нуждающихся, но не больныхъ представить особый списокъ“.

Татары записали 158 человекъ.

— Еле-еле держатся, — говорилъ о нихъ староста.

Осталась только одна столовая для цынготныхъ. Завѣдуетъ ею эпидемическая фельдшерница. „Краснаго Креста“ нѣтъ. Школьной столовой нѣтъ.

— А общественныя работы?

— Въ августѣ давали приговоръ. Два моста и два колодца просили. Приходилъ инженеръ, общалъ съ 1-го сентября. Но обмануль...

Чте за несчастный край! Обошли его даже минимумомъ — общественными работами. Этимъ видомъ помощи такъ хвалятся вездѣ „руководители“ деревенской жизни...

Былъ полдень — время обѣда. Со всѣхъ сторонъ къ столовой шли цынготные. Страшныхъ формъ болѣзни, когда люди лежатъ пластами, здѣсь еще нѣтъ. Больные, хотя съ палочками, тихо, но могутъ двигаться.

Больше все женщины. У нихъ у всѣхъ блѣдно-лиловые губы и восковой цвѣтъ лица. Унылый, потупленный видъ. Тѣни...

У многихъ кровоподтеки на ногахъ, — форма цыгги уже тяжелая.

Всѣ со своими ложками. Разсаживаются на нарахъ. Кормятъ ихъ теперь хорошо: четверть фунта мяса на человекъ, фунтъ хлѣба, картофель и пшено въ похлебку. Даютъ кусокъ лимона съ чаемъ и два куска сахара.

Конечно, въ столовую всѣ рвутся. Фельдшерница рассказываетъ о татаркахъ.

— Разотрутъ себѣ чѣмъ-то десны, раскровянятъ ихъ и приходятъ: „Корми!“ Каждый день скандалы, всѣмъ хочется ѣсть...

При мнѣ въ столовую пришла одна молодая татарка.

— Апатъ давай! Я больна.

— Ты выздоровѣла,—говоритъ ей фельдшерица,— а тутъ всѣ больные.

Она раньше была въ цынгѣ, кормилась въ столовой, но поправилась, и ее перестали кормить.

— Обыкновенно такихъ мы переводили въ столовую муллы. Но теперь столовая закрыта по приказанію земскаго начальника.

Женщинѣ, только-что перенесшей тяжелую, страшно потрясшую организмъ болѣзнь, приходится теперь питаться сухимъ хлѣбомъ или провонявшимъ маханомъ. А можетъ быть, и хлѣба-то въ домѣ нѣтъ.

Она долго съ крикомъ отстаивала свое право, на мясную похлебку. Ее силой увели изъ столовой.

— Мы ничего не можемъ сдѣлать,—основательно говорила фельдшерица, — больныхъ много, ихъ надо спасать отъ смерти, а средства ограничены.

Только-что ушла татарка, на смѣну ей откуда-то появилась другая съ страшно истомленнымъ малокровнымъ лицомъ. Въ рукахъ ребенокъ. Пришла она ко мнѣ и запѣла „старую“ пѣсню:

— Курмовой давай!

Ахъ, ты, Господи! Какъ тяжело чувствовать свое безсиліе!

Кое-какъ ушла.

Два раза татары приговоромъ просили о продовольственной ссудѣ.

— Не даютъ.

Въ избахъ обычная голодная картина. „Хоть шаромъ покати“.

Садыкъ Галиевъ—древній старикъ. Ему 79 лѣтъ. Два сына у него въ солдатахъ, а онъ проситъ милостыню.

— Не даютъ,—шамкалъ онъ.

Смотрю,—на дворѣ у него стоитъ лошадь.

— А коня все-таки не продаешь,—говорю ему.

— Нельзя никакъ. Ноги болятъ, ходить не могу. Запрягу лошадь и ѣду подъ окнами, прошу... Лошадь меня кормить...

Потому, видимо, и не подаютъ, что видятъ нищаго на лошади. Только въ страшно голодный годъ появляются въ деревняхъ такіе „богатые“ нищіе.

Въ другой избѣ увидалъ „хлѣбъ“. Сразу не разсмотрѣлъ.

— Что это такое?—спрашиваю.

Оказывается, жмыхъ конопляный. Кусокъ его (фунтовъ 25—30) стоитъ только 40 коп. „Дешево и сердито“. Имъ пробуютъ замѣнить хлѣбъ.

— Много поѣшь,—передавалъ одинъ татаринъ,— животъ болить.

Еще бы!

Разстаются съ надѣлами, отдаютъ ихъ богачамъ въ долгосрочную аренду,—лѣтъ на 6, на 12.

— Какова цѣна?—спрашиваю.

— Два-три рубля за десятину въ годъ.

Между тѣмъ, обычная арендная плата въ хорошій годъ 15—20 рублей.

— И за два рубля не берутъ,—говорятъ татары,— умоляемъ взять, не хотятъ. Свои богачи отказываются наотрѣзъ. Только матвѣйкинскіе принимаютъ.

Подшли двое русскихъ парней, съ большими палками-калдашами въ рукахъ. Это—„собачьи купцы“. Они пользуются голодными годами и скупаютъ у татаръ собакъ на шкуру.

— Дадимъ цѣну хорошую, — прельщаютъ они татаръ.—Сорокъ копѣекъ, а за хорошую—полтинникъ.

Старикъ-татаринъ покачалъ головой:

— За полтинникъ душу ризать хочешь. Ай-ай-ай!..

Парни пошли по дворамъ.

Мы выехали въ поле.

— Не продадутъ собакъ,—обернулся ко мнѣ ямщикъ.

— Почему?

— Развѣ татаринъ разстанется со своимъ меньшимъ братомъ?

— Какимъ братомъ?

Ямщикъ смѣется.

— Какъ же? Промежъ насъ молва ходитъ: старшій братъ—волкъ, средній—татаринъ, а младшій — его собака...

Но потомъ я услыхалъ, что и съ „братомъ“ голодный татаринъ разстается.

— Голодь не свой братъ...

14.

Голодь у отрубниковъ. — Разбойничья пора. — „Голодное“ мясо на колбасу. — „Подъ сердце подкатило“. — Случаи самоубійствъ. — Продажа въ рабство. — Десятникъ „шутникъ“. — Голодь въ Радовкѣ. — Земскій Васильевъ.

Около с. Сарай-Гира, въ полѣ, разбросано нѣсколь-
ко одинокихъ домиковъ. Это „хохлы“ построились на отрубяхъ.

— Хорошо живутъ?—спрашиваю ямщика.

— Какое! Съ нами вмѣстѣ муку терпятъ.

Заѣхалъ въ одинъ домикъ. Новенькій, чистенькій, обмазанъ глиной. Молодой хозяинъ съ женой уныло смотрятъ въ окно.

Спрашиваю объ урожаѣ. Онъ безнадежно машетъ рукой.

— Съ 18-ти десятинъ собралъ десять пудовъ ржи. И то совсѣмъ съ куколемъ. Съ нимъ и размолоть.

Онъ даже озимое не засѣялъ.

— Не на что было.

Думаетъ весной оба поля подъ пшеницу пустить.

— Если будутъ деньги.

Говорить и самъ не вѣритъ. Откуда быть деньгамъ? Было у него три лошади, лопонокъ (жеребенокъ) и корова. Остались одна лошадь и корова. А къ веснѣ, пожалуй, ничего не останется. Не на чемъ будетъ пахать.

— Ъсть нечего. Мясa не видимъ. А работы никакой.

— Небось, теперь бы вернулся въ Екатеринославскую губернію?

— Думки не было. Только на старинѣ у насъ, это вѣрно, всегда родится хлѣбъ.

Онъ разстался съ роднымъ гнѣздомъ изъ-за мало-земелья. Любопытно, что тѣ отрубники, которые продали холмовъ свои отруба, тоже ушли искать счастья въ далекую Сибирь.

Такъ передвигается русскій крестьянинъ въ поискахъ куска хлѣба.

Отъ хуторовъ идетъ большая дорога на Матвѣйкино. Путь, которымъ матвѣйкинскіе купцы везутъ свои товары на станцію желѣзной дороги.

Ямщикъ рассказываетъ мнѣ красивую сказку-быль о „разбойничьей норѣ“.

Въ полуверстѣ отсюда, въ оврагѣ, есть нора въ каменной скалѣ. На ней вырѣзана на камнѣ такая надпись:

„Мы здѣсь жили, ищите. Пугачевъ“.

Въ народной памяти сохранилось сказаніе, что тутъ прятался сначала Пугачевъ (?) съ награбленнымъ добромъ, а потомъ и другіе разбойники. Какъ разъ около „норы“ пролегалa старинная екатерининская дорога изъ Сибири въ Россію, а по оврагу и далеко дальше стоялъ дремучій лѣсъ. Грабить было удобно.

Теперь здѣсь ни кустика. Нѣтъ даже и екатери-
нинской дороги. Осталась лишь сказка:

— Лежитъ въ этой норѣ, на днѣ, сорокъ сундуковъ
съ золотомъ.

— Неужели,—спрашиваю,—никто не влѣзалъ туда?

— Влѣзали. Только въ первую пору, а какъ
сунулись во вторую,—свѣчка погасла. Такъ тамъ никто
и не былъ.

Ямщикъ разсказалъ мнѣ объ одномъ любопытномъ
предпріятіи. Нѣкогда крестьяне его села всѣмъ обще-
ствомъ на сходѣ рѣшили искать въ разбойничьей норѣ
золото.

— Годъ былъ неурожайный. Гдѣ взять пропитанье?

Двѣ недѣли долбили камень. Измучились, взрыли
гору, но ничего не нашли. Главное—до дна не дорыли.
Сказаніе о сорока сундукахъ до сихъ поръ живетъ въ
нетронутомъ видѣ.

— Можетъ-быть, нынѣ пойдутъ искать? Годъ тоже
голодный.

— Почему знать?—задумчиво отвѣчалъ ямщикъ.—
Можетъ, и пойдутъ. Помощи никакой. Не было у насъ
общественныхъ работъ и столовыхъ. А второй отрубъ
сѣмянъ съ поля не снялъ... Многимъ скоро ѣсть нечего
будетъ.

Красиво, узорчато народное плетенье нынѣшняго
голода съ сѣдой стариной...

Съ горы спускался длинный обозъ. Онъ змѣйкой
вился намъ навстрѣчу.

— Это матвѣйкинскіе кушцы.

— Теперь на нихъ не нападаютъ разбойники?—
говорю я.

— Нѣтъ. Да они сами стали хуже разбойниковъ!

Я не успѣлъ спросить объясненія, какъ мы по-
равнялись съ обозомъ. Инстинктивно зажимаю носъ,—

отъ обоза идетъ сильный зловонный запахъ. Спра-
шиваю:

— Что такое везутъ? Трупы?

— Голодное мясо. Которую недѣлю уже возить.

Сзади воевъ толпа возчиковъ. Подхожу къ нимъ.

— Отчего такой запахъ?

— Извѣстно, тухлятина.

— Куда же везутъ ее? Кто ее будетъ ѣсть?

Смѣются.

— Въ Москвѣ господа за милую душу съѣдятъ.

— Говорятъ, на консервы поступаетъ,—сообщаетъ
мой ямщикъ.

— На солонину тоже идетъ, но больше въ московскія
колбасныя, тамъ перцемъ да чеснокомъ духъ у такого
мяса отшибаютъ... Что и говорить,—добавляетъ воз-
чикъ,—товаръ цѣнный...

Они продолжаютъ смѣяться.

Я думаю, не „господа“ будутъ ѣсть эту тухлятину,
а все тотъ же русскій мужикъ. Его будутъ кормить та-
кой солониной въ экономіяхъ и на постройкахъ дорогъ...
И въ Москвѣ тухлую колбасу будетъ ѣсть бѣднота, т.-е.
тѣ же крестьяне.

Обозъ давно проѣхалъ, а я никакъ не могу отдѣ-
латься отъ впечатлѣнія трупнаго запаха. Слышу ям-
щикъ спрашиваетъ:

— Видѣли матвѣйкинскихъ разбойниковъ? Чего
смотреть начальство?

Въ Матвѣйкинѣ встрѣчаюсь съ земскимъ врачомъ
Н. И. Богородицкимъ. Разсказываю о встрѣчѣ. Онъ, ока-
зывается, тоже натолкнулся на зловонный обозъ.

— Въ Матвѣйкинѣ,—дополняетъ онъ картину,—
нельзя подойти къ купеческимъ лабазамъ.

Онъ обращалъ вниманіе земства. Былъ присланъ
ветеринаръ.

— Но онъ, къ моему изумленію,—говоритъ врачъ,—
нашелъ мясо годнымъ къ употребленію...

Матвѣйкино — опромное торговое село. Но, какъ вездѣ, здѣсь рядомъ съ „купеческими“ домами ютится масса бѣдности.

Кушцы, конечно, наживаются.

— „Кому голодъ, а кому радость“,—вспомнилъ я слова одного мужика.

Бѣдность же нищенствуетъ.

Общественныхъ работъ не было. Открыты недавно двѣ правительственныя столовыя. Но онѣ — капля въ морѣ.

Дошло до того, что стали продавать навѣчно отрубныя участки.

Живетъ здѣсь крестьянинъ Иванъ Федосовъ. Степенный, работающій мужикъ. Вросъ-было онъ корнями въ землю, но голодъ, какъ серпомъ, подсѣкъ его подъ корни.

Сталъ мужикъ распродавать скотину. Распродалъ. Проѣлъ. Что же дальше? Маленькія дѣти. Одинъ грудной.

Поплакали они съ женой, и надѣлъ онъ суму.

Стучится въ одинъ домъ,—отказываютъ. Изъ другого кричатъ:

— Лоботрясъ! Дармоѣдъ! Много васъ здѣсь шляется!

Въ третьемъ приняли. Тамъ знали мужика. Обогрѣли. Посадили ужинать. Сидитъ Иванъ,—тяжело у него на сердцѣ. Неловко, неприлично просить милостыню. Рассказываетъ онъ о своемъ горѣ. Его жалѣютъ.

— Наши дѣды и отцы,—говоритъ онъ,—всегда жили своимъ трудомъ, „по-міру“ не ходили! Стыдъ какой... Заплакалъ.

А потомъ вдругъ какъ вскочить изъ-за стола и пошелъ изъ избы.

— Ты куда?

— Сейчасъ приду.

Ждутъ его,—нѣтъ. Пошли на дворъ. А онъ на уздечкѣ виситъ, хрипитъ. Сняли, привели въ чувство.

— Что ты, Иванъ, надѣлалъ?

— Подъ сердце подступило...

Въ селѣ въ то время былъ рекрутскій наборъ. Дожили о печальномъ случаѣ „начальству“.

— Нельзя ли помочь изъ казенныхъ средствъ?

Но „казенныхъ средствъ“ не оказалось. Собрали чиновники между собой рублей пять и дали Федосову.

Сейчасъ онъ дома, „по-міру“ не ходитъ, послалъ вмѣсто себя ребятъ, тѣ ходятъ. А о немъ самомъ забыли. Да и нечѣмъ ему помочь. Изъ какихъ средствъ? Онъ не боленъ и работоспособенъ.

Такихъ ужасныхъ случаевъ въ этой несчастной мѣстности былъ не одинъ. Рассказывали, что хохоль изъ-за Кинеля такъ и не вернулся съ уздечки,—пошелъ на тотъ свѣтъ. А объ одномъ мужикѣ изъ Касьяновки передаютъ:

— Подъ желѣзную крышу влѣзъ, а кусать нечего.

Урожай предыдущихъ годовъ ушли у него на новый хорошій домъ. Подошелъ голодъ,—ничего, кромѣ дома съ желѣзной крышей у него не оказалось.

Рассказываютъ, тоже изъ петли его вынули.

— „Изъ-за совѣсти“,—мотивировалъ онъ свой поступокъ.

Этотъ послѣдній случай мнѣ не удалось провѣрить.

Матвѣйкинскій земскій врачъ далъ мнѣ такія данныя о заболѣваемости.

Очень много случаевъ дѣтскаго рахита.

Это понятно.

— Былъ я недавно на родахъ,—рассказывалъ онъ.— Роженица и ребенокъ слабые. Нужно было коровье молоко, а въ домѣ никакого скота... Даже хлѣба нѣтъ.

Сильно развился гастритъ. Ъдятъ что попало.

Большое осложненіе вносятъ въ медицинское дѣло столовыя.

— У насъ много сифилитиковъ. Нѣкоторые изъ столовщиковъ справедливо возмущаются: „Не хотимъ,—говорятъ они,—обѣдать съ безносыми“.

А приходится. Дѣлать нечего.

Въ Кузьминѣ эпидемія скарлатины; между тѣмъ, ребята ходятъ въ столовую. Изоляція трудна.

Въ д. Емантаевкѣ давно идетъ „отдача въ рабство“. Тамъ есть нѣсколько богатей. У нихъ по 5—10 амбаровъ, полныхъ стараго хлѣба. Бѣдность ходитъ около этихъ амбаровъ и облизывается.

Нужна мука. Приходятъ къ богатцу.

— Продай пудикъ!

— Отчего же.

— Цѣна?

— Рубль пятьдесятъ.

— Побойся Бога, на базарѣ 1 руб. 20 коп.

— Поѣзжай на базаръ!

А до базара 25 верстъ. У бѣдности и лошадей нѣтъ, привезти не на чемъ.

Но больше берутъ въ долгъ. Богачи нѣкоторымъ даютъ. Но цѣна муки для нихъ поднимается уже до 2-хъ рублей. Мужикъ долженъ будетъ отработать будущимъ лѣтомъ.

Всюду идутъ беззастѣнчивый грабежъ и эксплуатация.

Въ с. Елани объ общественныхъ работахъ рассказываютъ „скверные анекдоты“. Верховодилъ тамъ всѣмъ десятникъ. Отъ него зависѣло принять или нѣтъ.

А онъ—„шутникъ“.

— Добѣги,—говоритъ мужику,—безъ питановъ до церкви! Добѣжишь,—приму.

Бѣжить, несчастный... Что же подѣлаешь?

Село Радовка.

— Не Радовка, а Горевка, — говорилъ мнѣ земскій врачъ.

Священникъ этой „Горевки“, о. Рождественскій, со-

ставлялъ списокъ „особенно нуждающихся“. Ихъ нашлось 140 человекъ. Хочетъ ѣхать къ земскому.

— Не устроить ли столовой?

— Неужели у васъ никакой помощи нѣтъ?

— Для бѣдности совершенно никакой.

Свои общественныя работы длились полтора дня. Можно работать на общественныхъ работахъ въ Абдулинѣ,—это въ 10 верстахъ,—но туда надо явиться съ лошадьми. Часть жителей работаетъ. А бѣдность тамъ дѣлать нечего.

— Хлѣба совсѣмъ нѣтъ?

— Пыли нѣтъ.

Нѣтъ и столовыхъ.

Семья Матвѣя Кринцова. Продалъ онъ надѣлъ за 500 рублей, деньги всѣ прожилъ и ушелъ въ Сибирь. А жену съ дѣтьми оставилъ дома.

Отъ него ни слуха, ни духа.

Семья—пять человекъ дѣтей. Шестой родится. Ъсть совершенно нечего.

Взялъ къ себѣ братъ. Кормилъ. Но потомъ долженъ былъ отказать.

— Какіе у меня достатки, сама, сестра, видишь! Проживемъ все, придется мнѣ по міру итти. Лучше ступай ты собирай!

Обрядила она ребятъ,—ходятъ и просятъ.

Одинъ изъ нихъ учится.

— Намедни задержался я немного въ школѣ,—рассказываетъ мнѣ священникъ,—заглянулъ въ классъ. Смотрю, Егорка Кривцовъ что-то ищетъ по партамъ. „Ты что здѣсь?“—спрашиваю. Испугался, руки дрожатъ, плачетъ. „Чего ищешь?“—„Корки тутъ ребята оставляютъ, я собираю и ѣмъ“...

Въ другой такой же семьѣ къ голоду присоединилось другое несчастье: лошадь украли. Ъсть нечего. Надо было собирать подъ окнами. Но кого изъ семьи послать?

Рѣшили послать старую, больную тещу. У ней давно болѣли ноги, она еле ходила.

И послали.

Вышла старуха, шатается. Пошла куда-то и не пришла. Гдѣ она,—Богъ ее знаетъ.

— Хоть бы умереть, — говорить Сидоръ Кильдюшевъ.

Жена у него больная, дочь попала на мѣсто въ Бугурусланъ. Только-что уѣхала туда. Онъ же съ остальными дѣтьми готовится итти съ сумой.

А былъ раньше крестьянинъ, какъ крестьянинъ, — „справный“.

Даютъ ему на дѣтей кое-что: кусокъ хлѣба, кусокъ сахара. Благодарить и плачетъ, какъ ребенокъ.

Третья семья... Всѣхъ, впрочемъ, не перечесть, — нищеты здѣсь океанъ.

— Тутъ старуха одна ходитъ,—разсказываетъ священникъ,—собираетъ по порядку. Сколько разъ звалъ: „Приходи; пообѣдай!“ Не идетъ. „Совѣстно; — говорить,—боюсь“... И такіе всѣ они.

Голодъ раздѣлъ и обездолилъ сытыхъ людей внезапно. Къ чужому хлѣбу они еще не привыкли. Но время приучить ихъ и къ нищенству...

Въ одной семьѣ встрѣтилъ такую фразу. Съ горечью говорилъ хозяинъ:

— Одна у меня забота,—чтобы поменьше ѣли, не досыта...

У него хлѣбъ съ подсѣвомъ, съ картофелемъ.

— Не каждый день даю. Черезъ день.

День картошка, день хлѣбъ.

А себѣ онъ животъ ремнемъ перетягиваетъ.

— Какъ-быдто меньше хочется ѣсть...

Я спрашивалъ священника:

— Отчего у васъ въ районѣ такъ много нужды и такъ мало помощи?

Онъ объясняетъ, между прочимъ, слѣдующимъ:

— До самаго послѣдняго времени былъ у насъ земскій начальникъ Васильевъ. Онъ давно уже не твердо сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Его уволили за злоупотребленія и онъ былъ подъ судомъ. Но увольненіе длилось долго,—не то онъ земскій, не то пѣтъ. Конечно, при такомъ положеніи заниматься продовольственной помощью ему было не зачѣмъ!..

Основаніе вполне „основательное“...

15.

По Белебеевскому уѣзду.—Свѣдѣнія о дѣтяхъ, требующихъ „подкормки“. Маниловщина земскаго.—Общественныхъ работъ нѣтъ.—„Запиши въ книжку“.

Переѣзжаю изъ деревни въ деревню, изъ села въ село. За мной, какъ комъ снѣга, катится и растетъ крикъ:

— Помогите!

Послѣдній крикъ.

— Больно абдраганъ народъ сталъ,—встрѣтилъ меня въ Никифаровѣ, Белебеевскаго уѣзда, староста-татаринъ обычной фразой.

Горькій смыслъ этой фразы такой:

— Народъ дошелъ до послѣдней степени. Дальше итти некуда.

Пожгло яровые, озимые, лебеду, жолуди, все... На сѣмена даже нехватало.

На краю села избы какъ на-подборъ. Кривыя, слѣпныя, однооконныя. Не избы, а бани. Внутри нищета.

— Продалъ я сначала лошадь, — разсказываетъ одинъ бѣднякъ, — потомъ корову, потомъ овечку, потомъ козяка. Проѣлъ все. Отвезъ на базаръ сани. Зачѣмъ онъ, когда лошади нѣтъ?

Онъ вдовъ, но имѣеть двухъ дѣтишекъ. Мальчикъ здоровъ, но дѣвочка болѣеть.

— Чѣмъ?—спрашиваю.

Наклоняюсь къ ней,—она горитъ,—это замѣтно по щечкамъ. Дышетъ неровно. Должно-быть, тифъ.

— Не знамъ. Встанетъ, спроситъ ашаты, я молчу; она поплачетъ-поплачетъ и заснетъ, потомъ опять проситъ и опять заснетъ... Пою, вотъ, малиной...

Онъ насбиралъ по р. Демъ ягодъ и засушилъ. Теперь пьетъ малину вмѣсто чая, но безъ сахара,—его нѣтъ.

— Что же будешь ашаты?

— Не знамъ. Къ брату пойду, можетъ, покормить.

Вереница однообразныхъ картинъ нищеты. Продали лошадей, коровъ, все. Задолжались. Начинаютъ уже отдавать въ аренду „души“. А впереди еще длинная голодная зима.

— Что будемъ дѣлать? Что будемъ дѣлать?

Бдять картошку и не всегда хлѣбъ.

Мальчики-ученики „русско-башкирской“ казенной школы блѣдны, худы.

Въ мои руки попалъ циркулярный „документъ“.

Белебеевскій инспекторъ народныхъ училищъ проситъ учителей сообщить, „сколько учениковъ требуютъ подкормки“.

Боясь, какъ бы этотъ вопросъ не вызвалъ напрасныхъ ожиданій, инспекторъ слѣштитъ оговориться:

„Свѣдѣнія эти нужны на тотъ случай, не будетъ ли изыскано какихъ-либо средствъ. Пока же ничего нѣтъ“.

На этомъ документѣ красуется „ироническая“ надпись:

„Секретно“.

Въ Никифаровской школѣ „подкормки“ (выраженіе больше ветеринарное, чѣмъ педагогическое) требуютъ чуть ли не всѣ.

Съ сентября голодные люди осаждаютъ власть, требуя помощи. Ходятъ въ „конторъ“ (волостныя правленія), плачутъ тамъ. Пишутъ приговоры. „Толкаютъ“ къ земскому.

Но въ отвѣтъ имъ одно молчаніе.

Проектъ помощи былъ. Проектъ грандіозный, разработанный земскимъ начальникомъ.

Нужны дорога отъ Киргизміакъ до Никифарова и элеваторъ. Дорога, дѣйствительно, нужна, но зачѣмъ элеваторъ? Кто строитъ элеваторы въ 10-ти верстахъ отъ станціи желѣзной дороги, въ мѣстности, гдѣ ссыпка хлѣба небольшая?

Проектъ одобренъ уѣзднымъ съѣздомъ и губернскимъ присутствіемъ. Осталось его осуществить. Но пришла зима, которой земскій начальникъ, видимо, не ожидалъ въ нынѣшнемъ году, и разстроила все дѣло. Какія работы зимой?

Но даже и не здѣсь „зарыта собака“. Мѣстные люди догадываются, не сказали ли кто, что этотъ участокъ „вполнѣ обезпеченъ общественными работами“? Былъ случай, когда одному здѣшнему человѣку, просившему о помощи, заявили:

— У васъ общественныя работы?

Есть и еще проектъ у земскаго начальника:

— Собирается созвать всѣхъ богачей нашего села и просить ихъ, пусть дадутъ деньги на столовыя!...

Проектъ не менѣ „грандіозный“, чѣмъ элеваторъ!

... Налѣво, по нашему пути, у подножія холма, пріютилась деревенька Некатамакъ.

— Больно бѣдна,—сообщаетъ ямщикъ.

Тутъ сидятъ „ясашные“,—на хорошемъ надѣлѣ: 7½ десятинъ. Но со всѣхъ этихъ десятинъ они собрали нынѣшній годъ 3 пуда. Неурожаи всѣхъ уравниль: и малоземельныхъ и владѣльцевъ большихъ надѣловъ. Спрашиваю:

— Какъ будете весной сипаться (сѣяться)?

— До весны попремъ...—отвѣчаютъ.

У 100 дворовъ нѣтъ своего хлѣба. Десятки семей „на границѣ“.

— Каждой семьѣ нужна лошадь въ мѣсяцъ, — опредѣляетъ продовольственную помощь одинъ татаринъ.

Лошадь стоитъ теперь 8—10 руб. На эти деньги семья можетъ кое-какъ просуществовать мѣсяцъ.

— Но лошадей-то у насъ было не 8, а по одной, много по двѣ.

Въ одной избѣ затоплена печка. Тепло. Но ѣсть нечего. „Самъ“ лежитъ,—мочи нѣтъ: Животъ недѣлю болитъ и голова. Жена смотритъ на огонь. Вошелъ съ плачемъ оборванный мальчикъ съ сумкой—это сынъ. Онъ только-что изъ школы. Руки красныя отъ мороза.

— Ашпаты хочу...

— Что ѣлъ нынѣ?—спрашиваю.

— Двѣ картошки дали въ школѣ богатые.

На двухъ картошкахъ онъ просуществовалъ до 5-ти час. вечера.

Около 20-ти домовъ уже продали по полдуши—3½ десятины. Цѣна голодная:

— 50 рублей.

Десятина, значить, рублей 17.

Одинъ лежитъ съ опухшимъ лицомъ, другой не можетъ встать отъ слабости.

Мухтаръ-улла-Фаткулинъ въ свое время сражался подъ начальствомъ Скобелева, а теперь у него нѣтъ избы, онъ выселился на квартиру и не знаетъ, что ему съ дѣтьми дѣлать. Безсмысленно твердитъ одно:

— Помирать будемъ.

Человѣкъ 10 пошли-было на заработки. Но, по незнанію, направились „на Челябину“. А тамъ голодъ злѣе здѣшняго. Походили мужики и вернулись домой:

— Лучше дома умирать.

— Поль-лошади истратили на поѣздку.

Спрашиваю:

— Просили общественныхъ работъ?

— Просили. Къ намъ приходили, 35 человѣкъ самыхъ бѣднѣющихъ записали. А потомъ ни слуху, ни духу...

— Приходятъ, пишутъ,—возмущался одинъ старикъ,—а что толку?

Сажусь въ сани. Ямщикъ трогаетъ. Изъ земли вырастаетъ татаринъ и, ухватившись за спинку, кричить:

— Запиши Исмаила Ильясова!

— Хорошо!

— Запиши! Въ книжку запиши!

Не отстаетъ, кричитъ надъ ухомъ. Вынимаю записную книжку. Возму карандашомъ по страницѣ. Онъ успокаивается.

— Якни, въ книжкѣ крѣпше будетъ.

Слѣзаетъ съ задка.

Маета, а не жизнь.

16.

Голодъ у чувашъ.—Прошенія губернатора.—Срочныя предписанія.—Уѣздный съѣздъ выше губернатора.—„Христіанство“ чувашъ.—Сказка голоднаго года.

Здѣшніе чувашы—народъ хозяйственно крѣпкій. Но и ихъ разорилъ неурожай.

— „Ни зерна не собрали“.

Иные пустили въ „хлѣбъ“ скотину, находя бесполезнымъ жать; другіе сжали, но отдали скотинѣ, не молотя. Гдѣ молотили, собрали 1—2 пуда съ десятины плохого зерна.

Запасы отъ старыхъ годовъ имѣлись въ каждой де-

ревнѣ только у 2—3-хъ мужиковъ. Остальные еще съ августа начали голодать и продавать скотину. Сейчасъ нѣкоторые ѣдятъ одинъ картофель, а хлѣбъ видятъ нечасто.

— Продаемъ домашность: перины, подушки...

Многіе просятъ уже милостыню. Семья изъ 5—6 человекъ купитъ пудъ хлѣба и тянетъ недѣли двѣ: щепотка-двѣ муки идутъ на 2—3 фунта картофеля.

Уже начали продавать надѣлы. Чувашъ Илья Ефимовъ изъ Кожай-Семенова продалъ „полдуши“ за 80 р. Это выходитъ по 20 руб. за десятину. Другой продалъ „товарищескихъ“ двѣ десятины за 80 руб., а купилъ ихъ когда-то за 208 руб.

Чувашскіе богачи даютъ въ долгъ подъ условіемъ уплаты лѣтомъ или отработки. Но въ этомъ случаѣ ихъ пудъ муки стоитъ уже не 1 руб. 20 коп., а 1 руб. 70 коп. и даже 2 руб. Плачутъ бѣдняки, но берутъ.

— Это не проценты, а крѣпостное право,—говорятъ они.

Сами „сильные“ люди деревни называютъ это „коммерческою справедливостію“.

Три чувашскихъ деревни: Кожай-Семеново, Кекень-Васильевка и Кармала составляютъ одинъ приходъ вмѣстѣ съ „хохлацкимъ“ селомъ Туяши.

У чувашъ плохо, у „хохловъ“ еще хуже. Избы у нихъ изъ воздушнаго кирпича, сырыя, холодныя. Они только-что переселились и попали на голодъ. Пришлось продавать землю. Одинъ „хохолъ“ продалъ всѣ свои 10 десятинъ за 300 руб. и уѣхалъ „на старину“. Другіе распродаютъ за 15—30 руб., и тоже куда-то исчезаютъ. Видимо, также возвращаются въ старое, разоренное гнѣздо.

Интересна исторія „ходатайствъ“ прихода.

Когда голодовка выяснилась, бросились, по обычаю, къ старостѣ.

— Я-то что могу сдѣлать?—недоумѣваетъ тотъ.

— Проси,—для чего мы тебя выбирали? Потомъ пошли къ старшинѣ. Просили сначала общественныхъ работъ.

— „Долго водили за носъ и не дали“.

Просили помощи въ видѣ ссуды.

— Нѣтъ,—отвѣчали имъ.

Земскій начальникъ отказывалъ и выгонялъ.

Чуваши приходили толпами и указывали на свою малую недоимочность.

— Дайте, отгададимъ, какъ отдавали раньше!

— Нѣтъ,—отвѣчали имъ.—Отъ высшей власти ничего не приказано.

Тогда чувашши начали писать прошенія. Посылали ихъ въ уѣздный сѣздъ, въ губернское присутствіе, губернатору, но въ отвѣтъ ни звука. Чуваши ходили каждый день въ волость и съ замираніемъ сердца спрашивали:

— Ничего не пришло отъ вышняго начальства?

— Ничего.

— Какъ это такъ? Своихъ дѣтей забыли? — недоумѣвали наивные люди. — Можетъ, письмо не дошло?

Они повторяли прошенія, но съ тѣмъ же результатомъ. Просили священника ходатайствовать за нихъ. На кухнѣ у кармальскаго о. Никитина я засталъ цѣлую толпу чувашъ. Плачутъ, безпомощно восклицаютъ:

— Возьмите нашихъ дѣтей! Устали мы ждать помощи.

О. Никитинъ ѣздилъ къ губернатору. Тотъ спросилъ его:

— Почему вы обращаетесь прямо ко мнѣ, а не къ земскому начальнику?

— Обращались, но ничего не получили.

Губернаторъ на прошеніи священника написалъ:

„Немедленно сдѣлать распоряженіе объ оказаніи продовольственной помощи.

Губернаторъ Башиловъ.

В. срочное“.

Губернское присутствіе 7-го ноября предложило уѣздному съѣзду „экстренно разсмотрѣть это ходатайство и въ видѣ особаго исключенія распорядиться удовлетвореніемъ дѣйствительной нужды за счетъ мѣстныхъ или имперскихъ средствъ“.

Можно было радоваться,—такой блестящей результатъ. Священникъ пріѣхалъ изъ Уфы и рассказалъ своимъ прихожанамъ. Тѣ перекрестились.

— Слава Богу! Вспомнили о своихъ дѣтяхъ.

Я былъ въ Кармалѣ 26-го ноября. Спрашиваю о Никитина:

— Получили помощь?

Печально качаетъ головой:

— Нѣтъ.

Изъ уѣзднаго съѣзда ни слуху, ни духу.

— Слышалъ я,—передаетъ онъ,—что въ съѣздѣ очень недовольны моимъ посѣщеніемъ губернатора: почему, молъ, мимо насъ священникъ прошелъ? Какъ же прошелъ, когда мои прихожане писали и туда? Что дѣлать теперь,—не знаю.

Онъ повторилъ прошеніе губернатору. Но въ успѣхъ его уже не вѣрить.

— Не знаю, какъ объяснить все это прихожанамъ,—передавалъ онъ мнѣ,—говорю, а они не понимаютъ. „Какъ же такъ,—возражаютъ,— губернаторъ приказалъ, а ничего нѣтъ? Кто же въ губерніи выше губернатора?“

— „Это насмѣшка какая-то“,—говорять.

— „Земскій выгоняетъ, въ губерніи смѣются, — сказалъ мнѣ одинъ чувашъ,—что же намъ дѣлать?“

Въ самые послѣдніе дни киргизміакскій врачъ далъ священнику 70 руб.

— Откройте столовую для голодающихъ дѣтей!

Это—помощь отъ частной уфимской организаціи. О. Никитинъ открылъ столовую на 50 человекъ.

— Капля,—говорилъ онъ.

Но и „каплѣ“ радъ.

Я видѣлъ въ избахъ дѣтей. Почти всѣ худосочныя. Съ желтыми лицами.

— Въ школѣ у меня,—передавалъ священникъ,—такое творится, что хоть распускай всѣхъ! Ученики вялые, ничего не понимаютъ, встать еле могутъ...

А школьной столовой открытъ не на что.

Выѣхавъ изъ Кармалы, мы заблудились въ безконечно бѣлой степи. Не было бурана, но мела „поземка“ и замела дороги. Ямщикъ обѣщалъ:

— Если поѣдемъ сыртомъ, то на часъ раньше поспѣемъ.

Поѣхали сыртомъ, но не пріѣхали совсѣмъ.

Ночь. Морозъ градусовъ 15. Вдемъ „безъ пути“, черезъ озими, по овражкамъ, натыкаемся на плетень. Жилье. Залаяли собаки. Мы въ деревнѣ. Оказывается, живутъ чувашы. На „казенной квартирѣ“ (изба для пріѣзжающихъ) спалъ пьяный хозяинъ. Около него — пьяная же жена и дѣти такія же пьяныя...

— Богатый,—говорить съ завистью провожающій меня чувашъ.

Поѣхали въ училище. Учитель тоже чувашъ. Совсѣмъ мальчишкѣ, съ задорнымъ непослушнымъ вихромъ. Жалованья онъ получаетъ рублей 12. Но не жалуется. Есть то же, что ѣдятъ чувашы.

Сидимъ съ нимъ за чаемъ. Въ дверяхъ толпа любопытныхъ. Есть интересныя лица,—совсѣмъ папуасы, только съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и безъ украшеній. Учитель рассказываетъ объ ихъ вѣрованіяхъ, чувашскомъ „христіанствѣ“, которое такъ перепутано съ

язычествомъ, что не знаешь, гдѣ тутъ Христосъ и гдѣ злой духъ Тюржелли.

— У каждаго чуваша есть свой Тюржелли. Существуетъ мѣсто, гдѣ этотъ злой духъ живетъ,—въ амбарѣ или гдѣ-нибудь на огородѣ. Если кто-нибудь заболѣетъ, Тюржелли приносятъ жертву. И знаете?...

Учитель немного сконфузился.

— ... Помогаетъ.

— Неужели?—поддерживаю я его вопросомъ.

Онъ оживился. Рассказываетъ, что у одного чуваша была „дурная болѣзнь“, но послѣ того, какъ напекли лепешекъ (непремѣнно ночью, чтобы люди не видали) и положили ихъ съ молитвой въ то мѣсто, гдѣ живетъ Тюржелли, больной выздоровѣлъ.

Учитель преподавалъ законъ Божій и вѣрилъ въ лѣшихъ, домовыхъ, оборотней. Онъ оживленно описывалъ ихъ, какъ людей. И мнѣ стало казаться, что, живя среди этихъ темныхъ, забытыхъ и, видимо, тупыхъ людей, въ обстановкѣ вѣчной картошки, сырости, холода, бѣдности, слушая вой въ трубѣ бѣснующагося бурана, нельзя не вѣрить въ Тюржелли и не приносить ему жертвъ...

Конечно, этотъ злой духъ послалъ чувашамъ голодъ. Онъ часто приноситъ его.

— За вино,—утверждаютъ чувашки.

Чуваши рассказываютъ, „что случилось въ ихъ мѣстахъ вонѣшнею осенью“.

Жилъ одинъ бѣдный чувашъ. Въ какой деревнѣ, никто не знаетъ. Пришла къ нему весной нужда. Пошелъ онъ къ богатому и говорить: „Дай мнѣ хлѣба, осенью изъ урожая отдамъ“. Богатый далъ. Но осень оказалась голодной, и бѣдному было нечѣмъ возвратить взятое. Ходилъ-ходилъ богатый къ нему, все безъ толку. Тогда онъ свелъ у него лошадь со двора за долгъ. Плохо пришлось бѣдному. Надумалъ онъ продать на базарѣ что-нибудь изъ домашности, чтобы за-

платить богатому и вернуть лошадь. Поѣхалъ на базаръ.

Вдетъ онъ лѣсомъ. Видитъ, идутъ навстрѣчу трое голыхъ людей: двое мужчинъ и одна женщина. Перепугался чувашъ. Они подошли и спросили, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Сказалъ. Голые „наказали“ ему:

— Когда продашь, купи намъ по рубашкѣ!

Продалъ на базарѣ чувашъ свою „домашность“ и пошелъ къ купцамъ: „Дайте,—говоритъ,—самой плохой матеріи“. И рассказалъ имъ, для кого онъ покупаетъ матерію. Купцы выслушали и не взяли съ него денегъ.

Вдетъ чувашъ обратно. Опять къ нему выходятъ голые. „Купилъ?“—спрашиваютъ. Отдалъ онъ имъ матерію. „Хорошо,—одобрили голые,—теперь айда къ намъ въ гости“. Съли въ телѣгу и хлестнули лошадь. Мужикъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ. Подѣхали къ землянкѣ. Вошли, а тамъ рай.

— „Что въ городѣ есть, то тамъ есть“.

Сѣли пировать. Голые говорятъ чувашу:

— Мы не люди, мы—ангелы.

Чувашъ и самъ ужъ видитъ, что они—ангелы.

Во время пира вынесли большой снопъ ржи. Чувашъ замѣтилъ, что снопъ съ пустыми колосьями. Потомъ вынесли второй снопъ, но уже съ зерномъ. Затѣмъ третій—съ хорошимъ, налившимся зерномъ. И, наконецъ, четвертый, необычайный—тоже съ зерномъ, но облитый человѣческой кровью. Ангелы объяснили чувашу:

— Первый снопъ—нынѣшній голодный годъ, второй—будущій урожайный, третій—тоже урожайный и, наконецъ, четвертый—также урожайный, но *последній* годъ. Урожай его будетъ уже не нуженъ людямъ, такъ какъ на землѣ случится страшное...

По одной версіи произойдетъ кровопролитная война. По другой возстанетъ братъ на брата, и люди истре-

бять другъ друга. По третьей—произойдетъ свѣтопре-
ставленіе, „какъ батюшка въ церкви объяснялъ“.

— За вино наказанье,—объясняютъ чуваши.—„Пре-
исполнилась чаша“, кровью своей отвѣтятъ люди за
вино...

Учитель говорить:

Каждый день ходятъ ко мнѣ чуваши и спраши-
ваютъ, что имъ дѣлать. А я самъ не знаю.

Темные люди въ страхѣ. Они вѣрятъ въ сказку
больше, чѣмъ въ Евангеліе. Никто ихъ не разубѣдитъ.
Бабы на деревнѣ плачутъ. Мужики ходятъ задумчивые.
Богатые пьютъ „на-последяхъ“.

Я спросилъ толпу, стоящую въ дверяхъ, о раѣ
и адѣ. Рай въ ихъ представленіи что-то въ родѣ желѣз-
нодорожнаго буфета 3-го класса съ колбасой и огурцами
на прилавкѣ.

— А адъ?—спрашиваю.

— Адъ, когда нечего ѣсть.

Нынѣшній годъ чуваши переживаютъ адъ.

— Божье наказанье! Никогда такого года не было.

17.

Полное отсутствіе помощи. — У кого
просить? — Продажа „душъ“. — Вынужден-
ная разборка общественнаго магазина.

Отъ ст. „Аксеново“, самаро-златоустовской желѣз-
ной дороги, до границы Белебеевскаго и Стерлитамак-
скаго уѣздовъ—пространство, если ѣхать по прямой
линіи, не менѣе 70-ти верстъ. Я ѣхалъ вкривъ и вкосъ.
И нигдѣ не встрѣчалъ ни общественныхъ работъ, ни
столовыхъ.

Судя по послѣднему справочному листку белебеев-
скаго земства, во всемъ огромномъ уѣздѣ работы были
только въ девяти мѣстахъ. Но я на своемъ пути не

встрѣтилъ ихъ. Лишь подъѣзжая къ границѣ, услы-
халъ отъ татаръ:

— Качаганъ-страна была работа...

Въ Качагановѣ и Гайнахъ, дѣйствительно, что-
то копали недѣли двѣ. Насколько обезпечила де-
ревню Качаганово общественная работа, видно изъ
того, что тамъ сейчасъ — страшное гнѣздо голоднаго
тифа. При мнѣ было 16 тифозныхъ домовъ. О развитіи
его мнѣ сообщила встрѣтившаяся „эпидемическая
сестра“:

— Дня четыре тому назадъ было десять домовъ съ
тифомъ, теперь я „прибавила“ шесть...

Голодь вездѣ острый, требовавшій немедленной по-
мощи еще въ сентябрѣ. А этой помощи населеніе не
видитъ и теперь.

Крестьяне писали и постоянно пишутъ сейчасъ раз-
ные приговоры и извѣщенія. Тучей рассылаютъ ихъ
всѣмъ тѣмъ „начальникамъ“, которыхъ они знаютъ.
Толпами и поодиночкѣ осаждаютъ волостныя правле-
нія, старшинъ, земскихъ начальниковъ. Но вездѣ ихъ
встрѣчаютъ „неумолимое“—

— Нѣтъ.

Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ земскіе начальники все-
таки общаются...

— Кормовья, можетъ-быть, будутъ...

Здѣсь не обольщаютъ надеждой, а откровенно го-
ворятъ:

— Продовольственной ссуды не ждите! *)

Въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ голоднымъ
башкирамъ совѣтуютъ:

— Хлѣба нѣтъ? А отчего душу не продаешь?

Продать „душу“—значитъ, лишиться послѣдняго.
Лишиться, дѣйствительно, души...

Писарь въ с. Артюховкѣ мнѣ говорилъ:

*) Черезъ мѣсяць и здѣсь принуждены были дать продовольствен-
ную ссуду.

— Мы, наоборотъ, не совѣтуемъ. Продать „душу“— значить, по нашимъ мѣстамъ, создать вора-разбойника.

— Какъ такъ?

— Что же дѣлать татарину безъ земли, какъ не воровать? На промыслы онъ все равно не пойдетъ.

Но „души“ все-таки продаются. „Воры“ растутъ въ числѣ.

— Лучше умирать завтра, чѣмъ сегодня,—говорять голодные.

Земскіе начальники (въ селахъ Никифаровѣ и Ивановкѣ) на просьбу о помощи сначала отвѣчали:

— Ничего у насъ нѣтъ. Просите въ Уфѣ, въ Петербургѣ...

Потомъ просто „стали гонять“.

Киргизіакинскій земскій врачъ, Х. Н. Васильевъ одно время отсылалъ прошенія о помощи въ уѣздную земскую управу. Въ этихъ безыскусственныхъ прошеніяхъ-мольбахъ пестрятъ выраженія: „помираемъ“, „три дня не ѣвши“, „болѣемъ отъ голода“.

Уѣздная управа просила врача перемѣнить адресъ:

— Мы не можемъ ничѣмъ помочь. Отсылайте къ земскому начальнику. Продовольственное дѣло вѣдаетъ администрація.

Врачъ сталъ отсылать къ земскому. Тотъ однажды пріѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Совершенно напрасно дѣлаете. Я ничѣмъ не могу помочь. Знаю, что есть голодъ и даже болѣзни на почвѣ недоѣданія. Но у меня нѣтъ средствъ. Обратитесь къ частной помощи! Пишите въ газетахъ!

Въ дер. Ивановкѣ (гдѣ живетъ земскій начальникъ), „лопнуло терпѣніе“. Обращались ивановцы къ земскому съ разными просьбами:

— Дай общественную работу! Дай кормовья! Помоги!

Все безъ результата. Наконецъ, попросили у него

отдать тотъ ихъ хлѣбъ, который лежитъ въ общественномъ магазинѣ.

— Мы не будемъ просить больше ничего, даемъ подписку,—говорили они.

Дали подписку, что отказываются отъ „кормовыхъ“.

Но земскій отвѣтилъ:

— Нельзя.

Тогда ивановцы собрали сходъ, написали приговоръ, что общество беретъ свой хлѣбъ изъ общественнаго магазина. Всѣ крестьяне подписались. Потомъ толпой, среди бѣла-дня, они подошли къ магазину, разбили замки, сняли двери, взяли хлѣбъ (252 пуда ржи и 168 пудовъ овса) и раздѣлили. Затѣмъ составили приговоръ, что они взяли хлѣбъ и обѣщаются отдать изъ перваго урожая.

Приговоръ отослали губернатору.

Ихъ спрашивали:

— Какъ вы рѣшились это сдѣлать?

— Съ голоду...

Земскій начальникъ привлекаетъ ихъ по 29-й ст. уст. о нак. По этой статьѣ денежное взысканіе не свыше 50-ти руб.

Въ самые послѣдніе дни стало извѣстно, что земскимъ прислали деньги на организацію помощи. Кажется, рублей по 1,000.

Это, конечно,—капля, но и эти деньги пока не расходуются. Земскіе поставлены втупикъ: кому благодарить, въ какой формѣ, и какова отчетность?

Пришлось справляться въ уѣздномъ съѣздѣ...

Оказывается, при видѣ голодныхъ могутъ еще возникнуть вопросы о формѣ отчетности.

XVIII.

Голодный тифъ.—Тифозная изба.—Большая ложь.—Иллюстрація голода.

Тутъ кругомъ тифъ. Въ одномъ Киргизіакинскомъ медицинскомъ участкѣ шестнадцать деревень съ тифомъ.

— Голодный,—опредѣлили мнѣ земскій врачъ форму болѣзни.

Я самъ могъ это видѣть,—въ избахъ тифозныхъ въ большинствѣ случаевъ одно горе.

Тифъ расплзается, ширится, безудержно растетъ. А помощи буквально никакой.

Край богатый землей, но опустошенный неурожаемъ и брошенный на произволъ судьбы.

Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ тифозная татарская изба. Тифъ поражаетъ въ большинствѣ голодающихъ, поэтому съ внѣшней стороны тифозныя избы больше похожи на хлѣвы или бани. Съ однимъ маленькимъ окномъ. Иногда вмѣсто стекла бычачій пузырь.

Нужно согнуться, чтобы влѣзть въ дверь.

Изба часто не топлена. Слабый свѣтъ освѣщаетъ широкія нары. На нихъ лежатъ рядомъ люди, съ головой закрывшись разнымъ тряпьемъ. Здоровые сидятъ тутъ же.

— Что болитъ у нихъ?—спрашиваю.

— Голова, животъ...

Больные слышатъ чужой голосъ, приподнимутся и выглядываютъ изъ-подъ тряпья. На лицѣ иногда капли пота,—видимо, жаръ,—иногда только блѣдность. Посмотрятъ безучастно и опять закроются тряпьемъ.

— Хлѣбъ есть?

— Нѣтъ.

Иногда это невѣрно. Гдѣ-нибудь здѣсь же, на виду, насыпано фунта три муки. Указываешь,—конфузятся или говорятъ:

— Христарамъ (Христа ради) собрали.

И ложь такая же большая, тяжелая, какъ вся ихъ несчастная жизнь. Конечно, ничего у нихъ, кромѣ этой муки, нѣтъ. И ничего, кромѣ „салмы“ изъ этой муки они не ѣдятъ. На дворѣ же у нихъ или „шаромъ покати“, или осталась какимъ-то чудомъ тощая лошаденка. Стоитъ она безъ корма или жуеетъ старую солому и дожидается своей участи. Ее скоро „съашаютъ“.

Здоровые спятъ вмѣстѣ съ больными. Нары однѣ, и изба одна. Некуда дѣваться.

Въ Кочегановѣ въ одной семьѣ было сначала только трое тифозныхъ. Четверо здоровыхъ ожидали своей участи. Скоро легъ одинъ изъ здоровыхъ, потомъ другой и, наконецъ, два послѣднихъ члена семьи. Я засталъ всю семью въ тифѣ. Рядомъ, вплотную, лежатъ отецъ, мать и пятеро дѣтей. Укрыты плохо,—одежды на всѣхъ не хватило. Отецъ лежитъ почти безъ „одѣяла“.

Въ Курманай-Башѣ даже на „казенной квартирѣ“ лежатъ тифозные. Я спрашиваю старосту:

— Есть у васъ больные?

Онъ отвѣчаетъ:

— Да вонъ, рядомъ съ вами, лежатъ. Голова и животъ...

Здѣсь тифознымъ при мнѣ еще ничего не давали. Больные жевали сухой хлѣбъ, если былъ аппетитъ. Въ другихъ селахъ, посѣщая тифозныя избы, я заставалъ такія картины. Двое-трое лежатъ, а здоровые пьютъ чай съ молокомъ и ѣдятъ бѣлый хлѣбъ. Оглядываю избу,—обычная нищенская обстановка. Удивляюсь:

— Откуда бѣлый хлѣбъ? Лошадку продалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—бабушка давала.

Оказывается, „бабушка“ (фельдшерица или эпидемическая сестра) дала молока, бѣлаго хлѣба и сахара

тифознымъ. Но у тѣхъ по большей части нѣтъ аппетита, или просто дѣтямъ нечего ѣсть, и больной отецъ отда-етъ имъ свою порцію...

Земство на хлѣбъ и молоко ассигновало киргизміакинскому врачу 200 рублей.

— Ну, а чѣмъ вы предупреждаете тифъ?—спросилъ я врача.

— Ничѣмъ. У насъ нѣтъ никакихъ средствъ.

По здѣшнимъ мѣстамъ, слава Богу, что тифозныхъ регистрируютъ. Есть углы (Четырманская волость) и даже цѣлыя медицинскіе участки, въ которыхъ нѣтъ врача, гдѣ больныхъ даже не регистрируютъ. Люди бо-лѣютъ, заражаются, умираютъ,—часто никто этого не видитъ и не знаетъ.

„Краснаго Креста“ до сихъ поръ нѣтъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ.

Киргизміакинскій врачъ получаетъ изъ всѣхъ угловъ приглашенія прибыть къ „больнымъ“.

— Пріѣзжаю,—разсказывалъ мнѣ врачъ,—иногда нахожу больныхъ, иногда нѣтъ.

Татары хватаются за врача, какъ утопающій за со-луминку. Земскій отказываетъ въ помощи. Къ кому же обратиться? Зовутъ врача, какъ бы къ боль-нымъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы показать ему свою крайнюю нищету.

Голодъ, дѣйствительно, дошелъ здѣсь до „последней черты“. Врачъ объ этомъ давалъ знать и во врачебное отдѣленіе, и въ уѣздный комитетъ, и земскому началь-нику. Отвѣта ниоткуда не было.

— Хоть бейся головой о камень,—скаалъ мнѣ одинъ башкиринъ, описывая безвыходность своего положенія.

Онъ изъ бѣднѣйшей деревни Анясево. Было у него 2 лошади, 1 корова, 1 коза при 9 человѣкахъ семьи. Че-тыре голодныхъ мѣсяца боролся онъ съ нуждой. Девять человѣкъ семьи у него осталось, скотъ же онъ съѣлъ безъ остатка.

Анясево и весь этотъ несчастный забытый районъ останется у меня надолго въ памяти.

Въ Анясевѣ 540 дворовъ, изъ нихъ около 150 без-лошадныхъ и безкоровныхъ. Нужда ужасная. Помощи никакой. Продають уже перины, подушки. Но много до-мовъ, которымъ продавать нечего.

— Удивляюсь, какъ они живутъ,—говорилъ та-мошній интеллигентный учитель-башкиръ.

Мы съ нимъ обходили дома.

Въ избушку Каснефуддина Месфандинова еле вошли. Дверь похожа на окно,—такъ она мала.

Самъ хозяинъ, человѣкъ лѣтъ 40, сидитъ на печкѣ. Грудь у него открыта. На ней зияющая рана съ гноемъ и огромная синеватая опухлость. Туберкулезъ грудной кости.

Жена у него слѣпая. Шестеро дѣтей. Скота нѣтъ, хлѣба тоже.

— Ребята Христарамъ просятъ, — сообщилъ онъ.

Подаютъ мало. Учитель когда даѣтъ пятакъ или гривенникъ.

— Но уменя самого,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего. Хлѣбъ дорогой, а жалованье маленькое.

Я далъ больному денегъ. Онъ взялъ дрожащей ру-кой и заплакалъ.

Другая избушка принадлежитъ Зайнегабдинову. Онъ лаптарь. Но лапти на базарѣ стоятъ копѣйка за пару. Ребята побираются. По суткамъ семья не ѣсть, когда ре-бятамъ не подадутъ. Въ избѣ холодъ,—топлива нѣтъ.

— Былъ я работникомъ,—сообщаетъ башкиринъ,—заработалъ 30 руб. и на всѣ эти деньги посѣялся. Зерна не взялъ.

Въ третьей избѣ 85-лѣтній Тухфатулъ Тухфа-туллинъ тоже плететъ лапти. Но старыя руки не слу-шаются, и въ день онъ еле зарабатываетъ копѣйку.

Учитель передаетъ:

— Ученики просятъ меня теперь: „Отпусти поско-

рѣй!“ Заниматься имъ нѣтъ охоты. Вялые. Падаютъ въ обморокъ.

Чтобы сэкономить топливо, нѣсколько семей собрались въ одну избу и живутъ въ невозможной тѣснотѣ.

— Маханъ ѣдятъ протухшій, — передавалъ учитель, — мимо сарая пройти нельзя, тошнить, а они ашлютъ...

Три дома уже объявили:

— Ищемъ продать „души“. Невмоготу стало...

Но за 7½ десятинъ даютъ только 40 рублей.

Въ Курманай-Башѣ меня спрашивали:

— Народъ мы глухой. Не знаемъ, куда гулять за помощью. Научи, ты знаешь. Больно плоха наша стала...

— Вы кого просили?

— Старосту, старшину, писаря, земскаго. Земскій сказалъ: „Проси губернатора!“ А до Уфы билетъ стоитъ 5 руб. Лучше я хлѣба на эти деньги куплю...

У нихъ есть лѣсъ. Можно было бы дрова продавать, но въ деревнѣ никто не покупаетъ, а на базаръ „тащить“ нѣтъ лошади.

Приходили ко мнѣ „закиточные“. У нихъ есть „товарищеская“, т. е. купленная, земля. Продавать ее имъ не хочется. Они надѣются какъ-нибудь продержаться до весны. Хотятъ заложить изъ ней 62 десятины. Не знаютъ, въ какомъ банкѣ и какъ.

Въ волостныхъ правленіяхъ съ удовольствіемъ совѣтуютъ:

— Продавай „душу“.

Но не научатъ, какъ выгоднѣе заложить землю въ банкѣ.

У дворовъ 20-ти заложить уже нечего. Хасанъ-Тухфатуллинъ трое сутокъ не ѣлъ. Вчера кто-то далъ ему 3 фунта махана. Ашалъ. У него въ семьѣ четверо больныхъ тифомъ.

— Что дальше буду дѣлать, — не знаю, — говорилъ онъ.

Фахрдинъ Богуддиновъ боленъ тифомъ. Больны и двое его сыновей. Здорова лишь дѣвица-дочь. „Товарищескую“ землю Фахрдинъ продалъ, послѣднюю лошадь проѣлъ. Ъсть нечего. Больные посылаютъ дочь собирать милостыню. Но ей отъ нихъ отлучиться нельзя.

„Шабры“ знаютъ о бѣдственномъ положеніи семьи и приносятъ изрѣдка кусокъ хлѣба. Этими приношеніями и живутъ. Если никто въ избу не заглянетъ, — пролежатъ день безъ пищи.

У Ахмаджана Гильманова такое же положеніе. Больны тифомъ самъ, сынъ и дочь. Хлѣба и скота нѣтъ. Онъ ищетъ продать „душу“. Но никто не покупаетъ.

Нужно сначала „укрѣпиться“ въ ней, а потомъ продавать.хлопотать объ укрѣпленіи некому, — владѣлецъ земли боленъ тифомъ и не можетъ двинуться съ мѣста.

Еще худшее положеніе въ третьей татарской деревнѣ—Ишлѣ. Тамъ уже дворовъ 20 „укрѣпились“ и продали „души“, при чемъ 7½ десятинъ прекрасной земли шли за 60—90 рублей. Тамонній мельникъ скупаетъ „души“. Въ самые послѣдніе дни здѣсь открыты 3 дѣтскихихъ столовыхъ на средства уфимской частной организаціи.

Такъ же скверно приходится и башкирамъ деревень Кочеганово и Толкай-Гайны. Тифъ безудержно растетъ, а помощи нѣтъ. „Души“ идутъ по 10 руб. за десятину навѣчно. Аренда пала до 2 руб. 50 коп. Въ Толкай-Гайнахъ 185 дворовъ даже не засѣялись озимымъ.

Стонъ и крики стоятъ во всей этой округѣ Белебеевскаго уѣзда. Больно задавать вопросы, тревожить наболѣвшую рану голодающихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мнѣ съ сердцемъ говорили:

— Все пишутъ да пишутъ, пять разъ насъ переписывали, — а помощи все нѣтъ. Для чего пишутъ?

Какъ тяжело выходить изъ избы послѣ опроса!

Спрашиваешь и чувствуешь по взглядамъ, что люди

видять въ тебѣ послѣднюю надежду: „поможетъ!“
И вдругъ: „Прощайте!“...

Я уходилъ и за спиной своей чувствовалъ драму.
Сердце повертывалось отъ жалости...

19.

Тифозный хуторъ. — Раззореніе и изгна-
ніе 60 семей.

На хуторѣ Сурошниковѣ тифъ свилъ себѣ гнѣздо.

Вѣзжаю. Вижу необычайное оживленіе. Будто ба-
заръ. Ведутъ коровъ, гонятъ овецъ. Стоять фургоны съ
нагруженными домашними вещами. Ворота настезь. От-
чаянно мычатъ коровы, плачутъ ребята. Спрашиваю:

— Что такое? Переселяются, что ли?

— Да...

Отвѣчаютъ зло, нехотя.

Вмѣшиваюсь въ толпу стоящихъ около одной избы
мужиковъ. Разспрашиваю. Рисуютъ такую картину.

Шестьдесятъ семей хохловъ Херсонской губерніи
этой весной переселились сюда. Они „купили“ у самар-
скаго купца Сурошникова 2,000 десятинъ по 100 руб.
за десятину. Дали задатокъ 10,000 руб.

Довѣренный Сурошникова, Яковлевъ, обошелъ ихъ
кругомъ. Безграмотные хохлы мало понимаютъ въ до-
кументахъ. Въ запродажной записи были поставлены
слѣдующія условія: хохлы обязывались совершить куп-
чую 26-го сентября 1911 года и заплатить всѣ деньги
сполна. Если они не совершатъ купчей въ этотъ день,
то уплачиваютъ неустойку въ 10,000 рублей, земля отъ
нихъ отбирается, задатокъ пропадаетъ.

Въ записи помѣчено просто „земля“, безъ указа-
нія,—какая. Хохлы, когда осматривали землю, видѣли

пашню и лѣсъ. А когда явились сюда съ семьями, то
лѣсъ былъ уже вырубленъ и проданъ.

— Гдѣ же лѣсъ? — спрашиваютъ. — Мы лѣсъ по-
купали.

— Какой лѣсъ? Землю вы купили...

Хохлы примирились съ этимъ.

Они истратили всѣ свои средства на задатокъ, пере-
ѣздъ, обработку земли и посѣвъ. И надѣялись, глав-
нымъ образомъ, на урожай, а потомъ на то, что они за-
ложатъ землю въ Крестьянскомъ банкѣ и съ его по-
мощью расплатятся съ Сурошниковымъ. Но въ запро-
дажной записи стояло условіе: хохлы имѣли право зало-
жить землю только въ какомъ-то коммерческомъ банкѣ,
въ которомъ владѣлецъ земли состоитъ участникомъ
или вообще близкимъ человѣкомъ. Хохлы принуждены
были согласиться и на это условіе.

— Урожай спасетъ,—надѣялись они.

Но вмѣсто зерна они собрали тощую солому. Поня-
ли, что выхода нѣтъ. Коммерческій банкъ, указанный
Сурошниковымъ, давалъ имъ подъ землю только 45 руб.
за десятину. Нужно было доставать откуда-нибудь еще
50 руб. Но откуда?

Они надѣялись упросить Сурошникова подождать до
слѣдующаго года, разсрочить:

— Человѣкъ, вѣдь, онъ! Видитъ, какой нынѣ годъ!..

Наступило 26-е ноября. Уполномоченные хохловъ
встрѣтились съ Сурошниковымъ или его представите-
лемъ въ Уфѣ, у нотаріуса, и били ему челомъ:

— Сдѣлай Божескую милость! Подожди до слѣдую-
щаго года.

Но Сурошниковъ былъ твердъ. Онъ понялъ, что надо
пользоваться голоднымъ годомъ. Ему было выгодно по-
лучить землю обратно, поэтому онъ наотрѣзъ отказалъ
хохламъ.

— Заплатите неустойку и убирайтесь съ земли!
Уполномоченные пріѣхали на хуторъ и объявили во-

лю хозяина. Хохлы въ паникѣ бросились бѣжать, чтобы не платить неустойки. Откуда ее возмешь?

Я засталъ тотъ моментъ, когда они уѣзжали съ хутора. Кругомъ отчаяніе, слезы, проклятія по адресу Сурошникова и Яковлева.

Шестьдесятъ семей были совершенно разорены. Продали все за безцѣнокъ. Избы бросили.

Часть уѣзжала „на старину“, нѣкоторые временно переселились на квартиры къ татарамъ д. Росланово и въ другія деревни.

Я попробовалъ отыскать въ суматохѣ тифозныхъ. Спрашиваю:

— Гдѣ они?

— Увезли ихъ куда-то...

Видимо, расселили по деревнямъ...

20.

По Стерлитамакскому уѣзду. — Продовольственные ссуды. — Многие остались безъ ссуды. — Земскій „Вово“ и голодные башкиры. — Уфимская маниловщина. — Бессарабская мамалыга для башкиръ. — Разборка общественныхъ магазиновъ.

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ общественныя работы были организованы только въ девяти мѣстахъ. Это приблизительно на 400 селеній!

Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ рѣшили быть добросовѣстными и не вводить людей въ заблужденіе. Тамъ не было ни одной общественной работы.

Уѣздъ представляетъ „счастливое“ исключеніе.

Онъ существуетъ для того, чтобы самымъ фактомъ своего бытія подорвать принципы продовольственной политики. Какъ извѣстно, вверху были установлены такіе „незыблемые“ взгляды:

— Только общественныя работы и никакихъ продовольственныхъ ссудъ, которыя развращаютъ населеніе.

Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ осуществленъ другой принципъ:

— Никакихъ общественныхъ работъ и выдача продовольственной ссуды.

Впрочемъ, къ необходимости выдачи „развращающей населеніе“ продовольственной ссуды должны были притти, въ концѣ-концовъ, во всѣхъ голодающихъ губерніяхъ.

Когда я проѣзжалъ Стерлитамакскимъ уѣздомъ, по деревнямъ кое-гдѣ уже шелъ разговоръ:

— Кормовыя выдаютъ. Староста поѣхалъ въ Стерлитамакъ.

— Всѣмъ?—спрашиваю.

— Многимъ нѣтъ.

— Почему же?

— По старымъ спискамъ выдаютъ.

Тутъ, кажется, разъ пять переписывали населеніе въ отношеніи его хозяйственности. Каждый разъ съ цѣлью чѣмъ-нибудь помочь ему. Списки куда-то отсылались, а помощи ниоткуда не приходило. Только напрасно беспокоили народъ.

Въ августѣ и сентябрѣ перепись была особенно подробная. Думали устроить общественныя работы. Эту перепись и положили теперь въ основу выдачи продовольственной ссуды.

Получилась удивительная несообразность. Съ переписи прошли три голодныхъ мѣсяца, въ продолженіе которыхъ усиленно распродался скотъ. Какой-нибудь Ахметъ въ августѣ имѣлъ четыре лошади, сейчасъ онъ имѣетъ уже одну. Ссуды ему не выдаютъ.

— Ты—богатый. У тебя четыре лошади.

— Скоро и одной не будетъ.

— Хлопочи, попадешь въ дополнительные списки.

Такихъ „богачей“ масса,—чуть не полдеревни. Всѣ они остались за порогомъ. Чтобы получить ссуду по до-

полнительному списку, надо ждать чуть-ли не мѣсяць. Списки проходятъ инстанціи: отъ земскаго идутъ въ уѣздный сѣздъ, а затѣмъ въ губернское присутствіе. Только развѣ январскую ссуду получаютъ эти обойденные люди. Въ декабрѣ же они продадутъ послѣдній скотъ и останутся совершенно нищими.

— За мѣсяць такъ отоцаемъ, что, пожалуй, уже и не встанемъ,—говорятъ „богачи“.

Въ ссудѣ установили, какъ выражаются земскіе начальники, „критерій“. Начинаютъ выдавать съ одной лошади, одной коровы и одной козы. Тутъ также кроется большое „недоразумѣніе“. Годъ настолько тяжелый, что никакой хозяйственной разницы между этимъ „критеріемъ“ и двумя-тремя лошадьми съ коровами и козами нѣтъ.

Если не выдавать ссуды всѣмъ, исключая богачей, имѣющихъ свой хлѣбъ, то тѣ, которые стоятъ выше „критерія“, непременно перейдутъ въ разрядъ нищихъ. Предстоитъ еще, вѣдь, длинная холодная зима...

Вообще ссуда въ такой постановкѣ только не дастъ сейчасъ умереть съ голода, истощенія же, обнищанія и паденія средняго крестьянства не остановить.

Но все-таки она—помощь. Желанная, долго ожидавшаяся. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не было ссуды, я слышалъ унылую пѣсню:

— Нѣтъ никакой помощи... Хоть ложись и помирай!

Что только ни дѣлали? Составляли приговоры и рапорты. Просили, умоляли, падали на колѣни... Ни что не помогало.

Одинъ земскій начальникъ въ отвѣтъ на просьбу башкиръ о помощи сдѣлалъ неприлично-оскорбительный жестъ. Башкиры не выдержали и избивали его.

Такъ „помогать населенію“ кв. Шаховской, извѣстный всему уѣзду и даже губерніи подъ кличкой „Вово“.

Губернаторъ Башкиловъ уволилъ „Вово“, и тотъ куда-то исчезъ, не сдавъ даже дѣлъ своему преемнику.

Другой земскій начальникъ сказалъ крестьянамъ, просившимъ у него помощи:

— Жрите хоть снѣгъ!..

Этотъ не былъ избитъ.

— У меня участокъ не настолько культуренъ,—говорилъ онъ,—чтобы бить земскаго начальника.

Остальные просто выгоняли просящихъ.

Земскіе сидѣли спокойно въ своихъ участкахъ, не хлопотали, не ходатайствовали, а отписывали о неурожаѣ въ казенныхъ выраженіяхъ. Продовольственной ссуды они не желали, такъ какъ „она развращаетъ населеніе“. Въ общественныя работы не вѣрили. Заниматься столовыми не было у нихъ ни времени, ни людей, ни охоты.

Они усвоили себѣ казенное убѣжденіе за № такимъ-то, что „голодныхъ смертей у насъ не можетъ быть“, о голодѣ „много кричать“, „голодные болѣзни бываютъ каждый годъ“...

Въ Уфѣ тоже больше искали:

— Нельзя ли кого-нибудь привлечь къ суду за превышеніе власти или за бездѣйствіе?

А по поводу голода только фантазировали:

— Хорошо бы выпахать снѣгъ на поляхъ!

Или:

— Недурно бы привить населенію въ качествѣ пищи бессарабскую мамалыгу!

Былъ даже разосланъ рецептъ составленія этой мамалыги.

Впрочемъ, пытались помогать. Земскимъ начальникамъ были посланы 10 тысячъ на губернію. О нихъ я вскользь говорилъ ранѣе. Каждый здѣшній земскій получалъ по 600, 1,000 или 1,800 рублей.

— Что съ ними дѣлать?—спросили земскіе.

— Кормите голодающихъ!

Земскимъ показалось это неопредѣленнымъ. Они затѣяли переписку.

— Какихъ голодающихъ? По какой статьѣ?

А нѣкоторые къ тому же недоумѣвали:

— Какова форма отчетности?

Изъ губерніи было разъяснено:

— Устраивать столовныя по 92-й статьѣ.

Земскіе могли бы отвѣтить:

— Это все равно, что кормить мамалыгой.

Но предпочли просто:

— Не кормить. Деньги же держать у себя.

Съ казенной точки зрѣнія они были правы. 92-я ст. говорить о кормленіи сиротъ, калѣкъ, а также не имѣющихъ земли. Такихъ въ каждомъ селѣ не болѣе 3—5 человѣкъ.

— Нельзя же изъ-за трехъ человѣкъ устраивать столовныя?—говорили земскіе.

— Если же кормить на эти деньги вообще голодающихъ, то можно попасть подъ судъ,—указывали они.— Контрольная палата и съѣздъ сдѣлаютъ начеть, и пожалуйте на цугундеръ!

— Не требуйте отъ насъ геройства,—говорили они.

Народъ молилъ о помощи, а деньги лежали...

Я слышалъ, что эти несчастные 10,000 рублей передали земству, не стѣсняя его никакими статьями.

Населеніе, не получая ниоткуда помощи, съ возмуждѣніемъ поглядывало на свои общественныя магазины.

Въ самомъ дѣлѣ, получалась дикая несообразность:

— Народъ голодаетъ, болѣетъ отъ недоѣданія, истощается, лишается скота, а въ общественномъ магазинѣ лежатъ сотни пудовъ его хлѣба!

Не для крысъ же этотъ хлѣбъ приготовили?

Обрацались къ земскимъ начальникамъ:

— Дайте!

Кое-гдѣ дали, по закону, только очень бѣднымъ, иногда даже тѣмъ, которые не участвовали, по бѣдно-

сти, въ засыпкѣ. Тѣмъ же, которые засыпали, отказывали. Въ деревнѣ это кажется несправедливымъ. Тамъ держится иной взглядъ:

— Я засыпалъ,—мнѣ мое и отдай!

Нынѣшній голодный годъ утвердилъ такое понятіе:

— Кто нынѣ богатъ? У всѣхъ хлѣба нѣтъ. Всѣ бѣдныя.

Начали думать, какъ обойти земскаго начальника. Жизнь вырабатываетъ пути... Просто самовольно разбирали магазины.

Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ было много такихъ случаевъ. Земскіе смотрѣли на разборъ сквозь пальцы:

— Три дня ареста.

Обыкновенно староста уѣзжалъ въ этотъ день по казенной надобности и забывалъ на столѣ ключъ отъ магазина.

Народъ бралъ „забытый“ ключъ и отпиралъ магазинъ. Спокойно дѣлили хлѣбъ: кто сколько засыпалъ, тотъ столько и получалъ. Старостину долю оставляли въ углу магазина.

„Комаръ носа не подточитъ“. По мнѣнію крестьянъ, не было наличности ни взлома, ни грабежа.

— Просто пришли и взяли свое безъ насилія!

Иногда процедура разбора разнообразилась. Дверь даже не отпирали, а съ замкомъ снимали съ петель. Въ этомъ случаѣ какъ-то особенно тянули всѣ за веревку и снимали дверь подъ звуки:

— Э-э-эй, ухнем-мъ!

Все-таки не вездѣ разбирали. Во многихъ селахъ „согласу не было“.

— Хотя и три дня, а сидѣть не хочется!..

Такъ наша дѣйствительность приучаетъ деревню къ беззаконію. И на самый законъ устанавливаетъ странную точку зрѣнія:

„Законъ—по улицѣ протянутый канатъ“.

Черезъ него можно перешагнуть, подъ него подлѣзть, его обойти...

Голодный хлѣбъ.—Обмороки дѣтей въ школахъ.—Попытки насилій.—Наказанный мулла.—Хищники.—Уфимская организація.

С. Дѣдово—центръ большого района Стерлитамакскаго уѣзда.

Тутъ оживленіе. Много энергичной, хорошей интеллигенціи.

Изъ этого угла дважды раздавались печальные призывы о помощи. Одно письмо было написано А. О. Вальтеромъ, управляющимъ имѣніемъ А. И. Кузнецовой, другое исходило отъ имени участковаго санитарнаго попечительства.

Меня здѣсь познакомили съ „вещественными доказательствами“ голода—съ образцами „голоднаго хлѣба“.

Тутъ цѣлыхъ два склада его. Два голодныхъ музея. Одинъ—у земскаго врача, другой—у землевладѣлицы А. Д. Лашкевичъ.

Какихъ только „породъ“ въ этихъ музеяхъ нѣтъ!

Черная, сожженная въ золѣ башкирская лепешка. Богъ знаетъ, изъ чего она сдѣлана. На видъ простой уголь.

Большая краюха какого-то не то „кизяка“ (материала для топки печей), не то простой смѣси овсяной шелухи съ землей.

Грѣшный человѣкъ, не вѣрю я въ подлинность этого кизяка-хлѣба. Нигдѣ въ избахъ я не могъ достать его. Возможно, что такимъ хлѣбомъ кормятъ гдѣ-нибудь скотъ... Но... людей! Трудно допустить. Принесъ этотъ образецъ башкиринъ и сказалъ, что такимъ хлѣбомъ питается его семья...

Смѣсей вообще много. Муку мѣшаютъ съ дѣткой гречихой. Такая смѣсь стоитъ въ цѣнѣ чистой муки (1 руб. 20 к. пудъ). Смѣшиваютъ съ овсомъ. Пудъ такой муки тоже стоитъ 1 р. 20 к. Съ жолудями, при чемъ жолуди размолоты со шкуркой и даже съ пашочкой. Наконецъ, очень распространена смѣсь съ отрубями. Отруби преобладаютъ, и мука становится похожей на мякину.

Въ районѣ уже начались цынга и тифъ. Пока въ небольшомъ количествѣ и въ первичныхъ формахъ. Голодь даетъ себя сильно чувствовать. Нужда кричитъ изъ каждой избушки.

— Изголодались мы, — говорилъ мнѣ одинъ чувашинъ, — а помощи все нѣтъ и нѣтъ.

Къ кузьминовскому священнику пришла на кухню толпа голодныхъ прихожанъ просить о помощи. Стоятъ, плачутъ, жалуется на горькую участь. Въ это время кухарка кинула сухую, горѣлую корку собакѣ. Голодные ребята бросились, отняли корку у собаки и съѣли.

— Книжку въ руки возьметъ читать, — рассказывалъ мнѣ кузьминовскій священникъ о своихъ ученикахъ, — руки трясутся. Книжка ходуномъ ходитъ. Потомъ опустится малецъ на парту и въ обморокъ. Нѣсколько случаевъ было. Ставлю ихъ на колѣни, — они стоять не могутъ, падаютъ... Что будешь съ ними дѣлать?

— Вы бы, багюшка, — говорю, — на колѣни-то перестали бы ставить.

— Что дѣлать, — ставлю... Страхъ Божій внушаю. Попикъ-мордвинъ не старій, но малоразвитой, „ветхозавѣтный“.

Такія или въ родѣ этихъ характеристики голода я слышалъ отъ многихъ учителей и учительницъ. Обмороки дѣтей стали теперь обычнымъ явленіемъ въ школахъ. А состояніе школьниковъ—самый вѣрный признакъ состоянія всей деревни.

Нынѣшній годъ въ школахъ небывалый наплывъ.

Некуда помѣщать дѣтей. Въ классахъ духота. Это не осуществленіе идеала всеобщаго обученія, а просто тотъ же голодъ: онъ заставляетъ посылать въ школу дѣтей. Родители знаютъ, что школьниковъ будутъ кормить прежде всѣхъ.

Но школьниковъ стали кормить только въ ноябрѣ. И далеко не во всѣхъ школахъ... Большинство школъ ждетъ кормежки.

Одинъ башкиринъ узналъ, что въ Дѣдовѣ открылась школьная столовая, привелъ своего сына и говоритъ:

— Съ осени такой форма искалъ, чтобы учить и кормить...

Но сына его не приняли. Поздно. Да и некуда.

Въ школьныхъ столовыхъ бываютъ такія сцены. Мальчикъ приводитъ сестренку, 3—4-хъ лѣтъ, и усаживаетъ съ собой за парту.

Подаютъ щи. Онъ ѣсть самъ и кормитъ ее. Ложку себѣ въ ротъ, ложку ей. Если кто скажетъ:

— Ей не полагается.

Мальчикъ увѣряетъ:

— Я лишняго не беру, самъ ѣмъ меньше.

Пока стоитъ тепло. Но начнутся морозы, и ребятамъ, за отсутствіемъ одежды, придется лишиться школьной кормежки. Куда выйдешь изъ дома въ стужу? Какъ мать выпуститъ въ это время босого и раздѣтаго ребенка?

Въ д. Петровкѣ рассказывали:

— Двое мужиковъ у насъ кончились...

— Отъ чего?

— Отъ голода, знать. Сначала простудились. Потомъ дѣло пошло на поправку. Но ѣсть въ домѣ стало нечего. Они и умерли.

Голодъ, видимо, подорвалъ истощенный болѣзнию организмъ.

Обычная голодная смерть русскаго крестьянина.

Священникъ с. Яниадскаго плакался мнѣ:

— Сторожа церковнаго лицился. Сегодня посылаю за нимъ, чтобы отвезти меня въ школу, а онъ отъ слабости встать съ постели не можетъ,—1½ сутокъ не ѣлъ. Псаломщикъ тоже бѣжить изъ села,—ѣсть нечего... Просто ужасъ какой-то, а не жизнь.

Онъ передавалъ, что въ его селѣ ухитряются какъ-то размальывать солону и смѣшивать ее съ мукой. Въ такомъ видѣ ѣдятъ.

Отсутствіе помощи родило вполне понятное озлобленіе.

По деревнѣ, какъ мгла, слѣвшая урожаемъ этого года, ползутъ слухи, что ночью на дорогахъ кое-гдѣ останавливаются и обираютъ...

Умеръ въ одномъ селѣ ребенокъ. Родители не пожелали хоронить и обратились къ „начальству“.

— Съ голода умеръ. Ты не помоги,—теперь ты и хорони.

Толпа голодныхъ пришла къ молоканамъ просить хлѣба займа. Тѣ не даютъ.

— Не дадите? Сами возьмемъ.

И двинулись къ амбарамъ.

Пришлось дать „займы“. Толпа взяла, но соблюла законный декорумъ: сама пожелала подписать обязательство, что вернетъ долгъ изъ перваго урожая.

Богатый мулла, имѣвшій 5 тысячъ пудовъ стараго хлѣба, хотѣлъ продать этотъ хлѣбъ. Башкиры этой деревни окружили плотнымъ кольцомъ его амбаръ и сказали:

— Не дадимъ продавать!

— Какъ такъ? Мой хлѣбъ.

— Знаемъ, что твой. Но не позволимъ. Кормовой не дадутъ; зима придетъ, что будетъ апать?

— Мнѣ-то что до этого?

— Твой хлѣбъ апать будемъ. А потомъ отдадимъ.

Такъ и не дали продать. День и ночь сторожили амбаръ мурлы. Никого къ нему не подпускали.

Муллы рассчитывали нажить деньги,—парочно долго не продавали хлеба, цену выжидали. Но прихожане разстроили его план. Жаловаться на них полиция не желала, наживешь врагов и сократишь доходы.

Хищников, в роду этого муллы, в деревни много. Налетели, как коршуны. Всякий, у кого есть деньги и мало совести, старается утилизировать петлю, накинутую голодом на шею крестьянину.

Очень усердствуют в этом отношении волостные писаря. Чтобы иметь право скупить бакирские земли, некоторые из них приписываются к бакирскому обществу и скупают „души“ десятками.

Из соседней, Оренбургской, губернии приезжают кулаки и также скупают надёлы в дозволенном законом количестве: на себя шесть, на имя жены—шесть, дётей—по шести и на имя других подставных лиц—в таком же числе...

Крестьяне только кричат да ахают, но продолжают „укрепляться в душевом надёле и тут же раскрепляться“... в пользу этих хищников.

Пала до последней степени цена аренды. В д. Карлачиге десятина на 6 лет идет по... рублю. Одного пуда муки нельзя купить за десятину прекрасной земли. Только крайний смертный голод может заставить отдать землю за такую ничтожную цену.

В д. Кузьминовке один очень безсовестный кулак скупает землю по 25 р. за десятину, но платит не деньгами а ржаной мукой и ставит ее по цене 2 рубля пуд.

И продают—что делать?

Я беседовал с одним таким скупщиком. Он смотрит на мир ясными глазами:

— Я благодарен оказываю,—говорит он,—поймите! Какая там эксплуатация? Им нужен хлеб, чтобы жить. Я даю. Кто бы у них купил землю—вот в нашей округе багачей.

Спорить с ним нельзя. Все равно не убедишь. Разные точки зрения.

В Дёдове я впервые познакомился с частной помощью. Она, как известно, запрещена, но здесь сквозь толщу негласного запрещения просочилась струйка живой воды...

У местного врача М. Г. Кушнера я познакомился с г. П. П. Толстым, членом Государственной Думы. Он обязался пострадавшие уезды Уфимской губернии, как представитель особого комитета при губернском земстве.

В этом комитете объединились земство, общеземская организация, вольно-экономическое общество и частные жертвователи.

Уфа—счастливый оазис.

Конечно, это не то, что организации 1898 года, когда на голод хватал, кто хотел, из разных углов России. Комитет опирается только на местный интеллигентный элемент. Но все-таки и это—частная помощь, и притом такая, что каждая копейка жертвователя идет непременно голодающему.

Еще в Киргизияках я видел восемь детских столовых, открытых на средства уфимского комитета. Помощь пришла в нужное время. 400 детей были избавлены от истощения и, может-быть, от смерти.

В Дёдове комитет опирается на участковое санитарное попечительство. Это учреждение тоже общественное, неадминистративное.

Я склонен думать, что, как ни тяжело живется в провинции, все-таки там можно, если захотеть, кое-что сделать хорошее. Конечно, усмотрение, гнет, жестокость,— все это так. Но для высших распоряжений всегда находятся самые незаконнейшие обходы, а для смягчения местного гнета устанавливаются хорошие людские отношения, которые обязывают... Везде, вьдь, люди.

Губернскія земства учредили когда-то санитарно-благотворительныя попечительства. Чуть ли не во всѣхъ земскихъ губерніяхъ они есть, но, конечно, ничего не дѣлаютъ.

Въ Дѣдовѣ же такое попечительство вѣдаетъ дѣлю помощи голодающимъ. Собираетъ частныя пожертвованія. Открываетъ столовыя.

Составъ его пестрый: священники, начальникъ почтового отдѣленія, земскій врачъ, учительницы, управляющій имѣніемъ, землевладѣлицы и даже два земскихъ начальника.

Душа попечительства—энергичный земскій врачъ М. Г. Кушнирь.

Взгляды и политическія убѣжденія у всѣхъ ихъ разныя. Но дѣлю одно. Оно и объединяетъ всѣхъ.

22.

Постепенное истощаніе и смерть отъ голода.—Что такое голодный тифъ?

— Умерли три женщины...

— Неужели отъ голода?

— Позвали меня для исповѣди,—разсказывалъ кармальскій священникъ о. Никитинъ, — вижу—лежать, не могутъ двинуть рукой. „Что съ вами?“—говорю. „Вѣсть нечего, батюшка“. Причастилъ я ихъ, исповѣдалъ, а потомъ... и схоронилъ.

Онъ говорилъ это мистическимъ шопотомъ, съ ужасомъ въ лицѣ.

— Звали доктора?

— Нѣтъ, не обрацались.

— Отъ какой же, по-вашему, болѣзни они умерли?

— Не знаю... жаловались они только на одну слабость, а она явилась, знать, отъ голода.

— И никто не помогъ имъ кускомъ хлѣба?

— Нанесли имъ пироговъ, когда было поздно... не вѣли ужъ онѣ, умирали.

Я спросилъ о семьяхъ ихъ.

— Много такихъ у насъ семей, — сказалъ священникъ. — День вѣдятъ, день нѣтъ. Какъ живутъ,—Богъ ихъ знаетъ.

Такъ какъ это не жизнь, а одна нудная, ноющая застарѣлая язва, то грань, отдѣляющая смерть отъ такой жизни, совѣмъ бываетъ стерта. Ея нѣтъ. При жизни уже начинается смерть, и всѣ человѣческія понятія и самая человѣчность принимаютъ очертаніе какой-то уродливой простоты.

Умираютъ, какъ живутъ. Не слышно, не видно.

Я видѣлъ людей, которыхъ голодъ приводилъ къ веревкѣ. Но это—исключительныя натуры, и самые случаи такіе—исключительные.

Русская крестьянская смерть—тихая. Нашъ мужикъ даже и умирая отъ голода, словно стремится не тревожить любезное начальство, такъ какъ знаетъ, что у этого начальства и безъ того много заботъ о немъ...

— Двѣ старухи у меня въ приходѣ умерли,—разсказывалъ мнѣ другой испуганный батюшка.

— Отъ голода?

— Да,—опасливо сказалъ онъ.

Имъ было за шестьдесятъ. Въ трудовой крестьянской семьѣ они были обузой, такъ какъ даже прясть не могли,—руки тряслись и глаза были плохи. Словомъ, работы отъ нихъ не видѣли, а пищу имъ подавай. Когда былъ урожай, на нихъ въ семьѣ смотрѣли молча, равнодушно. Но подошелъ голодъ, и бѣдныя старухи стали лишними, ибо, не производя, потребляли цѣнности. Имъ открыто заявили:

— Умирайте!

Старухи сами искренно желали своей смерти, ибо были убеждены, что жить онъ права не имѣютъ.

— Не работницы мы... Поэтому и жить намъ не стоитъ. Зря только хлѣбъ ѣдимъ.

Но смерть сначала отнеслась къ нимъ юмористически: какъ онъ ни звали, не приходила.

Когда голодъ усилился, само собой создалось положеніе, что старухъ стали „обносить“. Нынче дадутъ кусокъ, завтра „забудутъ“. Ребята ѣдятъ, сами хозяйва (сынъ и дочь старухъ) тоже жуютъ, а старухамъ нѣтъ. Онъ ужъ знаютъ причину и не просятъ. Дѣлалось это не потому, что сознательно хотѣли уморить голодомъ,—нѣтъ, просто хлѣба осталось мало. Есть въ сусѣкъ пудъ, но это послѣдній пудъ. Съѣдятъ его,— надо будетъ вести на базаръ лошадь, продавать ее за 6 рублей. А съ лошадью ужъ закрывался для семьи горизонтъ. Помощи не было ниоткуда.

Разсужденія были страшно—логичны: старухамъ, все равно, помирать, а изъ ребятъ работники выйдутъ...

Когда корабль тонетъ, сбрасываютъ грузъ въ море. И если нужно сбросить человѣка, то тѣ, кто остаются жить, не задумаются это сдѣлать...

Старухи, не доѣдая, стали слабѣть. А потомъ легли на постель и объявили, что онъ умираютъ. Въ семьѣ стали креститься:

— Слава Богу! Лишній ротъ съ плечъ долой!

Крестились и старухи:

— Слава Богу.

Онъ пожелали причаститься и передъ исповѣдью сказали священнику:

— Голодно, батюшка...

— Давно ѣли?

— Вчера сынъ кусокъ далъ, пожалѣлъ. Ему, кормильцу, немоготу: хлѣба-то нѣтъ, а семья вонъ какая!

Священникъ принесъ умирающимъ хлѣба. Потомъ зашелъ навѣстить. Старухи ему сказали:

— Хлѣбъ-то твой ребятенки-внуки растаскали. Голодные, вѣдь... Мы не успѣли куска въ ротъ взять...

Онъ снова принесъ имъ хлѣба. Но дѣти опять растаскали. Наконецъ, онъ далъ женщинамъ кусокъ и остался сидѣть около нихъ. Ребята подскочили и стали вырывать у нихъ хлѣбъ. Произошла овалка. Слабѣя старухи защищались, не давали, прятали кусокъ подъ одѣяло, слѣпили ѣсть. А голодные ребята рвали...

Въ концѣ-концовъ старухи умерли:

— Отъ „слабости“...

Такова общая типическая смерть, Я всюду слышалъ рассказы о ней. Они варьировались. Тамъ умерли такъ старухи, тутъ—старики, а въ иномъ мѣстѣ — дѣти.

Вода подступала, и за бортъ корабля выбрасывалось все лишнее, слабое, потомъ среди сильныхъ слабѣйшее, а затѣмъ исчезали въ пучинѣ и сильные...

Объ одномъ мужикѣ я слышалъ такой рассказъ:

— Ёсть было нечего... Истоцалъ. Легъ... Умеръ. Сосѣди узнали, что онъ умираетъ съ голода, только тогда, когда исправить было нельзя. Принесли хлѣба, а ему уже было ничего не нужно...

Батюшка рассказывалъ о двухъ умершихъ старухахъ въ присутствіи одного земскаго начальника. Когда онъ кончилъ, невольно явился вопросъ:

— Отъ чего старухи умерли?

Священникъ сказалъ:

— Отъ голода.

— Чепуха,—возразилъ земскій начальникъ. — У насъ нѣтъ смертей отъ голода.

Онъ былъ правъ и не правъ въ одно и то же время. Конечно, у насъ нѣтъ такихъ смертей отъ голода, какъ въ Индіи: тамъ во время голода тощіе, исхудалые люди сидятъ на улицахъ и ждутъ смерти. Недѣлями они не видятъ никакой пищи.

Было бы просто стыдно переживать такую картину.

Такого страшнаго голода у насъ нѣтъ. Но голодныя смерти все-таки есть. Онѣ только принимаютъ иную, малозамѣтную, не бьющую въ глаза форму.

Въ Россіи и голодаютъ просто, и умираютъ отъ голода такъ же просто. „Не эффектно“.

У насъ понемногу истощаются, надрываются. Истощеніе это иногда незамѣтно ни для постороннихъ, ни для семейныхъ, ни даже для самого истощающагося человѣка. Наступаетъ вотъ такой голодный годъ, какъ нынѣ. Разнообразіе пищи прекращается. Нѣтъ ни овощей, ни молока, ни мяса, ни даже чая. Остается одинъ хлѣбъ.

Сколько сотенъ тысячъ крестьянъ питаются въ голодный годъ однимъ хлѣбомъ?

Но и хлѣба мало,—приходится разсчитывать, ѣсть и оглядываться, со страхомъ смотрѣть въ будущее. Организмъ отъ всего этого надламывается. Человѣкъ ходитъ, говоритъ, но онъ уже не тотъ. Болѣе сильныя выдерживаютъ, слабыя валятся на постель. Въ истощенный организмъ влетаетъ какой-нибудь микробъ, — въ деревнѣ ихъ тучи,—и человѣкъ умираетъ.

— Отъ чего умеръ?—спрашиваютъ.

— Отъ брюшнаго тифа.

Или:

— Отъ горячки... Отъ лихорадки...

А иногда янѣ:

— Ослабѣлъ... и умеръ.

Называютъ болѣзнь, но не говорятъ о голодѣ. А, между тѣмъ, очевидно, что первоисточникъ смерти—недоѣданіе, другими словами—голодь.

Но иногда и у насъ бьютъ въ глаза сильныя примѣры такой смерти, о которой въ деревнѣ говорятъ прямо:

— Отъ голода.

Я уже отмѣтилъ рассказы двухъ священниковъ. Въ этихъ разказахъ говорится о голодѣ, какъ причи-

нѣ слабости и послѣдовавшей отъ нея смерти. Тутъ нѣтъ индійскаго „эффекта“, но голодная смерть остается та же. И ничѣмъ, никакими доводами ее не устранить...

— Но тогда, — возразилъ мнѣ земскій начальникъ, — такія голодныя смерти могутъ быть и въ обычный годъ?

— Къ сожалѣнію, могутъ; при той нищетѣ, которую переживаетъ богатая Россія, могутъ. Но въ голодные годы такіе случаи становятся очень часты, очень замѣтны и очень остры. Въ томъ только разница...

Кстати о голодномъ тифѣ.

По этому старому вопросу царить разнообразіе взглядовъ. Я сообщилъ одному администратору, что въ киргизіакскомъ медицинскомъ участкѣ 16 деревень поражены тифомъ.

— Голоднымъ?—спрашиваетъ онъ.

— Да,—отвѣчаю.

Онъ улыбается.

— Не можетъ быть. Видимо, брюшнымъ?

— Есть сыпной, но болѣе брюшнаго.

— Значитъ, не голодный—голодный только сыпной...

Этотъ взглядъ, утвердившійся среди администраціи. Но правильно ли такое категорическое понятіе? Что говорить, оно только удобно для „начальства“, которое можетъ отписать и оправдаться:

„Во ввѣренномъ мнѣ участкѣ (губерніи) нѣтъ голоднаго тифа“.

Чтобы не создавать впечатлѣнія, оно, конечно, не прибавитъ тутъ же:

„... Есть нѣсколько тысячъ заболѣвшихъ брюшнымъ тифомъ“.

Сыпной тифъ бываетъ и не отъ голода. Брюшной можетъ быть отъ голода.

Надломленный недоѣданіемъ организмъ не только не противится тифозной бактеріи, но представляетъ

очень удобную почву для заболѣванія брюшнымъ тифомъ...

Одинъ земскій врачъ, въ участкѣ котораго много тифозныхъ, мнѣ передавалъ:

— Нужно имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза. Конечно, есть брюшной тифъ и въ урожайное время, какъ есть и цынга. Брюшной тифъ получается, главнымъ образомъ, отъ скверной воды. Но въ голодный годъ онъ развивается необычайно. И причиной его является, главнымъ образомъ, голодъ.

Это вѣрно, „если смотрѣть правдѣ въ глаза“. Но у насъ вмѣсто этого принято прятаться за тонкія заголовки разныхъ рубрикъ и категорій.

Эти рубрики ловко приноровлены къ тому, чтобы „не беспокоить начальство“ и „не производить шума“.

Поэтому у насъ нѣтъ

— Голодныхъ смертей.

Изъ тифовъ голодный только

— Сыпной.

А въ результатѣ нѣтъ и

— Голода.

23.

Хуторяне — хохлы. — „Столыпинскіе помещики“.

Разспрашиваю о житьѣ-бытьѣ хуторянина-хохла, поселившагося на землѣ Крестьянскаго банка. Онъ жалуется:

— Разорень въ конецъ. Не знаю, какъ буду весной сѣяться.

— Зато помещикъ! — раздалось сзади меня.

Оглядываюсь. Это шаберъ хохла, такой же несчастный, разоренный человѣкъ. Находитъ еще возможность пронизировать надъ самимъ собой.

— Помѣщикъ, говоришь?

— Столыпинскій...

Здѣсь знаютъ покойнаго министра. Опредѣляютъ его такой фразой:

— „Собственность выдумалъ“.

Поминаютъ его имя нерѣдко, хотя не всегда добродушно...

„Столыпинскимъ помещикамъ“ пережить этотъ годъ, кажется, труднѣе, чѣмъ общинникамъ. У тѣхъ и другихъ ничего не родилось. Нѣтъ у нихъ и запасовъ. Этимъ все преимущества хуторскаго хозяйства сведены на нѣтъ.

Но —

— „На людяхъ и смерть красна“.

— „Въ міру и горе легче“.

Община больше приспособлена къ продовольственной помощи, чѣмъ хуторъ.

Помню стараго хохла. Онъ сидѣлъ въ шубѣ въ своей промерзшей, сырой землянкѣ и горько плакался:

— Зачѣмъ поманули насъ? На старинѣ хоть мало было земли, зато мы сыты были. А тутъ что! Сидишь въ своей конурѣ, одинъ въ полѣ, и думаешь: забудутъ, какъ пить дадутъ, забудутъ! Снѣгомъ занесло, почитай, подъ самую крышу, — кто меня найдеть? Да и кому до меня дѣло? Деревню или село не пройдутъ съ помощью мимо, — деревни все на счету, на картахъ значатся. А наши хуторишки: одинъ тутъ, другой тамъ, разбросаны по степи... Какъ засиженные мухами пятна. Никто ихъ не знаетъ...

— Ну, какъ же такъ, — пробую успокоить, — и вамъ учетъ ведется. Налоги съ васъ спрашиваютъ, не пропускаютъ же?

— То налоги. А съ помощью пройдутъ и не замѣтятъ. Сколько страховъ у насъ тутъ. Что подѣлаешь, — дѣти... Торчимъ постоянно въ волости, все о себѣ напоминаемъ: не забудьте, молъ! А они спрашиваютъ: „Да

ты кто такой будешь?" Объясняешь имъ, что Сидоръ, молъ, Поликарповъ съ Елизаветинскихъ хуторовъ. „Много васъ тамъ, развѣ упомнишь?“— „Дорога прямая,—говоришь имъ. — Какъ повернешь налѣво отъ кармальскаго пути, пройдешь (не проѣдешь потому конной дороги у насъ нѣтъ,—бураномъ заноситъ) сыртомъ съ верету, тутъ, около овражка, и стоитъ мой хуторъ“. Разъясняю имъ, а самъ думаю: забудутъ, обойдутъ, хуторъ — не деревня...

На хуторахъ нельзя устроить столовой. Какъ будутъ ходить голодающіе въ буранное или морозное время за 4—5 верстъ?

Трудно тамъ организовать и общественныя работы. Если вдали отъ хутора, то работы не будутъ достигать цѣли. А вблизи, пожалуй, не найдешь такой работы, которая была бы цѣлесообразна для группы хуторовъ. Работать же для одного хуторянина было бы смѣшно.

Только еду можно раздавать хуторянамъ. Но она, какъ извѣстно, „развращаетъ населеніе“...

— Кормовыя привезутъ,—слышу я голосъ старика,—въ деревнѣ всѣ узнаютъ. А намъ кто сюда въ сугробъ доложить?

Составители закона 9-го ноября не думали о голодѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, приспособлять къ нему форму крестьянскаго землеустройства! Голодъ, принято думать, — ненормальность, исключительное явленіе. А, между тѣмъ, онъ сталъ уже обычнымъ дѣломъ.

Около огромнаго имѣнія миллионерши А. И. Кузнецовой разбросано много хуторовъ.

Ближайшіе, Васильевскіе, населены бѣлоруссами. Такой нужды, какъ у нихъ, пожалуй, не встрѣтишь въ башкирской деревнѣ. Васильевцы—новоселы, только что лѣтомъ пришли сюда. Дождливой осенью поста-

вили свои землянки, поэтому въ домахъ ихъ сырость, слякоть, какъ на улицѣ.

Сидятъ въ шубахъ, кашляютъ. Съ потолка, сдѣланнаго изъ хвороста съ землей, льетъ вода. Полъ земляной, сырой.

— Скотинешку, кака была, проѣли, — рассказываютъ. — Не знаемъ, какъ доживемъ до весны. Да и доживемъ ли?

— Чѣмъ же сейчасъ питаетесь?

— Кормимся, по милости Александра Осипыча. Если бы не онъ...

Это г. Вальтеръ, управляющій имѣніемъ А. И. Кузнецовой. Онъ даетъ голодающимъ по 5 — 10 и болѣе фунтовъ муки. Его маленькія дѣти, Наташа и Володя, устроили столовую для 12-ти дѣтей хуторяня. Сама А. И. Кузнецова отличается широкой благотворительностью. Въ голодные годы она приходитъ на помощь окружающимъ деревнямъ въ очень большихъ размѣрахъ.

Отъ Васильевскихъ недалеко до Кондебаевскихъ хуторовъ. Это уже другой типъ хутора. Васильевцы живутъ вмѣстѣ особой слободой. Кондебаевцы разсѣяны на большомъ пространствѣ. Каждый хуторянинъ построился въ центрѣ своей земли.

У нихъ также землянки изъ воздушнаго кирпича, съ глиняными полами. Есть сырыя.

— Сколько у васъ десятинъ?—спрашиваю.

— По тридцати. Да что нынѣ десятины? Что тысяча, что одна,—все равно!

Это вѣрно. Неурожай у всѣхъ былъ одинаковъ. И съ тысячи десятинъ, и съ одной ничего не собрали.

— Какъ же живете?

— Кое-какъ. Больше на картошкѣ сидимъ. Продовольствія ждемъ. У Крестьянскаго банка еду просимъ.

— Не закладывали еще землю?

— Какъ заложить? Крестьянскому банку не все вышлатили, на 55 лѣтъ разсрочили... А если заложить — пиши пропало: никогда не поднимешься, процентовъ не заплатишь...

— Лучше ли жить хуторами?—спрашиваю.

— По нашимъ мѣстамъ мы вотъ чего желали бы. Соединить все наши земли вмѣстѣ и построиться деревней... Эхъ, хорошо было бы! Земля у насъ жирная, богатая... Мѣромъ мы бы гору своротили...

— А землю черезполосно?

— Конечно...

Вотъ идеаль „стольпинскаго помѣщика“.

Въ Оренбургскомъ уѣздѣ мнѣ по пути попались семь Холодковскихъ хуторовъ. Здѣсь хохлы также „сидятъ больше на картошкѣ“ и жалуются:

— Продовольственной ссуды намъ не выдаютъ.

— Почему?

— Уѣздный сѣздъ отказалъ. Говоритъ: „Вы въ спискахъ не значитесь“. Мы, оказывается, еще къ волости не приписаны...

— Какъ такъ?

— Поселились мы нынѣ лѣтомъ, купчую совершили въ июнѣ. Думали, что сама волость насъ къ себѣ припишетъ. Анъ нѣтъ, — мы сами должны хлопотать.

Я вспомнилъ стараго хохла:

— Забудутъ насъ, обойдутъ, не найдутъ въ сугробахъ.

Вѣрно.

Холодковскіе живутъ слободами. У нихъ до 60-ти дворовъ. И то „забыли“.

— Теперь съ нами никто изъ начальства и разговаривать не хочетъ. Какъ-будто мы не здѣшніе и не крестьяне. Говорятъ: припишитесь,—тогда другой разговоръ...

— А общественныя работы у васъ были?

— Тоже не были. И по той же причинѣ,—безъ волости мы...

— Помереть можно безъ волости,—добавляетъ другой хохоль.

— Что будемъ теперь дѣлать,—не знаемъ. Лошадей уже продали... Да нынѣ на лошадь пяти пудовъ хлѣба не купишь.

Цѣна лошади здѣсь 5—7 рублей, а пшеничной муки (ржаной здѣсь не сѣютъ)—2 рубля за пудъ.

Въ д. Новониколаевкѣ мнѣ встрѣтился любопытный типъ хуторянина.

— Все мытарства прошелъ,—говорилъ онъ.

Я засталъ уже послѣдній фазисъ его мытарствъ.

— Сейчасъ свою лошадь зарѣзалъ и ободралъ. Шкуру продамъ.

— Зарѣзалъ?—удивился я.

— Да... Все равно околѣла бы. Катувомъ (трава) кормилъ, не выдержала.

— Хоть бы бышкірамъ продалъ?

— Не берутъ. Больно тоща, говорятъ. Давали 3 рубля, не отдалъ. Шкура стоитъ 4 рубля.

Хороша лошадь, если баширы на мясо не покупаютъ.

— Она меня кормила. Побираться на ней ѣздить. Теперь не знаю, что дѣлать. Семь человекъ дѣтей...

Мужикъ молодой, съ виду здоровый.

— Какой у тебя надѣлъ?

— Земли у меня нѣтъ совсѣмъ. И избы нѣтъ. На квартирѣ съ семьей живу. Плачу 25 копѣекъ въ мѣсяць.

Совсѣмъ недавно онъ былъ „помѣщикомъ“. Исторія его такова:

— Орловскіе мы, изъ Малоархангельскаго уѣзда. Была у насъ „душа“,—2½ десятины. Показалось тѣсно, свободы захотѣлось. А тутъ слухъ прошелъ, что если не выйдемъ на отруба, землю отъ насъ возьмутъ,

а самихъ на Амуръ угонять. Изъ волости слухъ пуццали. Отрубился я, а потомъ продалъ землю по 250 рублей за десятину и ушелъ вотъ сюда, въ Оренбургскій уѣздъ, въ д. Кармадиновку, купилъ здѣсь 30 десятинъ у Чиняева. Какъ-разъ были все голодные годы. Вижу я—дѣло плохо, кормиться нечѣмъ, хоть и земли много. Провалъ 30 десятинъ за 400 рублей и ушелъ съ семьей въ Верхне-Уральскъ. На покупку земли у меня уже не хватило. Занялся арендой. Снялъ 15 десятинъ у войскового правленія и засѣялъ. Но три года подрядъ ничего не родилось. Одинъ лишь годъ взялъ 10 пудовъ съ десятины. Что дѣлать? Отоцалъ уже я, обнищаль. Нѣтъ силъ больше держать землю. Бросилъ я все и вернулся сюда, въ Новониколаевку. По дороги сына тринадцатилѣтняго отдалъ въ работники. Все-таки хоть одинъ ротъ съ плечъ долой. Гдѣ онъ теперь, — не знаю. Оставилъ его у Красной Мечети.

— А тутъ что дѣлаешь?

— Ничего. Работы нѣтъ никакой. Пришелъ и побираться сталъ. Да вотъ лошадь послѣднюю пришлось зарѣзать. Теперь хоть умирать...

Вспомнилась мнѣ дѣтская сказочка. Мужикъ промѣнялъ лошадь на корову, корову—на козу, козу—на зайца... А зайца, кажется, на иголку, которую и потерялъ.

Жизненная сказочка.

— А что я васъ спрошу,—обратился бывший „помѣщикъ“ ко мнѣ. — Дадутъ ли мнѣ продовольственную ссуду?

Вспоминаю холодковскихъ хохловъ.

— Къ волости приписанъ?

— Здѣсь нѣтъ. Можетъ, въ Камардиновкѣ не выписали?...

— Если не приписанъ, то ничего не получишь.

— Тогда какъ же? — растерянно бормоталъ мужикъ.—Умирать?

Если его и не выписали въ Камардиновкѣ, то ссуды, пожалуй, онъ все-таки не получитъ. Отдать ее не изъ чего,—земли нѣтъ.

— И еще хочу я васъ беспокоить,—сказалъ онъ.— Душу себѣ буду просить у начальства,—дадутъ ли?

— Дадутъ,—говорю, чтобы успокоить несчастнаго.

Отчего бы гдѣ-нибудь его и не приткнуть къ общинѣ? Мужикъ—работникъ.

— Да, вѣдь, опять „отрубишься“ и уѣдешь,—говорю ему шутливо.

— Нѣтъ, уже довольно,—помыкался по бѣлу свѣту. Гдѣ ужъ намъ, нищимъ, помѣщиками быть!..

24.

Оренбургская губернія.—„Во время поспѣли“.—Общественныя работы.—Съ „кормовыми“ опоздали.—Продажа „душъ“.—Ошибка.—Вычеты изъ кормовыхъ.—„Голодные“ лошади.

* Оренбургскій уѣздъ.

Тутъ такъ же, какъ и вездѣ, полное разореніе, обезлошадніе и плачь:

— Что будемъ дѣлать? Какъ проживемъ?

Здѣшняя администрація очень довольна собой:

— Мы во-время поспѣли съ помощью.

Почти вездѣ были общественныя работы. Неработоспособнымъ выдавали „фунтовыя“ (1 ф. хлѣба въ день).

Это, можетъ-быть, предупредило голодную смерть и эпидемію. Здѣсь нѣтъ той страшной картины, которую я видѣлъ въ Уфимской губерніи.

Но нужда и тутъ такъ велика, что ни общественными работами въ ихъ непривлекательномъ видѣ, ни „фунтовыми“ ее не исчерпываешь...

Разоренія не предупредили и въ Оренбургской губерніи.

Прежде всего, пришли съ помощью далеко не во время.

Голодъ начался съ іюля — августа. Въ сентябрѣ исполняющій обязанности губернатора Сумароковъ пренаивно отрицалъ голодъ и палець о палець не ударилъ, чтобы организовать какую-нибудь помощь. Надо было пріѣхать изъ Петербурга чиновнику министерства, чтобы убѣдить его превосходительство, что во вѣренной ему губерніи дѣла обстоятъ очень скверно...

Затѣмъ прибылъ вновь назначенный губернаторъ Сухомлиновъ и, какъ Колумбъ, „открылъ“ голодъ. Только въ концѣ октября, а во многихъ мѣстахъ уже въ ноябрѣ, были организованы общественныя работы.

Съ ними безусловно опоздали.

— Покопали мы недѣльки дровъ и кончили, — холода наступили, — слышалъ я верѣдко, проѣзжая по уѣзду.

Въ продолженіи августа, сентября, а во многихъ мѣстахъ и въ октябрѣ крестьяне, не видя никакой помощи, распродавали скотину. Она дошла до цѣны шкуры. Кормовъ не было, и лошади бродили тѣнями. Даже башкиры ихъ не всегда покупали на мясо.

Общественныя работы были организованы, конечно, въ „русскомъ стилѣ“.

Въ Шарлыкѣ, въ чайной, ко мнѣ присталъ земскій ямщикъ. Рассказывалъ о какомъ-то „Личардѣ Иванычѣ“.

— Личарда Иванычъ восемь рублей мнѣ не заплатилъ. Я докладаю, а онъ грозитъ: въ чижовку хочешь? Такъ и уѣхалъ... Ну, химикъ!..

— Да кто же такой Личарда Иванычъ?

— Известно кто, — техникъ, трудовую помощь давалъ...

Объ этомъ „химикѣ“ передаютъ:

— „Фокину лошину“ въ степи завалилъ. Хлѣбъ мы тамъ сѣяли, а онъ приказалъ: „Заваливай!“ И завалили.

— Была у насъ рада: четыре съ половиной рубля за кубъ. При расплатѣ Личарда Иванычъ объявляетъ: „Четыре!“ — „Четыре съ половиной“, — кричатъ мужики. „По четыре рассчитываю“ — „Не беремъ“. Галдежь. Шумъ. Старики кричатъ уряднику: „Протоколь составъ за мошенство“. А техникъ грозитъ земскимъ. Кончилось тѣмъ, что отдалъ четыре съ половиной, но сказалъ: „Припомню я вамъ этотъ полтинникъ, когда весной пріѣду!“

— А въ Крюковѣ такъ и вычли рубль съ куба...

Много земли испортили работами. На лугахъ, гдѣ прежде росла трава, землю брали и теперь тамъ трясина. На пашнѣ камень добывали. Разрыли пашню.

Въ с. Колычевѣ техникъ рѣшилъ завалить мѣсто, гдѣ сходились два оврага. Мужики было запротестовали.

— Не дадимъ. Чего зря портить? Много другой работы найдется...

— Тогда я изъ другихъ селъ мужиковъ пригоню, — погрозилъ техникъ.

Смирились колычевцы. Начали портить свою землю...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы были цѣлесообразны, полезны. Въ другихъ онѣ породили одни „анекдоты“.

— Одинъ ямкамъ копалъ, другой зарывалъ, — характеризовалъ башкиринъ трудовую помощь. — А кто мала-мала подаркамъ давалъ, то и работать не надо: приходи и получай деньги.

Въ Уфимскомъ уѣздѣ мужики навозъ возили на свои поля. За это получали плату.

По крайней мѣрѣ, откровенно...

Въ Оренбургскомъ все производилось „по плану“. Въ с. Шарлыкѣ сыпали мерзлую глину на дорогу.

Это называлось: „дѣлать насыпь“. Весной всю эту работу, конечно, унесетъ вода.

Я спрашивалъ:

— Гдѣ же насыпь?

— Да вотъ она,—указывали.—Вы идете по ней.

Обычное кочковатое мѣсто въ уровень со всей улецей... Чудеса въ рѣшетѣ!

О работѣ въ с. Покровкѣ говорятъ:

— Прежде тутъ еще было можно ѣздить, теперь нельзя...

Наработали!

Полезныя и неотложныя работы есть въ каждомъ селѣ. Но работали въ большинствѣ то, что не нужно или менѣе нужно.

Въ с. Тачкахъ говорили мнѣ:

— Помираемъ безъ воды.

На первой очереди стояли родники, плотина, мосты. Вмѣсто этого тамъ скапывали горы.

— Измаялись мы на работахъ,—говорили вездѣ.— Сколько колесъ и телѣтъ поломали. Одежонку порвали. То грязь, то морозъ. Лошадь тощая, кормовъ нѣтъ,—воза вывести не можетъ. Бьешься, бьешься... Случалось, издыхали кони... Камень сидитъ глубоко, три сажня земли до него. Изволь покопать! Прямо каторга...

— Истязаніе народа...

Въ с. Шарлыкахъ пускались уже на хитрость. Дѣлали дыры въ телѣгахъ. Теряли землю по дорогѣ. Такъ и лошади было легче, и работа шла „спорѣе“.

Въ концѣ сентября отъ работъ стали кое-гдѣ отказываться. Въ с. Тачкахъ составили приговоръ объ отказѣ. Дѣло въ томъ, что уменьшили у нихъ число работающихъ. Работали черезъ день. Стало просто невыгодно.

— Лошадь только мучаешь... Три рубля въ недѣлю заработаешь, а кормовъ надо на трепницу.

Работающую лошадь нельзя, вѣдь, кормить соломою. Въ с. Молочаѣ десятникъ подѣ конецъ назначалъ: — Завтра только 15 лошадныхъ рабочихъ. Больше нѣтъ работъ.

Уполномоченные отъ общества отобрали 15 чело-вѣкъ, но не изъ самыхъ бѣдныхъ. Село поднялось на дыбы:

— Всѣ или никто! А будете работать,—голова поспѣваемъ.

Прекратили работы.

Уполномоченные—язва общественныхъ работъ.

Аксиома:

— Если мужикъ выдвинется надѣ толпой, онъ неизмѣнно становится эксплуататоромъ.

Уполномоченные выбираются изъ бѣдныхъ. Но, будучи выбраны, „ведутъ компанію“ съ десятниками и вообще съ „начальствомъ“, такъ какъ сами уже въ своемъ родѣ „начальство“. И какъ „начальство“, считаютъ нужнымъ обирать мужиковъ:

— Они привозятъ намъ деньги отъ старшины. За это берутъ съ насъ полкопѣйки съ рубля,—жаловались въ с. Камардиновкѣ.—Законовъ такихъ нѣтъ, чтобы брать у нищаго суму... Пусть расходы въ табель вписываютъ.

Егоръ Медвѣдевъ прямо говорилъ:

— Семь кубовъ у меня украли. Не заплатили за нихъ. Я поднялъ булгу. Ну, обѣщали внести въ слѣдующую табель. А у другихъ, которые посмирнѣе, такъ и пропали кубы. Уполномоченные себя вписали...

Заработокъ очень умѣренный. Поденно 50 коп. Я спрашиваю, сколько мужики заработали за все время. Отвѣчали:

— 7, 10, 15, 25 рублей...

Только-только, чтобы не умереть съ голоду.

— Жили впроголодь.

Деньги за работы платили нерегулярно и неаккуратно.

— Двѣ недѣли работали,—говорили мнѣ въ Шарлыкѣ,—а три ждали расчета

Въ Добрянской волости долго не расплачивались. Я былъ тамъ, когда общественныя работы уже прекратились, а расплаты все не было.

— Три недѣли не выдаютъ денегъ,—жаловались мнѣ въ д. Камардиновкѣ.

— Я за это время корову продалъ. Если еще недѣлю, послѣднюю лошадь отведу на базаръ...

— Народъ говоритъ, что совсѣмъ не заплатятъ...

Какъ водится, больше работали лошадные. А бѣдность перѣдко только ходила мимо работъ...

Съ „фунтовыми“ тоже выходило не вездѣ ладно. Нуждающихся въ нихъ, положимъ, 200, а выдавали только 50. Голодная толпа осаждала священниковъ, за вѣдывавшихъ „фунтовыми“.

— Давай!

— Вы въ списокъ не значитесь, но могу, — отвѣчалъ тотъ.

Нѣкоторые, впрочемъ, „могли“. Одинъ батюшка „фунтовыми“ награждалъ за „благочестіе и добродѣтели“.

— Кто къ Богу прилеженъ, тотъ и получить... Не толпитесь, дѣти мои!

Въ бѣдной деревнѣ Петровкѣ выдавали не каждый день.

— Одинъ день дадутъ, два не даютъ.

Въ Исапильдиновѣ совсѣмъ забыли дать.—Такъ говорили мнѣ башкиры.

Словомъ, оренбургская помощь импонировала только въѣзностью. Работы! Пайки! Это выдѣлялось особенно на мрачномъ фонѣ Уфимской губерніи. Но въ существѣ эти работы и пайки были тѣми помочами,

на которыхъ подвѣшиваютъ падающую отъ безкормицы издыхающую лошадь... Не болѣе.

Я проѣзжалъ Оренбургскимъ уѣздомъ въ самую мрачную пору его жизни. Общественныя работы были прекращены. „Фунтовья“ выдачи тоже. Вездѣ ждали:

— Кормовыхъ.

Но ихъ еще не привезли.

На бумагѣ эта замѣна одного вида помощи другимъ происходитъ очень умно, просто и вовремя.

— Вмѣсто работъ и „фунтовыхъ“ получайте ссуду! Что же вы не радуетесь?

Въ дѣйствительности, эта замѣна, тяжелая для истощеннаго организма и жестокая операція...

Съ кормовыми опоздали...

Прекратить работы и „фунтовья“ было очень легко. Однимъ предписаніемъ. 1-го декабря ихъ уже не было. Но 1-го декабря нигдѣ еще не было кормовыхъ.

Кормовья гдѣ-то „шли“ или „лежали на станціи“. Уже 1-го декабря начались крики:

— Вѣтъ нечего. Голодаемъ. Помогите!

— Кормовья идутъ. Что вы?

— Когда придутъ, а намъ сейчасъ надо вѣтъ.

— Успокойтесь! Не позже 10-го.

— Но въ десять дней можно умереть съ голоду?

Съ с. Шарлыка до ст. „Покровской“ меня преслѣдовали жалобы:

— Не вѣтъ нуждающимся даютъ. Расчислили по старымъ октябрьскимъ спискамъ. А съ тѣхъ поръ скотъ попродали. Богатые сравнялись съ бѣдными. За что же такая несправедливость?

По дополнительнымъ спискамъ они могли получить ссуду только въ январѣ. Чѣмъ же питаться декабрь? Распродавать остальную скотину и надѣлы—значитъ разоряться совершенно.

Невыносимо тяжелъ продовольственный механизмъ. Когда-то, когда-то повернется его колесо и... непре-

мѣнно задавить кого-нибудь, хотя и „безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія“.

Въ с. Колычевкѣ еще не получали кормовыхъ. Поѣхали за ними въ Оренбургъ.

— Если бы не картошка, была бы бѣда,—говорятъ здѣсь мужики, ожидая изъ Оренбурга „мавны“.

Бдятъ они картошку и, гдѣ есть, хлѣбъ.

— Какъ-нибудь провертимся до кормовыхъ,—говорятъ.

„Вертѣлись“ не всё. Другимъ не на что было „вертѣться“...

Тутъ уже въ ходу „души“. Продано пока шесть (душа—15 дес.). Земля пошла по 21 рублю за десятицу.

— Нынѣшній годъ продаютъ не болѣе прошлагодняго, — безапелляціонно заявляютъ оренбургскіе „руководители“ жизни.

Но они, по близорукости, смотрятъ только въ книги нотаріусовъ. Нужно бы поѣхать по деревнямъ и разспросить. Имъ бы рассказали, что сдѣлки совершаются насильемъ, „поскорѣе, чтобы не умереть съ голоду и не заболѣть“. До нотаріуса ли тутъ? Простой распиской закрѣпляютъ куплю-продажу. Покупаютъ даже неукрѣпленныя „души“. „Послѣ, молъ, укрѣпимъ!“ За земскимъ начальникомъ въ этомъ случаѣ дѣло не станетъ. Это не „кормовыя“ выдавать.

— Въ Софьевкѣ 30 душъ проданы,—говорили мнѣ колычевцы.

— По какой цѣнѣ?

— 210—240 рублей.

Это ли не безпомощность? Весной стояли тутъ такія цѣны: 600—700 руб. за душу.

Въ Колычевѣ два горя. Одно—кормовыхъ все нѣтъ. Другое—земскій начальникъ, провѣряя списки на весеннее обмѣненіе, изволилъ обрадовать:

— Сѣмянъ дадутъ немного: кому на полдесятины, кому на десятину, не болѣе.

— А остальные десять десятинъ чѣмъ мы засѣмъ? Теперь въ Колычевѣ ищутъ, кому бы сдать землю въ аренду. Но охотниковъ нѣтъ.

Въ Тачкахъ я узналъ такую новость: земскій только-что прислалъ изъ Оренбурга телеграмму:

„Выхлопоталъ ссуду“.

Мужики „хваляли“ земскаго: „Ну, и молодець!“ Они не знали, что ссуду „выхлопоталъ“ совѣтъ министровъ.

Въ этомъ селѣ и кругомъ его сильная нужда. Мѣшаютъ картошку съ мукой и пекутъ изъ смѣси хлѣбъ.

Въ с. Тачкахъ земскій врачъ г. Сегеревичъ говорилъ, что въ башкирской деревнѣ Ибряевѣ бдятъ хлѣбъ изъ лебеды.

— Частной помощи никакой?

— Совершенно. Нельзя высунуть носа...

Свящ. о. Кедровъ прислалъ этому врачу 400 руб. и обѣщалъ присылать регулярно. Просилъ организовать столовые.

— Опасаюсь,—говоритъ врачъ.

— Но вы же мѣстный человѣкъ?

— Все равно.

Нельзя забывать, что онъ—правительственный чиновникъ. А это обязываетъ... Онъ ждетъ, не откроется ли въ Оренбургѣ какого-нибудь законнаго „обхода“ нелѣпаго запрещенія. А пока деньги лежатъ безъ употребленія, хотя кругомъ стоитъ стонъ...

Недалеко лежитъ с. Мокренькое. Тамъ батюшка съ матушкой плакались мнѣ:

Безъ частной помощи мужики не проживутъ. Кормовыхъ мало. Хотъ бы по фунту чернаго хлѣба раздавать ребятамъ...

Разговорились съ однимъ крестьяниномъ.

— Кормовыя—одно названіе!—говорилъ онъ. —

Высчитай, сколько получим! Нужно привезти изъ Оренбурга,—отдай за дорогу. Клади за помоль фунтъ, на мельницу свезти—фунтъ,—своихъ лошадей у бѣдноты нѣтъ. Дальше розсыпь—2 фунта, отрубей — 7. И получимъ мы не пудъ, а 28—30 фунт. Но, главное,—когда получимъ? Я уже три дня одной картошкой питаюсь...

Въ с. Молочаѣ у мужиковъ другая печаль.

— Въ волости говорили, что изъ ссуды у насъ вычтутъ долгъ обществу магазину. Брали въ сентябрѣ.

Эту „новость“ подтвердили мнѣ и въ с. Соплевкѣ.

— У меня, къ примѣру, 11 человекъ семьи, — говорилъ большой рыжебородый мужикъ. — Скотины нѣтъ никакой. Корки сейчасъ въ домѣ не найдешь. Я получаю 10 пудовъ ссуды. Если 7 у меня вычтутъ, останется три. Какъ же я прокормлю семью? Смѣются, что ль?

Въ с. Соплевкѣ попалъ на сходъ. Бѣднота просила у „мира“ раздѣлить между нею оставшіеся въ общественномъ магазинѣ 42 пуда.

— Фунта, православные, нѣтъ въ домѣ, — съ отчаяніемъ говорилъ одинъ старикъ, — а семья, сами знаете, 11 душъ. Сегодня, Христосъ свидѣтель, не ѣлъ...

Миръ согласился раздѣлить.

— Но, вѣдь, нужно согласіе земскаго начальника?—говорю.—Пройдетъ нѣсколько дней...

— Что же дѣлать, какъ-нибудь поголодаемъ...

— Кормовья...

— Да, жди ихъ,—раздраженно перебиваютъ. — До нихъ съ голода подохнешь...

— А мнѣ вотъ и кормовыхъ нѣтъ,—выступилъ крестьянинъ Крупновъ.

— Значить, богатый?

— Ни хлѣба у меня нѣтъ, ни скота. А въ спискѣ поставлено: „имѣеть 50 пуд. ржи“.

— Ошибка,—заговорили мужики.

Конечно, ошибка, но когда ее исправятъ, пройдетъ 2—3 недѣли. Въ теперешнее страшное время ошибка можетъ стоять человѣческой жизни или здоровья...

— А намъ какъ быть?—говоритъ одинъ крестьянинъ. — У меня съ бѣдными разница въ одной овцѣ.

Овцой больше. Имъ работа и кормовья, а мнѣ нѣтъ ничего. Все изъ-за одной овцы. Ровно два ареста. Въ Манчжуріи кровь проливалъ—одинъ арестъ, теперь другой... За что же? Развѣ я отечеству не слуга?

Въ Исангильдиновѣ не у кого за деньги купить муки.

— Хожу по улицѣ,—говорилъ одинъ башкиринъ,—прошу продать пять фунтовъ до базара. Нѣтъ ни у кого. Съ деньгами помрешь съ голоду.

А кормовыхъ все нѣтъ. Поѣхали, говорятъ. Было уже 7-е декабря.

У нѣмцевъ въ колоніяхъ тоже дѣла печальныя. Осенью продавали скотъ. Бѣдные ѣдятъ одинъ хлѣбъ и пьютъ цикорій, вмѣсто кофе. Нѣтъ ни молока, ни овощей.

Они—русскіе подданные. Но въ планахъ продовольственной помощи ихъ не приняли во вниманіе. Они, впрочемъ, не обижаются.

— Сами не просили?

— Нѣтъ.

Екатеринославскіе нѣмцы-колониисты дали имъ займы 70 тыс. изъ 6% съ разсрочкой на 5 лѣтъ.

— Теперь мы и кормимся и будемъ сѣяться — все въ долгъ.

За нѣмецкими колоніями идетъ башкирская, Кипчакская волость. Плохо тамъ живетъ народъ.

— Двухъ фунтовъ хлѣба не найдешь,—клялись башкиры.

— За кормовыми поѣхали?—спрашиваю.

— Привезли. Въ магазинѣ лежатъ.

— Отчего же не раздають?

— Не знаемъ. Земскій, знать не приказалъ.

— У насъ ашать нечего, корма нѣтъ, скоть падаетъ, а въ общественномъ магазинѣ лежитъ напихъ 1,000 пуд.,—жаловались башкиры.—Почему земскій не дозволяетъ брать?

Ободранный башкиринъ говорилъ, какъ плакалъ:

— Законовъ нѣтъ вычитать изъ кормовыхъ!

Земскій объявилъ, что отъ ст. „Покровской“ до волости возчики получаютъ за провозъ „кормовыхъ“ по 15 коп. съ пуда съ тѣхъ лицъ, которымъ будетъ роздана ссуда. Лошадные получаютъ съ безлошадныхъ... Башкиринъ негодовалъ:

— Законовъ нѣтъ!

Оказывается, это общее правило. Мы встрѣчали на пути длинные обозы съ кормовыми. На дровни положено по 12 пуд. („Больше лошади не везуть“). Возчики говорили:

— Намъ два сорокъ отдай! Вытчемъ изъ кормовыхъ...

Они везли 100 верстъ—по 20 коп. за пудъ. Тотъ голодающій, которому слѣдовало получить 7 пудовъ, уже до получки лишился одного пуда...

Встрѣтили башкирина. Онъ ѣхалъ верхомъ. 12 пудовъ кормовыхъ везъ хохоль съ хутора. Оказывается, лошадь стала... А хохоль за провозъ на разстоянїи 7 верстъ „содралъ“ съ него 1 пудъ кормовыхъ. Башкиринъ согласился — некуда было податься... Отдалъ пудъ.

— Но ты права не имѣешь,—говорю,—раздавать кормовыя? Они до дѣлежки пока казенныя!..

Жалко улыбается.

— Боялся лошадь сдохнетъ... Не успѣю ризать...

А до дома еще далеко. Раздастъ онъ по пути хохламъ всѣ 12 пудовъ.

Около ст. „Покровской“ такая картина. Башкиринъ на самой дорогѣ обдираетъ лошадь. Чуть не плачетъ. Кормовыя лежатъ на дровняхъ.

— Сдохла... Не успѣлъ ризать... Послѣдняя... Что буду дѣлать?

— Это Сулейманка, — говоритъ мой ямщикъ.— У него десять человѣкъ семьи, и ничего нѣтъ...

— Какъ же онъ доведетъ кормовыя?

— Продастъ ихъ кому-нибудь и придетъ пѣшкомъ.

25.

Тифозная семья. — Кандидатъ въ члены Государственной думы — нищій. — „Бабій разумъ“.

Однажды ночь застала меня въ степи. Днемъ ѣхать по огромнымъ снѣжнымъ пустырямъ неприятно, а ночью, когда на дорогу садится сѣрая мгла, особенно скверно. Не видишь ничего — ни впереди, ни сзади. Скучно и даже жутко бываетъ тогда.

— До села не доѣдемъ, Шерифъ,—говорю ямщику,—нѣтъ ли гдѣ поблизости деревни?

— Амановка въ трехъ верстахъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Вези.

— Бѣдно тамъ,—роняетъ татаринъ.

Знаю. Хлѣба еще достанешь, но только хлѣба. О молокѣ и яйцахъ нельзя теперь мечтать. Все равно, ду-мало, только бы въ теплѣ ночевать.

Амановка—длинная и жуткая деревня. Было не болѣе шести часовъ вечера, а въ домахъ далеко не вездѣ свѣтились огни. Большинство крестьянъ, значитъ, сидѣло впотъмахъ, керосину купить было не на что.

Шерифъ заѣхалъ къ своему знакомому крестьянину Пахомову.

— Въ кандидатахъ ходилъ, — рекомендовалъ онъ мнѣ Пахомова.

Вхожу въ избу. На постеляхъ лежать человѣческія фигуры. Спрашиваю:

— Что рано спать легли?

— Больныя это, — говоритъ старуха, — Вторую недѣлю...

— Чѣмъ?

— Голова, животъ...

Мы расположились пить чай. Пришелъ хозяинъ. Спрашиваю у него о болѣзни его дочерей.

— Да... Докторъ говоритъ: тифъ...

Я было встревожился. Говорю:

— Нѣтъ ли гдѣ избы безъ больныхъ?

— Не найдете... Въ каждой, почитай, есть. Да бояться нечего...

Тутъ и пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ тифозными. Куда ихъ отдѣлишь, когда изба одна? „На грѣхъ“ произошло домашнее событіе: свинья только что опоросилась, принесла одиннадцать поросятъ. Въ хлѣвѣ мать задавила бы новорожденныхъ, — взяли въ избу и ихъ и ее. Въ маленькой комнаткѣ ночевали мы, тифозные и свиньи...

Но въ деревнѣ, да еще въ голодающей не до удобствъ. Приходится отдыхать больше въ саяхъ, чѣмъ въ избахъ.

Хозяинъ нашъ мужикъ лѣтъ 50, съ осанкой и разговоромъ человѣка, знающаго себѣ цѣну. Недавно онъ былъ богатъ. Всего года два, какъ владѣлъ мельницей и лучшимъ домомъ въ Амановкѣ. Теперь чуть не нищій. Сгорѣли до тла въ одну темную ночь его мельница и изба. Еле самъ съ семьей изъ огня выскочилъ. А тутъ подошелъ голодный годъ. Съ 50 арендованныхъ десятинъ зерна не собралъ. Послѣднія деньги ухлопалъ на аренду. Но все-таки заплатилъ не все. 26 рублей не доплатилъ землевладѣльцу Х—ому.

Просилъ его:

— Отсрочьте! Знаете, какой нынѣ годъ.

— А мнѣ кто отсрочить?—отвѣтилъ тотъ.—Я засѣвалъ 1800 десятинъ, ничего не собралъ,—400,000 р. потерялъ.

Такъ и не отсрочилъ.

— Получилъ повѣстку, — говорилъ мужикъ.—На судъ баринъ зоветъ.

— Какъ же сдѣлаете?

— Не знаю...

Полное разореніе.

— Хлѣбъ-то сейчасъ есть?—спрашиваю.

— Есть малость. Корову продалъ, купилъ. Да жулики-торговцы желудевую муку въ ржаную прибавляютъ. Смотрите, какой хлѣбъ!

У Пахомова остались только лошади и свинья. Лошадь едва ли выживетъ—худа, какъ скелетъ, питается исключительно, катуномъ (колочей травой). Если продышетъ зиму, то весной ее „впа заѣсть“. Это обычная исторія въ голодные годы. Пахомовъ уже спрашивалъ сосѣднихъ башкиръ, сколько дадутъ. Тѣ осмотрѣли скелетъ и огорчили хозяина:—„Три цѣлковыхъ“.

— Шкура стоитъ четыре, — возразилъ онъ.—Да шкура-то плохая....

— Прогнѣвали Господа, — говорилъ Пахомовъ за чаемъ...

Онъ, впрочемъ, мало останавливался на печальномъ настоящемъ. Больше возвращался къ прошлому. Прошлое его было хорошее, онъ любилъ и могъ долго говорить о немъ.

— Выборщикомъ въ первую Думу былъ, — не безъ отгѣнка гордости сообщилъ онъ мнѣ.

— Вы?

Станнымъ казалось, что выборщикъ нищій. Я забылъ, что онъ былъ богатъ.

— Однимъ голосомъ въ первую Думу не прошелъ...

Быль бы членъ Государственной Думы... Сколько они получаютъ?

— Больше трехсотъ...

— Въ мѣсяцъ?

— Да.

— Ой-ой-ой...

А онъ получаетъ „фунтовья“ и ждетъ не дождется кормовыхъ по пуду на ѣдока въ мѣсяцъ.

— Нужда,—говорить,—подъ горло подступила...

— Я и въ третью Думу тремя голосами только не прошелъ. Не судилъ Богъ попасть туда...

Мы заговорили объ общественныхъ работахъ.

— Участвовали вы?—спрашиваю.

— И тутъ со мной несчастье. Въ спискахъ поставили. Но какъ разъ въ городъ на это время судъ назначили, а я съ 1890 года состою присяжнымъ. Меня и потребовали. Амановцы наши все пошли на работу, а я къ богачу на дорогу деньги занимать. Жена, дѣти злачуть: „Что будемъ ѣсть“,—говорять. А я молчу, не знаю, что сказать имъ въ утѣшеніе. Какъ въ острогъ пошелъ. Конечно, пѣшкомъ...

— Пѣшкомъ? Тутъ 150 верстъ?

— Нанять лошадей не на что. Пять дней шелъ, чернымъ хлѣбомъ питался. Пришелъ. Остановился на постояломъ дворѣ. Другимъ присяжнымъ чай въ судѣ разносятъ, бутерброды даютъ, а я боюсь взглянуть, отказываюсь. Въ перерывъ иду на Толкучку, тамъ лалши на три копейки спрошу и ѣмъ. Судъ былъ долгій, затяжной,—недѣли три. Какъ ни скупъ жилъ, а израсходовалъ рублей 12. Прихожу потомъ въ волость, говорю старшинѣ: оплати! Бросилъ онъ мнѣ десятку. Больше не дастъ. Своихъ не дополучилъ и общественныя работы прозѣвалъ,—такой грѣхъ! Вотъ тутъ и служи государству!

— А я такъ думаю,—сказалъ онъ, немного помол-

чавъ,—можно бы присяжнымъ казенную подводку давать. А?

— Нужно,—говорю.

— И я такъ мекаю.

Говорить спокойно, безъ тѣни раздраженія и негодованія.

Мы уже ложились спать, какъ Пахомовъ сообщилъ, что онъ былъ за границей. Я удивился.

— Въ Турціи былъ. Оттуда проѣхалъ въ Иерусалимъ. Хотѣлось все видѣть. Въ Москвѣ и Петербургѣ побывалъ.

Онъ долго съ особенной любовью рассказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ. Потомъ мы замолчали, былъ уже часъ ночи. Я засыпалъ, какъ услышалъ его ровный, спокойный голосъ:

— А что я васъ спрошу? Что такое террористы?

Я объяснилъ.

— Судили мы одного молодчика,—говорилъ онъ,—деньги онъ выманивалъ. Писалъ письма: клади столько то въ такое то мѣсто...

— Это, должно быть, простой мошенникъ,—говорю.

— Ишь ты! И я думалъ что простое мошенство. А прокуроръ все твердилъ намъ: террористъ, террористъ. Только запуталъ насъ.

Свѣтъ лампы падалъ на его лицо. Я видѣлъ, что мужикъ крѣпко думалъ о чемъ то. Ему о многомъ, видимо, хотѣлось разспросить, многое разузнать, на многое пожаловаться... Кто въ нашу глушь заѣзжаетъ?—говарилъ онъ давеча за чаемъ. „Людей не видимъ... Вотъ уѣдете вы и опять, какъ въ колодезь меня опустятъ“. О голодѣ, о больныхъ дѣтяхъ, о томъ, что баринъ продастъ за долгъ его послѣднюю лошадь и скоро ему нечего будетъ съ семьей ѣсть—онъ не думалъ. Можетъ быть отмахивался отъ горькихъ думъ... Мечтательная натура его выдѣлялась на сѣромъ, болѣзненномъ фонѣ

деревни, на которомъ мрачными красками нарисована одна забота, одна дума—какъ бы не умереть съ голода.

Утромъ кое-какъ нашель себѣ одну лошадь. Долго искаль. Лошадей хорошихъ, т.-е. сытыхъ не было. Были какія то тѣни. Пахомовъ грустный ходилъ около меня:

— Я бы васъ самъ отвезъ,—говорить,—да—видите!

Показываетъ на свою лошадь. Она понуро жуеть катунь.

Выѣхали. Проѣхали версты двѣ и остановились. Пошли пѣшкомъ около лошади. Ямщикъ былъ смущенъ и жаловался на „времена“.

— Съ катуна далеко не уѣдешь. Съ эстого бабьяго разума то ногъ не потащишь! Вы ужъ извините! Маемя, а не живемъ.

— Какого „бабьяго разума“?

— Да катунь то!

Его называютъ „бабимъ разумомъ“.

— Почему такъ?

— Оторветъ его вѣтромъ и катить по степи, не остановишь...

Въ деревнѣ такое несамостоятельное и „легкомысленное“ положеніе напоминаетъ мужикамъ женщину.

Отсюда—„бабій разумъ“.

Въ изобиліи катунь вырастаетъ только въ голодные годы. Такъ, по крайней мѣрѣ, замѣтили крестьяне. Роль его въ мужицкомъ хойствѣ „провокаторская“. Скоть жуеть его, хотя онъ бываетъ сухой и колючій, но переварить не всегда можетъ. Здѣсь потому повсемѣстный надежь лошадей.

— Рогатый скоть ничего, терпять, но лошади, особенно тощія, не выдерживаютъ... околѣваютъ. Колочки впиваются имъ въ желудокъ.

Въ одномъ селѣ я видѣль лошадь, которую кормили этимъ ядомъ. Ротъ у ней ободранъ, въ крови, на языкѣ волдыри.

Мнѣ хотѣлось знать, что думаетъ Амановка о Пахомовѣ. Я спросилъ о немъ ямщика.

— Мужикъ правильный,—отвѣтилъ ямщикъ,—книгу пишетъ.

— Какую книгу?—изумился я.

— Не знаю, какую... А только каждый день писать...

Вспоминаю, что Пахомовъ утромъ хотѣль мнѣ что то сказать. Видъ у него былъ такой. Но такъ и не сказалъ. Не о книгѣ ли своей?

Что это за книга, такъ я и не узналь. Можетъ быть стихи? Это подходило бы къ нему...

26.

По Уральской области.—Разоренное поселеніе.—Нѣтъ силъ пахать.

Въ поселкѣ Ивановскомъ, видимо, былъ большой пожаръ. Издали видно: торчатъ стѣны домовъ безъ крышь и безъ оконъ.

Подъѣзжаемъ ближе. Тутъ словно „Мамай воевалъ“. Все разбито, повалено, растаскано. Однѣ развалины. Онѣ тянутся сплошь цѣлыми улицами, навѣвая тоску.

Мертвый поселокъ.

Но вотъ вдали вьется изъ землянки дымокъ. Слава Богу, остались еще люди. У воротъ стоитъ неподвижный, лѣнивый хохоль.

— Когда сгорѣли?—кричу ему съ дороги.

— Богъ миловаль.

— А это что же?—указываю на пустой, разрушенный „порядокъ“.

— Поутикали,—объяснилъ хохоль.

Дома не сгорѣли, а разорены.

Въ Ивановскомъ три года назадъ осѣли хохлы Каневского уѣзда, Киевской губерніи. Построили 110 зем-

лянокъ. Но мать-земля оказалась „мачехой“, и 61 семья черезъ два года „утекла“. Однѣ—въ Сибирь, другія— „въ Рассею“, на старое, разоренное пепелище.

Остались 49 семей. Но и онѣ почувствовали, что жить здѣсь нельзя. Переписались въ другіе переселенческіе участки. Изъ Ивановскаго еще не ушли. Когда уйдутъ, Ивановское обратится въ груды развалинъ.

На этомъ кладбищѣ, среди мертвецовъ будутъ жить лишь 13 семей. Онѣ пока держатся за поселокъ, не уходятъ и не переписываются.

Эти семьи должны быть сейчасъ очень богаты. Я подсчиталъ количество земли, на которомъ онѣ свободно могутъ сѣять.

Оказалось,—8,100 десятинъ.

Паны, а не крестьяне.

Переселенческое управленіе открыло недавно въ поселкѣ столовую. Спрашиваю завѣдующую, фельдшерицу Е. С. Клеманскую:

— Кого же вы кормите?

— Почти всѣхъ. Совершенно нищій поселокъ...

Нищіе—владѣльцы тысячъ десятинъ! Явленіе—чисто-русское... Въ землѣ лежатъ милліоны, а ѣсть нечего.

Трудно представить болѣе жалкое и печальное явленіе, чѣмъ уральскіе переселенцы. Они—жертвы нашей несуразной переселенческой политики... Мученики за чужіе грѣхи...

— У васъ нынѣ неурожай?—спрашиваю ивановцевъ.

— Полный. Ни зерна не взяли.

— А въ 1910 году?

— Тоже былъ неурожай.

— Въ 1909?

— Тоже.

— Въ 1908?

— Родилось, но все сусликомъ поѣлъ. Мы только-что тогда пришли и сѣяли мало.

— Но урожай здѣсь все-таки можетъ быть?

— Нѣтъ,—увѣряли ивановцы,—земля у насъ перодочая...

— Зачѣмъ же ее выбрали?

— Ходоки наши зимой были, не доглядѣли. Поманули насъ. Насказали небылицъ. Въ переселенческой книжкѣ мы читали: если 30 фунтовъ проса посѣять,—400 пудовъ соберешь. А мы зерна не видали. Прямо обманъ.

— Кто же обманулъ?

— Казна...

— Разорили насъ въ чистую,—говорятъ хохлы,—а теперь и помощи не оказываютъ...

Дѣйствительно, разореніе ясное. „Ни кола, ни двора“. Хлѣба нѣтъ. Безъ помощи ивановцы давно бы уже умерли съ голоду.

Но интересно, что у нихъ было, когда они явились сюда? У нѣкоторыхъ, говорятъ, было много. Они принесли сотни рублей. У большинства же отъ ликвидации хозяйства остались крохи.

Уральскіе переселенцы въ массѣ—тѣ „голодранцы“, которые у себя „въ Рассеѣ“ экономически были уже за бортомъ крестьянской жизни.

— У меня было 12 сажень земли,—разсказывалъ одинъ.

— У меня полдесятины...

— А у меня совсѣмъ ничего не оставалось.

Но все-таки тамъ они были на своей, родной почвѣ. Кое-что имѣли. Кое-какъ жили, съ голоду не могли умереть.

Здѣсь, въ Киргизской степи, имъ сразу дали по 15-ти десятинъ на душу. Богатство, о которомъ они никогда не мечтали. Имѣть 45—60 десятинъ,—это ли не жизнь?

Паны!

Надо только „робить“. Но тутъ и произошла „заминка“.

— Силу въ нѣтъ пахать,—говорятъ хохлы.

Чтобы спяхать десятину „цѣлины“, надо имѣть 6—8 быковъ. Но въ Ивановскомъ, напримѣръ, 10 семей совершенно безъ всякаго скота. Эти „паны“, имѣющіе по 60—75 десятинъ, живутъ исключительно подачками, и въ „крестьянскомъ“ смыслѣ люди безнадежные.

Остальные имѣютъ кто лошадь, кто пару быковъ. Никто, слѣдовательно, не можетъ распахать „цѣлину“ одинъ.

— Пашете же вы что-нибудь?

— Какъ же, пашемъ... старую, киргизскую распашку. Тамъ земля мягкая, намъ легко.

Иные и этого не дѣлаютъ. Просто идутъ бороной по киргизской мякоти и сѣютъ. И по наивности думаютъ, что земля имъ будетъ родить съ 30-ти фунтовъ 400 пудовъ.

„Цѣлина“ остается почти непаханной.

— Не подь силу... Обманули насъ...

За четыре года въ Ивановскомъ распашали что-то около 50-ти десятинъ „цѣлины“. Только всего. Это весь вкладъ въ культуру.

Культуртрегеры!

— Какъ же вы пахали?

— Собирались 3—4 хозяина, складывали быковъ и пахали.

Киргизы и казаки берутъ только 5—6 рублей за распашку десятины.

— Но у насъ денегъ нѣтъ,—возражали хохлы,— обманули насъ, разорили...

Земледѣліе ихъ „россійское“, хищническое. Даже не трехпольное. Дѣленіе на три поля здѣсь еще въ большинствѣ поселковъ не введено. Просто, кто гдѣ приткнется, тамъ и сѣетъ. Дѣлятъ „клины“ на доли.

Сѣютъ до изнеможенія земли. Ивановцы откровенно рассказываютъ:

— Сѣяли мы три года подъ-рядъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

До нихъ тамъ киргизъ сѣялъ. Тоже, небось, лѣтъ 5.

Взяли изъ земли всѣ соки и негодуютъ:

— Земля у насъ неродочая. Все неудобіе... Обманули насъ.

— Гдѣ же вы теперь посѣяли?

— Пробуемъ новый клинъ. Но которые немогущіе, тѣ посѣялись опять на старомъ мѣстѣ...

Такихъ „немогущихъ“ болѣе половины. У нихъ и на слѣдующій годъ будетъ голодъ.

Впрочемъ, тутъ у всѣхъ будетъ голодъ. Не можетъ не быть голода.

— Сколько вы засѣяли?—спрашиваю.

— Своихъ сѣмянъ у насъ не было. Дала намъ казна по 5 пудовъ ржи на обсѣменение. Этимъ мы и засѣялись.

— Сколько же десятинъ?

— Одну...

— Всѣ посѣяли?

— Нѣтъ. Многіе размолули и сѣяли. Ъсть-то, вѣдь, было нечего.

— Какъ же они будутъ жить въ будущемъ году?

— Надѣются на весеннюю сѣменную ссуду.

— Но, вѣдь, весной тоже будетъ ѣсть нечего?

— Что-жъ? Съѣдимъ и весеннюю ссуду. Казна по-можетъ: она насъ вызволила,—обязана, значитъ, и помогать.

Говорятъ съ отгѣнкомъ явнаго озлобленія.

Большую хозяйственную несостоятельность трудно представить.

Всѣ 49 семей ивановцевъ засѣютъ приблизительно 80 десятинъ изъ 8,100. Ясное дѣло, что у нихъ будетъ недостатокъ хлѣба, если бы даже онъ и родился.

Но переселенцы увѣрены, что хлѣбъ не родится. Съ этой увѣренностью они пахутъ и сѣютъ. Конечно, такъ и пахутъ и сѣютъ...

— Если не будетъ засухи,—говорятъ они,—то обязательно придетъ сусликъ съ пустыхъ киргизскихъ степей и уничтожитъ посѣвъ.

Въ первый годъ они держались гордо. Надѣялись:

— Нынѣ плохо, въ будущемъ году будетъ хорошо.

Но когда и 1910 годъ оказался неурожайнымъ, переселенцы стали падать духомъ:

— Мы пріѣхали пановать, а придется съ сумой итти!.. Обманъ!..

1911 годъ окончательно оборвалъ всѣ нити, связывающія ихъ съ землей.

Они теперь не вѣрятъ ни въ землю, ни въ себя. Нѣтъ имъ охоты трудиться. Даже говорить о „неродючей“ землѣ имъ противно.

27.

Неустройство жизни переселенцевъ. Сырость и угаръ въ избахъ. Просятъ борща. Всѣмъ недовольны. Переселенецъ—казенная вещь.

Сквозь сонъ слышу шепотъ. Около печки шушукуются бабы.

— Что вы?—окликаю я ихъ.

— Къ вашей милости... Мы вдовы съ сиротами...

— Еще не развѣло... Успѣете!

— Мы до мужиковъ хотѣли все объяснить...

Слушаю бабы слезы и чувствую, что не могу поднять головы. Угорѣлъ.

Мука останавливается въ хатахъ переселенцевъ. Не найдешь сухой.

— Неужели,—спрашивалъ я,—до сихъ поръ вы не научились строить избы и класть печи?

Хочется съ досады ругать этихъ неприспособленныхъ къ жизни, доведенныхъ до отупѣнія людей.

— Хотя бы у киргизъ поучились...

Молчатъ. Потому кто-нибудь кинетъ обычное:

— Не крѣпко сидимъ здѣсь. Такъ и строимся.

Потолокъ въ хатѣ всегда сырой. Оттуда каплетъ. Со стѣнъ бѣгутъ ручьи. Днемъ холодъ. Всѣ сидятъ на печкѣ въ шубахъ. Тамъ и обѣдаютъ.

Ночью, когда потопятъ печку, угаръ. Синеватый дымокъ разстилается по избѣ.

Хаты-землянки изъ воздушнаго кирпича. Но у киргизъ такія же землянки, только сухія, а у хохловъ неизмѣнно сырыя.

— За то у киргизъ грязно, а у насъ все выбѣлено,—хвалятся хохлы.

Я набрелъ на одинъ фельдшерскій пунктъ. Тутъ три года сидитъ несчастная фельдшерица и терпитъ нестерпимую муку.

— Главное, угаръ,—жалуется она,—никакъ не могу привыкнуть...

Къ холоду уже „привыкла“. Но сидитъ всегда въ шубѣ.

Угаръ и безнадежность сдѣлали изъ переселенцевъ хмурыхъ, сумрачныхъ людей. Стоятъ они сейчасъ въ избѣ около стола, и мнѣ кажется, что угарная жизнь оставила имъ только одинъ вопросъ:

— Дастъ или нѣтъ?

Все остальное, живое, человѣческое вытравилъ.

Я слышалъ, какъ они спрашивали моего ямщика:

— Зачѣмъ начальникъ пріѣхалъ? Давать?

— Что вамъ надо?—спрашиваю у нихъ.

— До вашей милости. Всей громадой желаемъ, чтобы борщъ былъ всѣмъ...

— Какой борщ?..

Въ 10 изъ 65 уральскихъ поселковъ, и въ частности, въ Ивановскомъ устроены столовые. Почему только въ 10, когда такая же нужда среди переселенцевъ вездѣ— Аллахъ знаетъ. Въ этихъ столовыхъ варятъ борщъ или кандеръ (кулешъ) и раздають на дома дѣтямъ и старикамъ. Но приваркомъ, конечно, пользуется вся семья.

— Только по ложкѣ достается,—жаловался здоровенный и сумрачный хохоль.—Этакъ съ голода не долго помереть.

— Даютъ не тебѣ, а твоимъ дѣтямъ,—говорю.

— А я съ голода буду подыхать? На нихъ смотреть?

Весной прошлаго года кругомъ обозначились цынга и тифъ. Заболѣвшимъ выдали на домъ чай, сахаръ, кислоты, консервированную зелень, бѣлый хлѣбъ. Тотчасъ же шинки наполнились свертками чая и сахара.

— Мы къ этому не привычны, — говорили хохлы о чаѣ.

Кислоты, хлѣбъ и зелень ѣли больше здоровые, чѣмъ больные. И такъ оправдывались:

— А мы будемъ съ голода подыхать?

— И еще мы желаемъ,—говорятъ ивановцы,—чтобы хлѣбъ отпускали вѣсмъ. Да не по фунту, а по два. Развѣ фунтомъ въ день человѣкъ сытъ бываетъ?

Въ тѣ семьи, которыя получили ссуду мукой, переселенческіе чиновники распорядились не выдавать хлѣба. Предполагалось, что хлѣбъ въ такихъ семьяхъ есть. Но продовольственную муку расходуютъ въ первыхъ числахъ мѣсяца. Отдаютъ ея старые долги. Усиленно ѣдятъ. А потомъ зубы на полку. Семья хлебаеть одинъ приварокъ безъ хлѣба.

— И то по ложкѣ...

Ссудой они также недовольны.

— Мало выдали. Не каждому. У кого есть скотина, тѣ не получили...

Всего въ декабрѣ поселокъ получилъ только 92 пуда.

— Отъ нихъ и помину не осталось.

Питаются исключительно около столовой, т.-е. за счетъ своихъ дѣтей, у которыхъ отнимають послѣднее.

Дѣло, оказывается, не въ скотинѣ, а въ общественныхъ работахъ. Уѣздному съѣзду заблагодарсудилось исчислить максимумъ заработка въ 1 р. 30 к. Кто выработывалъ эту норму тотъ продовольственной ссуды лишился.

— Но я работалъ и тутъ же проживалъ деньги,—возражаетъ переселенецъ.

— Ты долженъ былъ копить,—учить его начальство.

— Насъ объ этомъ не предупреждали,—пробуетъ оправдаться переселенецъ.

— Предупреждали, но ты не слушалъ.

Главное, что все это не серьезно. И этотъ максимумъ, и угрозы. Съ переселенцемъ такъ нянчатся, что можно быть спокойнымъ: у него будетъ и хлѣбъ, и приварокъ. Объ этомъ заботится и областное управленіе, и переселенческое. Оба наперерывъ. Это не Самарская и Уфимская губерніи, гдѣ нужны были героическія усилія, чтобы обратить вниманіе на голодающихъ.

Это, наконецъ, не киргизы, до которыхъ ни областному, ни тѣмъ болѣе переселенческому управленію нѣтъ дѣла. Умерли они или еще живутъ—это никого не беспокоитъ.

Переселенецъ сталъ казеннымъ человѣкомъ, какъ солдатъ или арестантъ. А казенныя вещи прежде всего вытаскивають изъ огня.

Конечно, хорошо, что заботятся о прокормленіи переселенца. Онъ, дѣйствительно, голодающій. Бьетъ въ глаза лишь неравенство отношеній. Переселенцу все, а башкирину Уфимской губерніи, или несчастному киргизу—ничего.

— Какъ хотите, такъ и вывертывайтесь изъ бѣды!

Ивановцы строили плотину, но не у себя, а гдѣ-то за 15 верстъ. Тамъ жили и ночевали въ кибиткахъ. Они рассказываютъ:

— Холодно, сыро... да и не выгодно. Многіе такъ и не пошли.

— Разсуди самъ,—говорилъ старый хохоль съ чубомъ,—у меня 10 душъ семьи. Заработалъ я на плотинѣ 8 рублей. Ихъ вычли изъ ссуды, и я получилъ на 10 душъ всего 3½ пуда муки. Какъ я могу прокормиться мѣсяць?

— А борщъ?

— То другое дѣло.

— А съ киргизъ взяли за выпасъ?

— То опять совсѣмъ другое дѣло...

Но ивановцы, дѣйствительно, нуждающіеся люди. Въ хатахъ у нихъ одни слезы. Для скота имѣется колючка (катунъ) и кое-гдѣ сѣно (корма тутъ все-таки уродились), а для людей часто не хватаетъ куса хлѣба.

Я наблюдалъ, какъ проводятъ они время. Утромъ встаютъ и начинаютъ по очереди выбѣгать на улицу, смотреть:

— Не поднять ли флагъ надъ столовой?

Это условный знакъ, что борщъ поспѣлъ.

Какъ только взвивался національный флагъ, ребята съ чашками мчались въ столовую. Приносили борщъ, разводили водой, чтобы увеличить количество, подогрѣвали, и семья садилась обѣдать. Это самый свѣтлый моментъ дня. Въ остальное время хохлы сходились у воротъ и говорили:

— На какія земли лучше переселяться: на кабинетскія или крестьянскаго банка?

Чая они не пьютъ. Во всемъ поселкѣ не найдешь 3 самоваровъ. Вечеромъ пекутъ картошку. Ложатся

рано, чтобы „провести время“. Спать часовъ 9—10. Затѣмъ снова смотрятъ:

— Поднять флагъ или нѣтъ?

„Хорошее житье“. Отъ него уже сбѣжали 60 семей въ Ивановкѣ. Здѣсь нѣтъ поселка, откуда бы не „утикали“ переселенцы. Оставшіеся говорятъ:

— Ничего бы мы больше не попросили. Пусть отдадутъ то, что мы истратили при переселеніи!.. Возьмемъ и уйдемъ. Ну ихъ съ борщомъ!

Отъ хорошей жизни не убѣжишь.

Скота мало. Онъ убываетъ.

Скотъ имѣетъ здѣсь особое значеніе. У „россійскаго крестьянина“ онъ еще не самое послѣднее. Послѣднее—земля, которую можно продать. Переселенецъ не имѣетъ права ни продавать земли, ни отдавать ее въ аренду.

Онъ „панъ“ только на посѣвѣ.

Тутъ, значитъ, скотъ все.

Если его нѣтъ, или мало, то нѣтъ, въ сущности, и крестьянина. Остается вѣчный нахлѣбникъ переселенческаго управленія... Пенсіонеръ.

Таковы почти всѣ ивановцы и сотни переселенцевъ другихъ поселковъ.

Мечта вернуться въ „Россію“. — Переселенческая политика—игра въ жмурки.

Одна мысль у уральскаго переселенца:

— Уйти отсюда.

Многіе уже ушли. Вѣрнѣе,—въ паникѣ сбѣжали. Унесли остатки того, что принесли изъ „Россіи“. Но нѣкоторые изъ нихъ вернулись обратно.

— Тутъ плохо, а на родинѣ еще хуже... Здѣсь хоть кормятъ...

Оторванные от почвы, разоренные переселенцы стали чужими людьми для своего родного угла. Купить земли не на что, а работы не найдешь,—своих коренных людей тамъ много.

Нѣкоторые ушли въ Сибирь.

Но большинству уйти нельзя. Безъ денегъ съ мѣста не сдвинешься. Голодные годы унесли скотину и всѣ старые, „рассейскіе“ запасы. А землянкамъ цѣна грошъ.

Они все-таки мечтаютъ уйти.

— Куда же?—спрашиваю я.

О, они прекрасно знаютъ, куда!

— Въ Россіи много удѣльныхъ и кабинетскихъ земель,—говорятъ они,—почему бы ихъ не раздать намъ? Мы отечеству служимъ... Они же насъ стронули съ мѣста!..

Въ Ивановскомъ хорошо освѣдомлены о хуторской политикѣ правительства.

— Пусть Крестьянскій банкъ нарѣжетъ намъ въ „Рассеѣ“ хуторовъ!

— Но, вѣдь, хутора надо купить?—говорю.—Даромъ ихъ не даютъ.

— Банкъ разорочить, подождетъ. Изъ перваго урожая заплатимъ...

— А если не будетъ урожая?

— Взять съ насъ нечего.

— Продадутъ ваши хутора, опять вамъ придется переселяться...

Но они все-таки мечтаютъ. Мечтой и живутъ.

— Не издыхать же здѣсь!.. Не суслики мы, а люди. Скептики изъ нихъ махаютъ безнадежно рукой.

— Никудышные мы, выбитые изъ колеи,—опредѣлили старый хохоль.

А одна старуха такъ охарактеризовала свой поселокъ:

— Не живемъ, а отживаемъ...

Переселенцы перестали уже смотрѣть на землю.

Нечего отъ нея ждать. Смотрятъ въ руки переселенческихъ чиновниковъ:

— Не дадутъ ли чего?

Выработалось даже убѣжденіе:

— Должны дать.

Если долго не даютъ, то переселенцы говорятъ съ озлобленіемъ:

— Завезли и бросили!

— Киргизамъ же не даютъ,—говорю я ивановцамъ.

— Киргизы не русскіе. Имъ зачѣмъ давать? Они къ тому же здѣшніе, коренные. А мы разоренные. Намъ податься некуда...

Переселенцы, буквально:

— На полномъ казенномъ иждивеніи.

Правда, какъ арестантовъ, досыта ихъ не кормятъ...

— Кормятъ, какъ киргизъ лошадь,—говорятъ съ неудовольствіемъ сами переселенцы,—голодомъ не уморятъ, но и досыта у нихъ не наѣшься...

Не знаю, зачѣмъ переселенческіе чиновники зовутся „чиновниками по водворенію“. Они теперь больше чиновники по кормленію неудачно водворенныхъ.

Провіантмейстеры.

Помощь начинается съ самыхъ первыхъ дней жизни переселенца. Сейчасъ же по водвореніи ему даютъ 100 р. на домъ и 65 р. на инвентарь.

Не забудьте—онъ свободенъ отъ всѣхъ земельныхъ налоговъ.

Продовольственную помощь здѣсь начали оказывать еще съ прошлаго года, когда о голодѣ не было даже слышно. Былъ вездѣ урожай. А тутъ ужъ былъ голодъ.

Осенью давали сѣменные.

Зимой кормили. Три мѣсяца выдавали по пуду зерномъ на каждаго.

Ранней весной бросили-было выдавать. Переселенцы, понятно, стали голодать. Открылись болѣзни. Въ одномъ Уральскомъ уѣздѣ было 2,000 больныхъ.

Цынга. Тифъ.

Стали раздавать больнымъ „пайки“.

Въ июнѣ уже опять кормили всѣхъ. Дали по пуду.

Осенью 1911 года выдавали сѣменные.

Въ сентябрѣ были общественныя работы.

Октябрь и ноябрь—опять выдавали по пуду въ мѣсяцъ каждому.

Въ декабрѣ снова выдача.

Передъ Рождествомъ поѣхали просить выдать сейчасъ январскую ссуду.

— Праздникъ не съ чѣмъ встрѣтить.

— А въ январѣ что будете дѣлать?

— Тамъ видно будетъ.

Весной опять обсѣменение.

Сейчасъ кое-гдѣ (въ 10-ти пунктахъ изъ 65-ти) столовые.

И все-таки:

— „Мало“.

Дѣйствительно, мало. Голодь здѣсь злой. А главное—онъ безконеченъ. Кормить надо годы, можетъ-быть, вѣка...

Переселенцы открыли мнѣ свои дальнѣйшіе замыслы:

— Хотимъ просить воловъ и лошадей!

— Денегъ также на обзаведеніе!

Самое лучшее переселенческому управленію платить переселенцамъ опредѣленное мѣсячное жалованье...

— Они насъ разорили. Теперь должны помогать.

Кто виновникъ этой страшной комедіи?

Меньше всего переселенецъ... Онъ движется стійкой силой нужды. Что съ него спросить?

Тотъ, кто переселяетъ, долженъ знать, кого и куда онъ переселяетъ.

Нельзя же играть въ жмурки. Тутъ въ самомъ дѣлѣ, живутъ люди, тысячи людей, а не еуслики...

Среди киргизовъ. Кредиты разные, а городъ одинъ. Вытѣсненіе киргизовъ переселенцами. Враждебныя отношенія киргизовъ и переселенцевъ.

Тургайскій и уральскій губернаторы рано начали говорить:

— Мы предотвратили голодь... Мы во-время пришли на помощь. Теперь въ нашихъ областяхъ нѣтъ голодающихъ...

Но пусть общество не думаетъ, что рѣчь идетъ о „вѣреннѣхъ имъ областяхъ“. Нѣтъ—только о переселенцахъ.

Киргизовъ же помощь не коснулася.

— Почему такъ?—спрашиваю одного чиновника.— Вѣдь, губернаторы здѣсь не спеціально переселенческіе?

— Конечно... Но кредиты разные.

Важная штука эта разность кредитовъ. Изъ-за нея можно умереть съ голода. Въ одномъ поселкѣ мнѣ рассказывали:

— Приходятъ къ намъ въ столовую киргизы изъ сосѣднихъ ауловъ. Тощіе, худые, голодные, оборванные. Просятъ: „Корми, умираемъ!“ Я спрашиваю переселенческаго чиновника: „Можно?“ А онъ: „Ни подъ какимъ видомъ! Столовая содержится на переселенческіе кредиты. Какъ же можно кормить киргизовъ?“

Существуютъ ли кредиты киргизскіе,—сказать трудно. Извѣстно только, что существуетъ голодь киргизскій. Знаю я и то, что до 1-го января голодающимъ киргизамъ Уральской области не было выдано ни одной копейки денегъ и ни одного фунта муки. Такъ мнѣ го-

ворили сами киргизы, когда я посѣщалъ ихъ аулы. Не было, конечно, у нихъ и общественныхъ работъ. Продовольственный хлѣбъ везли мимо ихъ ауловъ къ переселенцамъ. Киргизы только щелкали зубами...

Въ Актюбинскѣ въ концѣ декабря мнѣ передавали:
— Какъ же такъ, и киргизамъ дадутъ!

Будто бы составляютъ продовольственные списки.

Списки эти будутъ провѣряться. Затѣмъ будутъ „возбуждены ходатайства“. И, наконецъ (къ 1-му февраля—марта—апрѣля?), будетъ выдано... изъ собраннаго съ киргизовъ же спеціальнаго капитала.

Въ Уральской степи мнѣ говорили киргизы:

— Просили, просили... Не даютъ.

— Кого же вы просили?

— Своихъ аульнаго и волостного управителей.

Выше киргизы не идутъ. Русской кокарды они боятся, какъ огня...

Въ аулѣ № 2-й мнѣ пришлось ночевать у стараго киргиза. Онъ взялъ у меня записную книжку и написался въ ней по-киргизски: „Асанъ Карасартъ“. А потомъ долго смѣялся, какъ ребенокъ.

Славный дикарь. Онъ, конечно, принялъ меня за „начальство“, просилъ, но просилъ благородно,—не за себя, а за бѣдныхъ.

— Не оставьте нашу бѣдноту. Похлопочите!

Я прошелся по избамъ аула. Голая, неприкрытая бѣдность. Такая же, какъ у переселенцевъ.

Мнѣ еще въ поселкахъ передавали:

— Киргизы обычно по-миру не ходятъ. Но нынѣ ихъ гуча просить Христа-ради. Видно,—голодь.

Киргизы живутъ отдѣльною, своею жизнью. Никто изъ русскихъ не знаетъ, что творится въ ихъ аулахъ.

*) Въ концѣ-концовъ киргизамъ также стали выдавать въ уральской и тургайской областяхъ продовольственные ссуды. А. П.

И не хочетъ знать. Только догадывается по тѣмъ или другимъ признакамъ.

Одинъ мануфактурный приказчикъ рассказывалъ мнѣ:

— Поѣхалъ я весной года два тому назадъ съ товаромъ въ степь. Подъѣзжаю къ аулу. Заглядываю въ кибитку,—мертвые лежатъ. Въ другую,—безъ памяти валяются, умираютъ... Въ третьей—то же. Много, знать, ихъ погибло....

Говорить равнодушно, какъ о сусликахъ.

Киргизы въ степи голодаютъ и умираютъ совершенно безъ помощи. И никто не старается притти къ нимъ на помощь:

— Зачѣмъ? Киргизъ—не переселенецъ.

Асанъ рассказалъ мнѣ о нынѣшнемъ годѣ:

— Пропадаемъ... Последнїй скотъ рѣжемъ...

Киргизъ сѣетъ только просо. Оно нынѣ не родилось. Ёсть онъ просо съ чаемъ. Обходится безъ хлѣба, но безъ махана жить не можетъ. Нѣтъ махана,—значить, голодь. А махана становится все меньше и меньше. Степь сокращается, скотоводство падаетъ.

Киргизъ съ 10-ю головами скота—нищїй. Съ 5-ю онъ—„самый тощїй человекъ“. По ауламъ я самъ видѣлъ семьи съ одной лошадейю и одной козой.

— Какъ же будете жить,—спрашиваю,—когда скотину порѣжете?

— И теперь уже у богатыхъ занимаемъ.

Богатые даютъ, но „три цѣны кладутъ“. Корова стоитъ 30 руб., они отдають ее въ долгъ за 60 руб. Выбирають долгъ просомъ, отработкой, лугами...

— По горло сидимъ въ долгу у богатей.

Нищихъ, конечно, масса.

Помощь здѣсь такъ же неотложна, какъ и у переселенцевъ. Даже болѣе.

Появленїе „россійскаго“ крестьянина въ Киргизской степи обязано—праву захвата.

Отнимаютъ степь у киргизовъ и отдаютъ „культуртрегеру“-переселенцу.

Вопросъ этотъ старый. Но сейчасъ, во время голода, мимо него, какъ мимо совѣсти, не пройдешь, не задѣвши.

Формально захвата нѣтъ. У насъ все „по-закону“.

Приходятъ топографы и нарѣзаютъ самые лучшие куски Киргизской земли. Отмежевываютъ ихъ и говорятъ:

— Это для переселенца.

Но на этой землѣ вѣка живутъ киргизы. Ихъ стада здѣсь кормятся со временъ Чингизхана.

— Прогнать!

Конечно, „соблюдая законъ“.

Къ землянкамъ подходитъ „согласительная комиссія“ и „предлагаетъ“:

— Уходите отсюда! А за землянки мы вамъ заплатимъ.

— Все равно возьмутъ,—думаетъ киргизъ.—Сколько заплатите?

— Сколько стоитъ?

— 100 рублей.

На самомъ дѣлѣ, землянка стоитъ 80 рублей.

Не торгуясь, даютъ киргизу сто. Онъ гонитъ свое стадо въ глубь степи и думаетъ:

— Здорово я ихъ надулъ!

А иногда и этого миража не было. Асанъ мнѣ рассказывалъ:

— Намъ за землянки не заплатили. Просто прогнали.

Должно-быть, заплатили, но аульный старшина взялъ себѣ.

Такъ шли годы. Переселенческое движеніе поощрялось и потому развивалось. Киргизы же всячески стѣснялись. Киргизскіе бунты противъ отнятія земли оканчивались для киргизовъ очень печально... Степь для

нихъ все сокращалась и сокращалась. Стало уже негдѣ пастись скотъ. Лучшую землю отдали переселенцу, солонецъ и песокъ оставили за ненадобностью киргизу.

— Живи!

Сейчасъ киргизы просятъ:

— Сравняйте насъ съ переселенцами! Нарѣжьте по 15-ти десятинъ на душу!

Въ этой просьбѣ увидали „торжество культуры“. Переселенческое управленіе приписало эту „побѣду“ себѣ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе.

— Если нарѣжутъ и дадутъ, то хоть не выгонять,—думаютъ киргизы.—Лучше осѣсть, чѣмъ умереть со скотомъ на тысячахъ десятинъ собственнаго солонца!

Есть и другое побужденіе. Недѣленая степь выгодна только богатымъ киргизамъ,—они пасутъ на ней гдѣ угодно свои табуны. При нарѣзкѣ и укрѣпленіи, бѣдные могли бы отдавать богатымъ свои десятины на выпасъ.

Но дѣло не въ мотивахъ. Просьба киргизовъ поставила втупики:

— Что же мы имъ нарѣжемъ? Солонецъ?

Всѣ удобныя земли уже отданы переселенцамъ.

— Прямо совѣстно нарѣзать,—говорятъ топографы.

Дошло дѣло до того, что каждый годъ, съ наступленіемъ зимы, киргизы приходятъ къ переселенцамъ и умоляютъ:

— Дайте свою степь на выпасъ!

Переселенецъ думаетъ, выгодно это ему или нѣтъ. Степь все равно пустая, особенно зимой. Изъ 9,000 десятинъ подъ запашкой отъ силы 100. Но переселенецъ думаетъ о другомъ:

— Взять ли ему съ киргиза за выпасъ или загонять его лошадей и требовать за потрапу? Что выгодише?

Часто онъ находитъ, что выгодише степь не сдавать. И не ошибается. Голодные киргизскія лошади, ища подъ снѣгомъ корма, разбредаются по степи и перехо-

дятъ между. Тутъ ихъ поджидаютъ „культуртрегеры“. Иногда переселенцы сами загоняютъ киргизскій скотъ на свою землю. Иногда ведутъ его домой прямо съ Киргизской степи.

Это единственный „кустарный“ промыселъ хохловъ.

— На сколько нынѣшній годъ загнали,—спрашиваю я по поселкамъ.

— На пятьсотъ.

Значитъ, на тысячу. Совѣстно, вѣдь, признаться.

Киргизы, конечно, платятъ тою же монетою. Крадутъ лошадей у хохловъ. Отношенія между ними милыя. Переселенецъ говоритъ:

— Киргизъ—воръ!

А киргизъ:

— Хохоль—разбойникъ! Пришелъ и ограбилъ.

Кстати, кромѣ системы загона лошадей, переселенецъ привилъ киргизу и другія блага культуры. Именно, сифилисъ и алкоголизмъ.

Такимъ путемъ родная мать-степь стала для киргиза мачехой. Только богатый можетъ снять у переселенца землю на выпасъ. Бѣдный пускаетъ лошадь на свой солонецъ. Къ веснѣ она становится похожей на скелеть. А если весна поздняя,—то дохнетъ. Съ ней гдѣ-то тамъ, въ необозримой, пустой степи, умираетъ нерѣдко (а, можетъ быть, и часто,—кто знаетъ?) киргизъ.

Одинъ здѣшній аборигенъ мнѣ говорилъ:

— Киргизы вымираютъ.

Не удивительно. Трудно имъ бороться съ „системами“...

30. ГОЛОДНАЯ ВЕСНА 1912 г.

Угрюмое настроеніе. „Отъ глада“. Тѣни вмѣсто лошадей. Разореніе. Задержка „кормовыхъ“. Безлошадные. Роль газетъ. „Безпокойство“ становыхъ. Великолѣпный „руководитель жизни“.

Я ѣду Бугурусланскимъ уѣздомъ. Тѣми селеніями, которыя посѣтилъ въ ноябрѣ прошлаго года. Тогда здѣсь стоялъ ужасъ передъ завтрашнимъ „последнимъ“ днемъ. Люди метались, кричали, умоляли:

— Помогите!

Крикъ напелъ откликъ. Въ январѣ, февралѣ и мартѣ была выдана продовольственная ссуда. Много было частныхъ пожертвованій. Пришло на помощь земство. Кое-гдѣ поддержать „Красный Крестъ“.

Теперь, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—крика нѣтъ. Все тихо. Осталось угрюмое, вялое настроеніе, какъ результатъ физической истощенности и подавленнаго нравственнаго состоянія.

Помощь только не давала умирать съ голода. Разоренія же не предотвратила. Пришла она поздно—въ декабрѣ—январѣ. Къ этому времени мужикъ уже былъ разоренъ,—съ іюля до декабря надо было кормиться, и онъ успѣлъ за это время продать много земли и скота.

Помощь выражалась въ кормленіи людей, на устьяхъ же крестьянскаго хозяйства—скотъ—обращали мало вниманія. О томъ скотѣ, который остался до весны, мужики говорятъ:

— Чудомъ прожилъ.

Вотъ село Радовка.

Здѣсь 180 домовъ. Изъ нихъ приблизительно 40 безъ лошадей. Скотъ частью проданъ и проѣденъ, частью палъ:

— Не успѣли татарамъ продать...

Падежа „отъ глада“,—какъ выражаются радовцы,—здѣсь нельзя учесть.

— Какъ только лошадь начнетъ шататься, ослабнетъ,—сейчасъ ее татаршкамъ за трешницу... Тѣ ножъ въ горло, и дѣлу конецъ...

Но въ нѣсколькихъ семьяхъ не успѣли обратиться къ помощи татаръ. Скотина пала „отъ глада“.

Одна бѣда ведетъ за собой другую.

— Болѣзнь какая-то напала на лошадей, тоже, знать, отъ глада. А потомъ повальное воспаленіе легкихъ на коровахъ. Многіе лишились своихъ кормилицъ.

Что представляютъ собой оставшіяся отъ голодной зимы лошади?

Тѣни какія-то. Впалые бока, безобразно торчащій костякъ крупа. На многихъ лошадяхъ нѣтъ волосъ.

— Отчего это?—удивляюсь я.

— Всегда въ голодные года такъ бываетъ. На изморенныхъ вошь нападаетъ,—точить волосъ...

Поля подъ яровые здѣсь пахутъ осенью. Это избавляетъ истощенныхъ за зиму лошадей отъ непосильной работы.

— Пахать на нихъ нельзя сейчасъ,—въ одинъ голосъ говорятъ крестьяне.—Сдохнуть или съ мѣста не сдвинутся.

Но бороновать приходится теперь. Я наблюдалъ: пройдетъ лошаденка по бороздѣ шага три и остановится, отдыхаетъ, потомъ соберется съ силами, опять двинется шага на три. Мужикъ ужъ не понукаетъ, не кричитъ.

— Даемъ отдышаться,—говорили мнѣ крестьяне.

Оттого сѣвъ длинный, тянется недѣлю и больше.

И это не только у бѣдняковъ, но и у многихъ „богачей“, у которыхъ остались 3—4 лошади.

— Всѣ мы кормимъ однимъ и тѣмъ же.

— Чѣмъ?

— Соломой съ крышъ.

Разбираютъ „рыги“, амбары.

Солома на крышахъ трехгодовая, вся черная, истлѣла. Нарубятъ этой черной макины, соберутъ на одонѣй земляной пыли, предполагая, что въ ней есть и хлѣбныя зерна,—и даютъ лошади. Во многихъ домахъ отъ своихъ „кормовыхъ“ горсточку муки удѣляютъ скоту.

— Отъ ребятъ беремъ,—жалко скотину.

Такъ кормили лошадей всю зиму. Такъ кормятъ сейчасъ.

Въ Радовкѣ большой процентъ „освободившихся отъ земли“. Домовъ 25—30 остались „на свободѣ“. Часть обезземеленныхъ отправилась въ Сибирь, но другая часть „проѣла“ надѣлы окончательно и должна будетъ перейти въ батраки, если не пойдетъ нищенствовать.

Въ с. Сарай-Гирѣ одинъ древній старикъ-инвалидъ говорилъ мнѣ:

— Лежу я на печи, дѣлать мнѣ нечего, считаю нищихъ. Сегодня до обѣда 30 человекъ приходило. И все лоботрясы.

Я интересовался вопросомъ обсѣмененія. Оказывается, на посѣвъ яровыхъ дали и, главное, въ свое время, но не въ полномъ размѣрѣ. Такъ что мужику пришлось стать передъ вопросомъ:

— Десятину-двѣ я посѣю, а съ остальной землей что стану дѣлать? Неужели бросить пустой?

Жизнь выработала свои практическіе пути. Изъ остальной земли крестьянинъ „продаетъ“ (т.е. сдаетъ въ аренду) десятины двѣ и на полученныя деньги за сѣваетъ еще десятину-другую. Аренда паханной съ осени земли весной поднялась до 12—15 руб.

Сѣяли по недостатку сѣмянъ не такъ густо, какъ въ нормальные годы.

— А какъ сѣялись тѣ, у которыхъ не осталось лошадей?

— Кое-какъ. Отработывали или договаривались отработать за бороньбу, отдавали часть будущаго урожая...

Словомъ, всѣми мѣрами и средствами старались сѣять поле. Слишкомъ ужъ тяжело положеніе голодающаго.

Незасѣянныхъ полей въ этомъ углу Бугурусланскаго уѣзда не будетъ.

Переѣзжаю въ с. Матвѣевку.

Картина еще мрачнѣе, хотя село въ общемъ богаче Радовки.

Село огромное, до 760 домовъ. Тутъ живутъ „купцы“. Но рядомъ съ „купцами“ ютится крайняя бѣдность.

— Кормятъ въ столовыхъ?—спрашиваю.

— Нѣтъ. Была столовая,—закрыли. Теперь только человѣкъ 30 школьникова кормятъ.

— Какъ же живутъ взрослые бѣдные?

— Всѣ мы живемъ на одинъ кормовья,—на пудъ въ мѣсяцъ на душу. Но кормовья что-то перестали выдавать...

Оказывается, продовольственную ссуду выдавали въ январѣ, февралѣ и мартѣ. За апрѣль же не выдали. Я былъ въ Матвѣевкѣ 26-го апрѣля,—кормовыхъ еще не было. Обычная задержка нерасторопнаго земскаго начальника. Но результаты этой нерасторопности очень печальны.

— Голодаемъ,—говорятъ крестьяне.—Выдали намъ около 15-го апрѣля сѣменные, мы не знаемъ, что съ ними дѣлать: ѣсть или сѣять? Семья голодная, ни куска хлѣба,—мартовскія кормовья выдали около 15-го марта, успѣли уже все сѣсть,—какъ тутъ быть? Сѣменные сѣвъ,—безъ урожая останешься. Не ѣсть нельзя. Кор-

межка тѣмъ болѣе требовалась большая: и для себя, и для лошади, такъ какъ началась работа... Ну, конечно, уцербили изъ сѣменныхъ, а оставшееся посѣяли... Сейчасъ сидимъ безъ хлѣба. Если кормовья не выдадутъ совсѣмъ,—около новаго хлѣба помремъ.

Нужда такова, что крестьянинъ потерялъ всякую самостоятельность и устойчивость. Живетъ, какъ чиновникъ: не выдастъ казна жалованья 20-го числа,—нужно ложиться и умирать.

Несчастное, приниженное положеніе. Правительственная помощь, въ силу такихъ обстоятельствъ, должна бы быть систематической, какъ жалованье... Крестьянинъ не даромъ съ горечью говоритъ о себѣ:

— Мы люди казенные...

На-дняхъ въ Матвѣевкѣ произошелъ такой случай. Четыре женщины были пойманы въ чужихъ ямахъ, гдѣ хранится картофель. Искали тамъ:

— Не осталось ли отъ зимы картофеля?

Воровокъ схватили. Испугались онѣ, плачутъ. Оказывается, изъ хорошихъ семей матери. Мужья ушли куда-то на сторону. Въ домѣ крошки нѣтъ. Дѣтей куча. Кормовыхъ не выдаютъ. Столовыхъ нѣтъ.

— Бились, бились мы и пошли воровать... Стыдобушка...

Другая бѣда. Ветеринарнымъ надзоромъ запрещено продавать на базарѣ рогатый скотъ. Ходитъ повальное воспаленіе легкихъ,—боятся распространенія болѣзни.

— Въ шабрахъ у насъ живетъ жененка,—говорили мнѣ въ одномъ домѣ.—Мужа у ней нѣтъ, дѣтей пятеро, голодь,—крохи нѣтъ, корову продать не велятъ... Изъ силъ она выбилась, на стѣну полѣзла, кричитъ, воетъ... Пришла фельдшерница,—головной тифъ, сказала... Отъ горя, знать!

Въ Матвѣевкѣ до 100 домовъ безлошадныхъ. Всѣ „на стѣну лѣзутъ“. Общественныхъ работъ тамъ нѣтъ.

Въ этомъ углу Бугурусланскаго уѣзда весной ни-

гдѣ не начинались работы. А крестьяне очень рассчитывали на нихъ.

Въ сосѣднемъ селѣ Старомъ Якуповѣ также еще не получена апрѣльская продовольственная ссуда. Народъ бѣдствуетъ. Земство кормитъ только около ста больныхъ и „тощихъ“.

— А насъ, поди, тысяча людей въ деревнѣ постигнетъ,—говорятъ татары.

Тамъ не вывѣтрилась еще цынга, и сейчасъ до 30-ти человѣкъ „подозрительныхъ“ на земскомъ корму.

Въ с. С.-Якуповѣ 170 дворовъ, изъ нихъ до 50-ти обезлошадѣли.

Въ мордовскихъ Зерыклахъ также разореніе,—изъ 271 дома 75 безлошадныхъ.

Я ѣхалъ дальше и дальше. Вездѣ одна и та же картина страшнаго разгрома, полнаго крушенія крестьянскаго хозяйства....

— Если будетъ нынѣ урожай, поправитесь?—спрашиваю.

— Трудно. Нуженъ рядъ урожаевъ. Нынѣшній урожай, если онъ будетъ, пойдетъ на уплату долговъ, недоимокъ, податей. Да и то всего не уплатишь...

Вездѣ, гдѣ я былъ, священники, врачи, учителя мнѣ указывали на высокую роль печати въ переживаемомъ общественномъ бѣдствіи.

— Послѣ статей, описывавшихъ нашъ голодъ, у насъ сейчасъ же завели столовые, къ намъ посыпались частныя пожертвованія деньгами и бѣльемъ. Газеты сыграли громадную роль.

Многіе жертвовали не черезъ редакціи газетъ, а по статьямъ специальныхъ корреспондентовъ отсылали деньги непосредственно на мѣста голода. Жертвовали такимъ путемъ сотни рублей...

Одного здѣшняго священника просили прислать голодающихъ крестьянъ работать въ Москву: на одну фабрику и въ имѣніе одного присяжнаго повѣреннаго.

Священникъ отправилъ нѣсколькихъ крестьянъ. Опытъ оказался очень удачнымъ.

— Такая помощь лучше денегъ, — говорилъ багюшка.

Но рядомъ съ этимъ жаловались, что статьи о голодѣ причиняли массу безпокойства и тревоги.

— Частныя пожертвованія запрещены. Что было дѣлать? Мы принуждены были проводить ихъ сначала черезъ „Красный Крестъ“, а потомъ уже расходовать на крестьянъ.

Наконецъ, каждая статья возбуждала запросъ изъ министерства:

— Вѣрно ли?

Къ тѣмъ лицамъ, на которыхъ ссылались корреспонденты, ѣздили становые, урядники. Поднимали „булгу“. Опрашивали ихъ съ явнымъ недоброжелательствомъ:

— Черезъ васъ безпокойство!

Эти люди занимали мѣста въ спискѣ „подозрительныхъ“, и даже „неблагонадежныхъ“.

Словомъ, налицо была обычная тупость мѣстныхъ „руководителей жизни“.

Одного изъ такихъ „руководителей“ я встрѣтилъ сейчасъ. Онъ великолѣпенъ въ оцѣнкѣ положенія.

— Я пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ декабрѣ и могу сказать прямо: остраго голода не вижу, а вижу одно нахальство крестьянъ...

— Больше ничего не видите?

— Ровно ничего...

Мало. Стоило ли ѣхать изъ Петербурга, чтобы руководить цѣлымъ участкомъ нахаловъ?

За деревню страшно...

Въ цынготномъ поселкѣ. Недостатокъ сѣменныхъ. При урожаѣ будетъ голодъ. Эпидемія цынга растетъ. 500 случаевъ. Падежъ скота.

Белебеевскій уѣздъ.

Троицкій поселокъ. Это въ предѣлахъ несчастнаго киргизмѣякинскаго медицинскаго участка.

„Гнилой уголь“,—называютъ этотъ участокъ.

Сидятъ въ поселкѣ хохлы Кіевской губерніи. Купили они у крестьянскаго банка землю, построились и теперь ждуть... всего сквернаго.

Мы съ эпидемическимъ врачомъ, М. В. Курбатовымъ, заѣхали сюда „по пути“.

— Тутъ трое цынготныхъ,—говорилъ врачъ.

Изба Терещенко. У него „баба“ въ цынгѣ. Кромѣ вспухшихъ, кровоточащихъ и источающихъ дурной запахъ десенъ, огромные сине-багровые кровоподтеки на ногахъ. Видъ страшный.

Это—результаты длительного недоѣданія.

Вся семья истощенная.

— На старинѣ, небось, этой болѣзни не знали?—спрашиваю хохла.

Старина для нихъ—Кіевская губернія.

— Отроду не видывали, хоть и въ нищетѣ жили...

Тутъ для „стольпинскихъ помѣщиковъ“ выдалась „не жизнь, а каторга“.

— Что толку, что земли много?—говорилъ одинъ хохоль.—Лежитъ она пустая...

Сѣменныхъ дали всего на двѣ десятины. А озимыхъ здѣшніе хохлы сѣяли или по полдесятинѣ,—сѣмянъ имъ не давали,—или совсѣмъ не сѣяли.

— На слѣдующій годъ у насъ и при урожаѣ будетъ голодъ...

Нужно принять во вниманіе, что если будетъ урожай, то вотъ какія нужды долженъ „исправить“ мужикъ: купить скотъ и одежду („обносилося“), заплатить мірскіе сборы, долгъ крестьянскому банку, возвратить продовольственную и сѣменную ссуды...

— Какъ же вы заплатите?

— Въ томъ-то и дѣло, что не изъ чего будетъ платить. Что соберешь съ двухъ десятинь?

— Можетъ быть, паханную землю сдаете въ аренду?

— Сдаемъ,—никто не беретъ. Ни у кого сѣмянъ нѣтъ. Вонъ татары дошли до того, что сотешную десятину паханную сдаютъ за 4 руб., а непаханную за 1—2 руб., но также никто не беретъ.

Положеніе, дѣйствительно, критическое. Будь урожай изъ урожаевъ, кругомъ все-таки будетъ пустыня. Можетъ быть, только одна треть полей засѣяна, а остальные двѣ трети земли лежатъ пустыми.

Голодъ при урожаѣ—оригинальное русское явленіе.

У Терещенко вмѣсто избы землянка.

Хохоль этотъ—пародія на „настоящаго“ кіевскаго Терещенко...

Только крыша у его избы стоитъ надъ землей, а все остальное закопано глубоко въ землѣ.

— Хата сухая,—говоритъ несчастный „помѣщикъ“, владѣющій 20-ю десятинами прекрасной земли.

Какое ужъ тамъ сухая!..

Позвали насъ въ другую избу. Опять цынга, такая же страшная, какъ у Терещенки.

— Это уже новая, незарегистрированная,—сказалъ врачъ.

Въ третьей семьѣ тоже цынга. Девятнадцатилѣтній Пичкуръ умираетъ отъ злѣйнаго туберкулеза. Безжа-

лостная судьба наградила его и цынгой. Получилось нечто ужасное...

Цынга и въ третьей, и въ четвертой, и въ пятой избахъ.

— Это уже не три случая,—говорю врачу.

Насчитали 8 цынготныхъ. Маленькій (23 дома) хохлацкій поселокъ разлагается.

— Не успѣваемъ регистрировать, — говоритъ врачъ.—На слѣдующей недѣлѣ тутъ будутъ уже десятки больныхъ.

Страшная гостья явилась въ „гнилой уголъ“ только весной.

Всю зиму, съ октября, киргизміякинскій участокъ горѣлъ огнемъ тифа. Было до 500 случаевъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ я еще въ ноябрѣ видѣлъ цѣлыя тифозныя семьи. Лежали все—отъ отца до грудного ребенка. Если принесутъ сосѣди напиться,—хорошо, а позабудутъ зайти,—больные горятъ и стонуть отъ страшнаго жара... Доползетъ кто-нибудь до двери, покличетъ,—придутъ...

Двѣ такихъ безпомощныхъ семьи я видѣлъ въ татарской деревнѣ Анясевѣ.

Въ мартѣ тифъ пошелъ на убыль. Теперь его осталось 200 случаевъ. Но вдругъ, какъ-то сразу, открылась цынга.

Было „водополье“. Нельзя было проѣхать ни на саяхъ, ни на телѣгахъ. Медицинскій персоналъ немного задержался въ своихъ штабъ-квартирахъ. А когда спала вода, и стало можно ѣздить, въ избахъ голодающихъ крестьянъ сидѣла уже цынга. Какъ-будто ее кто-то принесъ съ полой водой.

Въ регистраціонные списки болѣзнь сразу попала въ огромномъ количествѣ. Теперь она поражающе быстро растетъ. Я засталъ ее на цифрѣ 450, но послѣ меня она вылилась за 500 и неудержимо шла вверхъ.

Сколько ускользающихъ отъ регистраціи? Съ цынгой, не такъ рѣзко обозначившейся?

Эпидемія ширится, волной разливается. Нѣтъ силъ ее сократить. Наступили холода, спряталось солнце,—это увеличиваетъ ростъ цынги.

Страшную гостью радушно встрѣтили ее „предтечи“ и помощники: тифъ, туберкулезъ, сифились, а главное—голодь, который за годъ такъ истощилъ организмъ крестьянина, что цынга въ немъ одномъ находитъ свою почву.

— И какой голодь!

Русскій... Съ продовольственными ссудами и столовыми...

Что было бы, если бы не было даже этой жалкой помощи?

— Получили кормовыя?—спросилъ я хохла.

— Получили, только...

— Что?

— Впроголодь съ ними сидѣли... Самъ посудите: насъ пять душъ, давали намъ два съ половиной пуда муки въ мѣсяцъ. Развѣ это помощь?

Кромѣ муки, у нихъ ничего нѣтъ. Ни овощей, ни молока. Хлѣбъ нынѣ, хлѣбъ завтра, хлѣбъ цѣлый годъ.

Такая продовольственная помощь нисколько не гарантировала поселокъ отъ цынги. Не могла, конечно, она и предотвратить совершенное разореніе.

— Многіе совѣмъ обезлошадѣли...

Распродавали все зимой, распродаютъ, если у кого что осталось, и теперь.

— Какъ же вы бороновали?—спрашиваю.

— У кого нѣтъ лошадей, занимали ихъ у тѣхъ, кто ихъ сохранилъ. День стоитъ 1 р. Въ два дня бороновали одну десятину.

— Такъ мало?

— Лошади не идутъ. Три-четыре раза въ день выпрягали. Горе, а не работа.

Конечно, плату за аренду лошади собственникъ ея получить изъ будущаго урожая...

Лошадей восемь околѣло отъ голода. Оставшіяся бродятъ, какъ тѣни. Вотъ-вотъ упадутъ. Каждый день хохлы съ ужасомъ заглядываютъ въ хлѣвъ,—не лежатъ ли ужъ тамъ трупъ?

Въ киргизміякинскомъ участкѣ раздавали въ ссуду лошадей.

— Сколько вамъ дали?—спрашиваю хохла.

— Ни одной.

Троицкій поселокъ обошли помощью:

— У нихъ земли много.

— Что въ ней толку, въ землѣ-то?—слышу я горечь хохла.—Долгу на ней банку больше, чѣмъ колосьевъ! Продать нельзя, въ аренду никто не беретъ...

32.

Разложеніе. Георгіевскій кавалеръ. Нѣтъ средствъ. Красный Крестъ. „Руководители жизни“.

Деревня Анясово.

Огромная и вся насквозь пропитанная бациллами всевозможныхъ болѣзней...

Вотъ подъ-рядъ три дома Хадайназаровыхъ.

У Рахматуллы вся семья въ цынгѣ. Трое лежатъ, не встаютъ. У самого старика-хозяина почернѣла нога; она пузырится и имѣетъ страшный видъ.

Сынъ на ногахъ, но съ пораженными, кровоточащими деснами. Ему бы лежать, а онъ ушелъ въ поле бороновать. Больше некому. Дочь тоже на ногахъ, хотя и съ кровоподтеками. Она прислуживаетъ отцу, матери и брату, которые лежатъ недвижимо. Ходитъ „черезъ силу“ за водой, топить печь.

Въ семьѣ Абдуллы Хадайназарова въ цынгѣ трое: отецъ, мать и дочь.

У отца сильный отекъ ногъ. Онъ, видимо, очень страдаетъ. Тусклый взглядъ, потъ на лбу, стоны. Врачъ осмотрѣлъ его, поставилъ градусникъ и сказалъ:

— Кромѣ цынги, у него еще и тифъ...

Это сочетаніе частое. Тифъ истощаетъ организмъ, и на ослабленнаго человѣка набрасывается цынга.

Въ такихъ случаяхъ положеніе врача тяжелое. При тифѣ нѣтъ аппетита. А цынготному надо ѣсть. Зеленъ и надо ѣсть, и нельзя.

У третьяго Хадайназарова тоже цынга...

Мы вышли изъ избы. Татарка, съ ребенкомъ на рукахъ, чистымъ русскимъ языкомъ зоветъ:

— Къ намъ зайдите!

— Зингля? Мы только эту болѣзнь ищемъ,—предупреждаетъ врачъ М. В. Курбатовъ.

„Зинглей“ татары зовутъ цыngu.

— Да,—отвѣчаетъ татарка.

Входимъ. Чистая, жарко натопленная изба. Съ наръ поднимается худой, блѣдный человѣкъ, въ бѣломъ пиджакѣ съ солдатскимъ Георгіемъ и медалью.

— Цынга?—спрашиваетъ врачъ.

— Нѣтъ.

Глаза молящія. Извиняется, что обманулъ. Очень ужъ хочется испробовать всѣ средства, чтобы поправиться.

— Тутъ болитъ,—показываетъ на грудь и спѣшить раздѣваться.

Врачъ ослушиваетъ.

— Хотите?—предлагаетъ онъ мнѣ трубку.

Прислушиваюсь къ работѣ хилаго организма. Сильные хрипы во всей груди. Яркій туберкулезъ.

— Приговоренный,—говорятъ глаза врача.

Больной проситъ лѣкарства. Врачъ садится писать никому не нужный рецептъ. А я спрашиваю Ахмета:

— За какое дѣло получили Георгія?

— Подъ Мукденомъ имѣлъ три раны... Попалъ въ плѣнь. Годъ пробылъ у японцевъ...

— Плохо живете?

— Питаюсь кое-какъ. Братъ кормить.

Мы переходили изъ избы въ избу, съ содроганіемъ осматривая длинную, затерявшуюся вдали галлерею мучениковъ. И, казалось намъ, не было конца человѣческому страданію...

Вотъ изъ лохмотьевъ поднимается испитое лицо женщины съ страшной цынгой. А рядомъ съ ней грудной ребенокъ, на котораго нельзя безъ ужаса смотрѣть. На немъ „живого“ мѣста нѣтъ. Вмѣсто кожи оспенная маска...

Другая женщина съ растрепанными волосами, похожа на идиотку. Со скрюченными ногами и горбомъ, Вся высохшая. Кричитъ и стонетъ. При каждомъ ея крикѣ плачетъ сынъ ея, ребенокъ лѣтъ пяти...

Масса брюшного тифа.

И цѣлое море цынги самой тяжелой формы.

Много новыхъ случаевъ, еще не зарегистрированныхъ.

— Цынга только начинается,—говоритъ врачъ.

Въ голодовку 1906 г. эта болѣзнь исчезла только въ серединѣ іюня и была такъ тяжела, что имѣла нѣсколько смертельныхъ исходовъ.

— Борются намъ трудно,—говоритъ врачъ,—мы хотѣли расширить столовые, открыть ихъ въ новыхъ селеніяхъ. Запросили губернское земство, но получили отвѣтъ:

— Нельзя. Расширеніе возможно только на счетъ сокращенія въ существующихъ столовыхъ.

Видимо, изсякли средства. Въ губернскомъ земствѣ собраны были частныя пожертвованія, капиталы общеземской организаціи, вольно-экономическаго общества и т. п.

Но общество забыло о голодѣ. Въ далекой Англіи собираютъ деньги на нашихъ голодающихъ, а у насъ голодъ уже не привлекаетъ общественнаго вниманія: для многихъ голода уже нѣтъ.

— Рано отвернулись,—говоритъ врачъ.— Въ нашемъ районѣ только теперь начинается страшная расплата за недоѣданіе...

Существующая форма борьбы оказалась недостаточной.

— Мы даемъ на домъ фунтъ ситнаго, ковшъ похлебки, чай, сахаръ, лимонъ.

Но эту порцію ѣсть не одинъ цынготный, а вся семья. Цынготному попадаетъ мало.

— Нужны,—говорю,—цынготныя больнички, изоляція и усиленное питаніе.

— У насъ нѣтъ на это ни средствъ, ни людей,—отвѣчаетъ врачъ.

Тутъ сидитъ отрядъ „Краснаго Креста“. У него больше средствъ, привезены цынготныя больнички.

Но средства свои онъ тратитъ также путемъ выдачи порцій на домъ.

Въ одной избѣ я встрѣтилъ татарина съ тяжелой цынгой. Смотрю, у крыльца его избы развѣвается флагъ „Краснаго Креста“.

— Ты кто же?—спрашиваю больного.

— Столовщикъ.

Если самъ содержатель столовой „Краснаго Креста“ заболѣлъ результатами недоѣданія, то нельзя удивляться, что цынгой болѣютъ получающіе порціи на домъ.

Больнички „Красный Крестъ“ не развертываетъ. Не считаетъ нужнымъ.

Врачъ отряда, Д., оказался страннымъ человекомъ. Приѣхалъ шумно, съ предписаніемъ отъ властей и потребовалъ отъ организаціи губернскаго земства и частныхъ:

— Передвиньтесь куда-нибудь, а я сяду на ваше мѣсто!

— Какъ? Со складами, столовыми? Какой смыслъ? Мы здѣсь съ ноября, а вы пріѣхали въ февралѣ?!

— Знать ничего не знаю. У меня предписаніе сѣсть въ Киргизміякахъ.

— Но киргизміякскій участокъ великъ. Ступайте въ такія-то села, тамъ никого нѣтъ, а помощь нужна...

Но убѣдить страннаго врача было нельзя. Онъ началъ открывать столовыя тамъ, гдѣ уже были открыты онѣ губернскимъ земствомъ, московскимъ обществомъ грамотности и т. п. Когда эпидемическій врачъ поѣхалъ открывать столовую въ дер. Ушакбашъ, г. Д. погнался за нимъ и заявилъ:

— Я не позволю вамъ открывать.

Онъ торжественно вручилъ свое полномочіе ушакбашскому старостѣ.

„Всѣ сельскія власти должны оказывать мнѣ содѣйствіе“,—прочелъ староста.

Но такія полномочія имѣются у всѣхъ. Посмѣялись надъ ретивымъ врачомъ и открыли столовую.

Работа стала тормозиться. Пришлось довести до свѣдѣнія губернатора о дѣйствіяхъ г. Д. Тотъ, къ счастью, унялъ его и перевелъ въ тотъ край участка, который оставался совершенно безъ помощи.

На дорогѣ дѣла стоять и нѣкоторые земскіе начальники.

Чтобы остановить цынгу, надо усиленно питать. Совсѣмъ иначе, видимо, думаютъ земскіе. Они уменьшаютъ „кормовыя“ тѣмъ семьямъ, въ которыхъ цынготные получаютъ свои порціи.

Явная, жестокая несообразность!..

Земскіе просили сообщить имъ фамиліи лицъ, получающихъ порціи. Врачи отказались дать списки.

Тогда земскіе подослали своихъ людей разузнать объ

интересующемъ ихъ вопросѣ... Приходилось прямо скрывать списки.

Были дѣла и похуже.

Одному земскому начальнику какой-то жертвователь прислалъ 200 пудовъ крупчатки:

— Раздайте голодающимъ своего участка!..

Но земскій муку не принялъ:

— У меня дѣла по горло. Буду я путаться съ частной помощью!

Мука пошла обратно.

— Вы бы хоть телеграфировали жертвователю, чтобы онъ далъ адресъ на санитарное попечительство,—говорили земскому начальнику.—Вѣдь, вы—членъ попечительства?

— Не хотѣлъ расходоваться на телеграмму.

Что будешь дѣлать съ такимъ „руководителемъ деревенской жизни“?

Въ Анясевѣ 19 столовыхъ. Кормится въ нихъ до 1,000 человекъ. И все-таки цынга растетъ и ширится.

Слишкомъ велика нужда.

Разореніе полное.

Безлошадныхъ 153 дома.

Посѣвъ нынѣшняго года ничтожный.

— Одну треть посѣяли,—говорили мнѣ татары.

— Кто сѣялъ шесть, теперь сѣетъ полторы-двѣ десятины.

Сѣменная ссуда незначительная.

Въ аренду землю сдать некому. Отдаютъ за безцѣнокъ. Но сѣмянъ ни у кого нѣтъ, поэтому никто не беретъ.

Огромная площадь земли остается безъ ярового сѣва.

— Голодь опять будетъ,—предсказываютъ татары.

Этотъ годъ былъ такъ тяжелъ, что они перестали надѣяться на урожай.

— И я какъ-то мало надѣюсь,—говорилъ мнѣ одинъ врачъ.—Какъ бы не пришлось, окончивъ одну продовольственную кампанію, начать сейчасъ же вторую...

Гнилой уголь. Задержка ссуды. „Подсыпка“. Дѣятельность праваго земства. Вмѣсто лошадей „калечь“.

Цыгги больше всего въ центрѣ „гнилого угла“, — д. Киргизмякахъ. Тамъ земскій медицинскій пунктъ, съ энергичнымъ врачомъ, Х. Н. Васильевымъ, тамъ ранѣе другихъ пунктовъ были открыты столовые. И все-таки —

— Семьдесятъ девять случаевъ.

А послѣ меня цифра увеличилась, несомнѣнно, до 100.

Впрочемъ, въ этомъ „гниломъ углу“ есть свой „гнилой уголь“, деревня Тамьяны. Она вся переболѣла тифомъ, а теперь на удобренной почвѣ выросла тамъ „поголовная“ цынга.

Страшно въ Тамьянахъ. Не деревня, а лазаретъ. Но и въ Киргизмякахъ не менѣе страшно.

Мы съ врачами Х. Н. Васильевымъ и М. В. Курба-
товымъ ходили по избамъ и осматривали больныхъ.

Картина безотрадная. Много тяжелыхъ формъ. Ле-
жать съ почернѣвшими, отечными ногами и трупнымъ
запахомъ...

Одной цынготной татарки не оказалось дома.

— Гдѣ она?—удивляется врачъ.—У ней были по-
ражены ноги.

— Въ поле пошла,—отвѣчаетъ мужъ больной.—
У насъ существуетъ повѣрье, что отъ зенгли (цыгги)
помогаетъ озимая зелень, надо только ѣсть ее прямо
ртомъ съ земли...

Оказалось, что больная не дошла до поля и пришла
назадъ.

— Боюсь, упаду,—говорить.

У нея кровоподтеки на ногахъ и болѣзненный, апе-
мичный видъ.

Много такихъ, какъ она. Всѣхъ не отмѣтишь. Бо-
лѣзнь однообразна по своему мертвому виду.

Голодающіе крестьяне очень озабочены „кормовыми“. Кто-то распространилъ слухъ, что ссуда продолжится
только до 20-го іюня.

— Чѣмъ же мы будемъ питаться послѣ 20-го
іюня?—спрашиваютъ они.

Питаться будетъ нечѣмъ. Развѣ воздухомъ.

Здѣсь помнятъ, сколько тяжелыхъ дней крестьяне
пережили, когда февральскую продовольственную ссуду
запоздали выдать во-время и выдали только въ мартъ.

На канцелярскомъ языкѣ это именуется простымъ
терминомъ:

— Задержкой.

За нее всегда бываютъ ответственны дороги, но
не люди.

А на языкѣ крестьянъ эта „задержка“ называется:

— Голодомъ.

„Задержка“ стала системой. Произошла она и съ
озимыми сѣменными.

Во многихъ селеніяхъ ихъ совсѣмъ не выдали. Пло-
щадь озимаго посѣва сильно сократилась.

А въ поселкѣ Плановскомъ,—какъ заявили его жи-
тели лицамъ, производившимъ подворную опись,—сѣ-
менная рожь была выдана въ декабрѣ...

Во-время...

Ее смололи и... съѣли.

„Задержка“ произошла и съ „подсыпкой“ (кормъ
лошадямъ).

Съ осени была продана масса лошадей. Оставшіяся
такъ отоцали за зиму отъ безкормицы, что валились
на землю.

Ихъ втаскивали въ избу и грѣли около печки.

— Въ теплѣ имъ лучше,—почему-то думали крестьяне.

— Ткнешь ее въ бокъ,—передавали мнѣ посѣщавшіе зимой избы крестьянъ,—она падаетъ...

Не лошадь, а тѣнь, призракъ лошади.

Все-таки до весны онѣ жевали кое-какъ черную солому, снятую съ крыши. Но какъ только наступила оттепель, перестали ее ѣсть. Отъ соломы, когда началась весенняя сырость, пошелъ такой дурной запахъ, что лошади предпочитали умирать, чѣмъ употреблять такой кормъ.

Начался падежъ.

Въ 192 селеніяхъ киргизоміакскаго участка 2,209 безлошадныхъ домовъ.

Въ нѣкоторыхъ селахъ было продано и подохло 40—50% лошадей.

Бороновать и пахать многимъ было не на чемъ.

Врачъ Х. Н. Васильевъ наблюдалъ такую картину:

— Татаринъ лопатой „пахалъ“ свою полосу...

Оригинально и... плакать можно.

Въ то время, какъ дошли отъ безкормицы лошади, весь уѣздъ зналъ, что белебеевское земство имѣетъ капиталъ, отпущенный правительствомъ на кормъ лошадямъ.

Съ марта ждали „подсыпки“ и не дождались...

Произошло „запозданіе“...

Капиталъ огромный—200 тысячъ. Можно было бы сохранить массу лошадей.

Все земства Уфимской губерніи воспользовались деньгами. Одно белебеевское „съэкономило“...

— Почему?—спрашивалъ я.

— Да, видите,—отвѣчали,—казна отпустила деньги только въ мартѣ. Гдѣ было тогда достать хлѣба? Началось половодье, прекратились пути. Желѣзная дорога была забита грузами...

А, можетъ быть, просто потому, что управа состоитъ

изъ назначенныхъ лицъ, а все земство—правое? У такихъ „земцевъ“ всегда бываютъ виноваты пути сообщенія.

Конечно, казна, обычно, „сгѣшила“ съ помощью населенію. Но все-таки можно было достать хлѣбъ на мѣстахъ или въ сосѣднихъ уѣздахъ и провезти его на лошадяхъ. Стоило только захотѣть и поработать.

Но управа вмѣсто работы созвала собраніе, чтобы рѣшить:

— Какъ поступить съ ассигнованной „подсыпкой“? Собраніе рѣшило:

— Поздно. Выдать деньгами.

Оно предполагало, что крестьяне сами купятъ себѣ „подсыпку“. А управа купить не могла.

Постановленіе собранія прошло благополучно черезъ губернское присутствіе. Но у губернатора Башилова оно застряло. Онъ представилъ въ министерство протестъ.

Въ министерствѣ послушались доводовъ г. Башилова, и вотъ результатъ:

— Отказать.

Причемъ въ канцеляріяхъ министерства очень долго рѣшали этотъ вопросъ. Белебей и Уфа осаждали Петербургъ телеграммами, время шло, и наступалъ уже такой періодъ, когда и выдача денегъ была бы безцѣльной. Но Петербургъ все „рѣшалъ“, пока не рѣшилъ отрицательно.

Такъ „подсыпка“ прошла мимо носа белебеевскихъ голодающихъ и вернулась обратно въ казну.

Какъ водится, опоздали и съ лошадьми. Губернское земство еще въ іюлѣ 1911 года просило 2,700,000 руб. на лошадей.

Но министерство лишь въ мартѣ 1912 года ассигновало земству 600,000 рублей на покупку лошадей.

Исторія закупки очень поучительна.

Чтобы удовлетворить всю нужду уѣзда, надо было

нѣсколько тысячъ головъ. Но предпочли пока ограничиться тремя стами.

Многія селенія совсѣмъ не получили лошадей. Въ Киргизоміаки, вмѣсто 100, дали 8.

Помощь ничтожная. Но и эту ничтожную помощь сумѣли организовать „по-союзнически“.

Губернское земство, которое расходуетъ частныя пожертвованія, договаривалось съ мѣстными (пономаревскими) барышниками. Тѣ обѣщали поставить 300 головъ, по цѣнѣ 60 р. Условіе: лошади должны быть „вполнѣ здоровы, безъ какихъ-либо пороковъ и пригодны для работы“.

Приемная комиссія состояла изъ члена уѣздной управы Шумилова, бывшаго или настоящаго председателя союза русскаго народа, и другихъ лицъ, не менѣе почтенныхъ.

Какъ эта комиссія принимала,—объ этомъ много говорятъ мѣстные крестьяне...

А *что* они приняли,—объ этомъ я сужу по жалобамъ крестьянъ:

— „Калѣчь“, а не лошади...

— Не знали мы, радость это или напасть!..

Лошади доставались по жребію, „счастливчикамъ“.

— Возьмешь ее и думаешь: сегодня она околѣетъ или завтра?

Тоція, жалкія, ободранныя клячи.

— Не стронешь съ мѣста, бьешь-бьешь...

— *Наши* лошади...

По 60 руб. крестьянамъ „всучили“ такихъ же издыхающихъ одровъ, какіе остались у нихъ отъ зимы. Можетъ быть, ихъ же собственныхъ клячь, проданныхъ на базарѣ.

Это—*помощь*...

Но въ этомъ грустномъ вопросѣ есть и другая сторона. *Такія* лошади на базарѣ стоятъ теперь 25—35

руб. Крестьянамъ „пришли на помощь“ и продали по 60 руб., съ разсрочкой на три года.

У кого же въ карманѣ осталась разнища?

Г. Шумиловъ въ приемномъ актѣ аттестовалъ одровъ какъ „вполнѣ удовлетворительныхъ коней“. Иныхъ онъ и не могъ принять.

Это называется „хозяйственной закупкой“.

— Все брали?—спросилъ я крестьянъ.

— Отчего же не взять? Когда-то мы тамъ отдадимъ!

А „калѣчь“ продать можно за пятерку... Все деньги.

Смотрятъ какъ на даровое. А отдавать 60 руб. все-таки когда-нибудь придется.

Голодающій мужикъ, какъ несостоятельный купецъ:

— Буду брать, гдѣ можно. Направо и налево. Не все ли равно: и за 100 руб., и за 100 тысячъ, одинаково посадятъ въ долговую яму.

Мужику терять нечего,—онъ все потерялъ за голодный годъ.

— Взять съ меня нечего...

Голь, какъ соколъ.

34.

Ужасный годъ пережить.

На сценѣ жизни уже другіе вопросы и интересы. Все, какъ будто, забыли о разореніи крестьянина, его нищетѣ и перенесенныхъ жесточайшихъ страданіяхъ.

Но онъ опять придетъ—этотъ ужасный, голодный годъ!.. Часто онъ заглядываетъ въ деревню.

Неужели, опять, въ тысячу первый разъ дѣлю помощи будетъ поставлено также „великолѣпно“, какъ оно было поставлено въ кампанію 1911—1912 гг.?

Опять найдутся люди, которые будутъ говорить, что „голода нѣтъ?“ Явятся карьеристы и будутъ „экономить“ деньги, ассигнованныя на помощь голодающимъ?

Когда стоны деревни станут слышны далеко,—организуютъ безтолковую, лихорадочную помощь? Безъ плана и соображеній? Сотни тысячъ рублей, предназначенныхъ на голодь, попадутъ опять въ карманы жадныхъ, безчестныхъ людей? Снова будутъ стѣснять частную помощь?..

Пора бы кончить этотъ „пиръ во время чумы“... Опыта было болѣе, чѣмъ достаточно.

Пора начать голодь называть голодомъ, а не выдумкой масоновъ...

Но, главное, пора, наконецъ, организовать планомѣрную и исчерпывающую помощь голодающему населенію. Для этого необходимо начать работу организаціи теперь же, когда еще нѣтъ голода, чтобы не смотрѣть на голодь, когда онъ явится, раскрытыми отъ удивленія глазами.

Опытъ прошлыхъ голодныхъ годовъ намѣтилъ двѣ формы планомѣрной помощи: своевременную, дешевую закупку хлѣба и общественныя работы. Необходимо поэтому теперь же выработать планъ закупки, и начать эту закупку не во время голода, а ранѣе—въ урожайные годы. Постройка элеваторовъ и зернохранилищъ должна быть ближайшей задачей. Такою же задачей нужно считать правильную, научную постановку урожайной статистики, которая давала бы знать о приближающемся бѣдствіи. Сюда относится и урегулированіе дѣла общественныхъ, хлѣбозапасныхъ магазиновъ, въ его современной постановкѣ очень жалкаго.

Планъ общественныхъ, общепользныхъ работъ долженъ быть выработанъ значительно ранѣе появленія голода.

Словомъ, съ голодомъ надо начать борьбу до появленія его. Встрѣчать ужасное бѣдствіе необходимо съ оружіемъ въ рукахъ, а не съ безпомощнымъ видомъ, съ какимъ мы встрѣчали его доселѣ.

Самое правильное, если бы все дѣло борьбы съ голо-

домъ было передано въ руки земствъ. Всякія эксцессы возможны, конечно, и въ земствахъ, особенно такихъ, какъ современные правыя земства. Но земская работа—общественная, открытая, ясная работа. Ея недостатки можно подмѣтить и исправить. Но составъ земствъ мѣняется и союзническія тенденціи, несомнѣнно, скоро уступятъ мѣсто прогрессивнымъ теченіямъ.

Наконецъ, необходимо разъ навсегда открыть широкую дорогу частной инициативѣ. Смѣшно бояться людей, у которыхъ одна цѣль—помощь ближнему. Когда же, въ самомъ дѣлѣ, наше общество будутъ пускать гулять безъ няньки?

Придетъ онъ опять—этотъ страшный, голодный годъ. И не одинъ разъ придетъ. Взгляните на него яснымъ, не затуманеннымъ предвзятостью и канцелярскою сухостью, взглядомъ и обратитесь за помощью—

— Къ обществу.

Довѣрьтесь ему!

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГОЛОДЪ 1898 ГОДА.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА I. Первые вѣсти. „Голода нѣтъ“. Запрещенія. Благодѣ- тельная „ошибка“	7
— II. Самарскій частный кружокъ. А. С. Медвѣдевъ и А. С. Пругавинъ. Красный крестъ.	12
— III. Въ деревнѣ. „Скорпионъ“. Господинъ Ярмонкинъ. Отзывы волостной администраціи и дѣйствитель- ность.	15
— IV. Въ голодающей Лашмангѣ. Попечательская столо- вая. Воровство. „Ашаты давай“.	24
— V. Сифилитикъ. Христіане за 10 рублей. Василіи Ва- сильевичи. Зараженная деревня.	33
— VI. Работа интеллигенціи. Женщины. Г-жа Левицкая.	38
— VII. „Описка“ и что отъ нея произошло.	4

ГОЛОДЪ 1911—1912 ГОДА.

ГЛАВА I. Первая вѣсть. Самарскій голодъ. „Сами справим- ся“. „Частной помощи не требуется“.	51
— II. Казань. Печальный пережитокъ.	56
— III. Исторія борьбы. „Принципъ“ прежде всего. Опоз- дади изъ за „принципа“.	61
— IV. Маета, а не жизнь. На мѣстахъ голода въ Тетюш- скомъ уѣздѣ. „Проѣдаемъ послѣднее“. Сожалѣ- ніе, что не уродились жолуди. Дѣти на общест- венныхъ работахъ.	67

	<i>Стр.</i>
— V. Безсиліе передъ бѣдствіемъ. Помощи нѣтъ. По- ложеніе духовенства. Взысканіе недоимокъ. Въ Бунинскомъ уѣз.	73
— VI. Общественныя работы.	79
— VII. Попытки скрыть голодъ.	84
— VIII. Въ Симбирской губерніи. „Голода нѣтъ“. Земство „подвело“. Кругомъ „масоны“ и „жиды“. Голо- дающіе на заработкахъ въ Орловской и Кур- ской губ. Дѣятельность духовенства.	89
— IX. По дорогѣ въ Сызрань. „Продовольственный“ господинъ. Желѣзная система. „Власіанка“. Сызранскій Илюдоръ.	96
— X. Въ Сызранскомъ уѣздѣ. Несчастная деревня. „Милліонеры“. „Зрящая работа“. Лишний ротъ. Участіе земскихъ начальникъ. „Красная“ мука.	100
— XI. Въ Самарской губерніи. Цынга въ с. Зерыклахъ. Энергичный священникъ. Безучастіе начал- ства. Картина голода.	112
— XII. Полоса ранней цынги. Красный крестъ пріѣхалъ. Протухшій „маханъ“. „Курмовой давай“.	118
— XIII. Смерть отъ голода. Мулла „воръ“. Закрытіе столо- вой. Жмыхи вмѣсто хлѣба. „Собачыи купцы“.	124
— XIV. Голодъ у отрубниковъ. Разбойничья нора. „Го- лодное“ мясо на колбасу. „Подъ сердце подка- тило“. Случай самоубійствъ. Продажа въ раб- ство. Десятникъ „путникъ“. Голодъ въ Радов- кѣ. Земскій Васильевъ.	128
— XV. По Белебеевскому уѣзду. Свѣдѣнія о дѣтяхъ, требующихъ „подкормки“. Маниловщина зем- скаго. Общественныхъ работъ нѣтъ. „Запиши въ книжку“.	137
— XVI. Голодъ у чувашъ. Прошеніе губернатору. Срочныя предписанія. Уѣздный съѣздъ выше губерна- тора. „Христіанство“ чувашъ. Сказка голоднаго года.	141
— XVII. Полное отсутствіе помощи. У кого просить? Про- дажа „душъ“. Вынужденная разборка общест- веннаго магазина.	148
— XVIII. Голодный тифъ. Тифозная изба. Большая ложь. Иллюстрація голода.	152
— XIX. Тифозный хуторъ. Разореніе и изгнаніе 60 семей.	158
— XX. По Стерлитамакскому уѣзду. Продовольственные	

	суды. Многие остались безъ суды. Земскій „Вово“ и голодные башкиры. Уфимская маниловщина. Бессарабская мамалыга для башкиръ. Разборка общественныхъ магазиновъ.	160
— XXI.	Голодный хлѣбъ. Обмороки дѣтей въ школахъ. Попытки насилій. Наказанный мулла. Хищники. Уфимская организація.	166
— XXII.	Постепенное истощаніе и смерть отъ голода. Что такое голодный тифъ?	172
— XXIII.	Хугоряне—хохлы. „Столыпинскіе помѣщики“	178
— XXIV.	Оренбургская губернія „Во время поспѣли“. Общественныя работы. Съ „кормовыми“ опоздали. Продажа „душъ“. Ошибка. Вычеты изъ кормовыхъ. „Голодные“ лошади.	185
— XXV.	Тифозная семья. Кандидатъ въ члены Государственной Думы—нищій. „Бабій разумъ.“	197
— XXVI.	По Уральской области. Разоренное поселеніе. „Обманъ“. Нѣтъ силъ пахать.	203
— XXVII.	Неустройство жизни переселенцевъ. Сырость и угаръ въ избахъ. Просить борща. Всѣмъ недовольны. Переселенецъ—казенная вещь.	208
— XXVIII.	Мечта вернуться въ „Россію“ Переселенческая политика—игра въ жмурки.	213
— XXIX.	Среди киргизовъ. Кредиты разные, а голодь одинъ. Вытѣсеніе киргизовъ переселенцами. Враждебныя отношенія.	217
— XXX.	Голодная весна 1912 г. Угрюмое настроеніе. „Отъ глада“. Тѣни вмѣсто лошадей. Разореніе. Задержка „кормовыхъ“. Безлошадные. Роль газетъ. „Безпокойство“ становыхъ. Великолѣнный „руководитель жизни“.	223
— XXXI.	Въ цыготномъ поселкѣ. Недостатокъ сѣмянныхъ. При урожаѣ будетъ голодь. Эпидемія цынги растеть. 500 случаевъ. Падежъ скота.	230
— XXXII.	Разложенія. Георгіевскій кавалеръ. Нѣтъ средствъ. Красный крестъ. „Руководители жизни“.	234
— XXXIII.	Гнилой уголь. Задержки суды. „Подсыпка“. Дѣятельность праваго земства. Вмѣсто лошадей „калѣчь“.	240
— XXXIV.	245